

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

**Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ**

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СУХАЧЕВА Э.А.
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

6 ■ 2016

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Сергей БЫЧУТКИН, глава администрации Эртильского муниципального района. Созидание нравственной среды 4
ПРОЗА	Виктор АЛЁХИН. Темные люди. Повесть 12 Валерий ПЛАТОНОВ. Юбилярша. Рассказы 57 Галина ЩЕКИНА. Продала Капитолина корову... Рассказы 78 Валерий ГОЛЕВ. Такая жизнь. Рассказы 108 Петр КУЗНЕЦОВ. Три грации. Рассказы 121 Павел КОВАЛЕНКО. Нежность в твердом переплете. Повесть 134
ПОЭЗИЯ	Виталий АПЕВАЛОВ. Заклинание. Стихи 7 Виктор ЮРОВ. А за краем земли — тишина. Стихи . 54 Небо и земля. Стихи эртильских поэтов 74
ПОИСКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	Сергей ТОЛКАЧЕВ. Кросскультурная литература постсоветского пространства 152
СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	Николай ЛЕДОВСКОЙ. Воспоминания политрука. (Ратные пути-дороги воина из сельской глубинки) .. 158 Ирина ПОПОВА, Ольга ШЕМШЕВА. «Здравствуй, отец!» (Сын-казах нашел следы без вести пропавшего родителя в Эртиле) 167
СУДЬБЫ	Валерий ПЛАТОНОВ. Личное дело Василия Троицкого. (Непридуманная история жизненных потерь и обретений) 170
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Владимир СМИРНОВ. «Там, где стал я «на крыло». (Записки бывшего председателя Эртильского райисполкома) 182
ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС	Будни великой стройки. (Фотоочерк о строительстве сахарного завода в 1930-х годах) 203
НЕЗАБЫТЫЕ СТРОКИ	Василий ПЕСКОВ. Дезертир. Очерк 207
ДУХОВНОЕ ПОЛЕ	Валентина ЧЕРМАШЕНЦЕВА. Книги о малой родине. (Эртильская библиотека имени А.С. Пушкина издает свои манускрипты) 212

Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228

Сайт журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

***«Без таких городов
не представить Россию» —
специальный проект
журнала «Подъём»:
г. Эртиль Воронежской области***

Выпуск осуществлен
при содействии администрации
Эртильского муниципального
района с целью поддержки
и популяризации
творчества земляков.

На 1-й стр. обложки: народный ансамбль «Радуга» в День города

Сергей Бычуткин,
*глава администрации
Эртильского
муниципального района*

СОЗИДАНИЕ ПРАВСТВЕННОЙ СРЕДЫ

Среди множества забот и проблем, которые нам приходится ощущать в повседневной жизни, самыми сложными и традиционными являются те, что лежат в плоскости материального производства. Ежедневно каждый из нас заботится о собственном доме, пище, одежде, о бытовых удобствах и поиске новых средств улучшения материального состояния семьи.

На мне как главе администрации района лежит значительная ответственность за состояние дел в сфере материального производства и обеспечения достойного уровня жизни земляков. Нет нужды перечислять, чем только не приходится заниматься мне как высшему должностному лицу района, включая часто и оказание непосредственной материальной помощи тем, кто в этом нуждается. На личных приемах граждан, во время встреч в коллективах, нередко даже на улице жители поднимают самые волнующие их вопросы. Это и состояние нашей нравственной среды, и общественные отношения, и поведение людей в быту. Иногда просят повлиять на черствого руководителя, заставить кого-то не мешать жить окружающим, а то и наказать за хамство соседа или родственника. Стараюсь реагировать и на такие необычные просьбы. Но по своему жизненному опыту понимаю: воспитать кого-то окриком или принуждением почти невозможно, если размыты границы нравственной ответственности, если попросту в человеке отсутствует совесть, а эгоизм зашкаливает за все разумные пределы. Таковы реалии общества потребления, которое все мы целенаправленно или за компанию со всеми создаем на протяжении многих лет.

Сегодня в нашем районе немало людей добилось личного материального благополучия. Имеют просторные, ухоженные подворья, дорогие машины и другие блага цивилизации. Застолья по случаю личных празднеств, фейерверки и шашлычно-коньячные «отрывы» тоже демонстрируют рост материальных возможностей многих сограждан. На мусорную свалку иногда отправляют такое, что еще вчера являло предмет мечтаний

многих. Строим и осовремениваем объекты социальной сферы, решаем вопросы бытового характера, улучшаем показатели производства. Не так быстро, но развиваем практически все сферы, но... Когда при встрече с людьми задаешь традиционный вопрос: «Как дела?», то чаще слышишь, что дела-то, собственно, никуда не годятся, что радостей у человека почти никаких, а проблем в семье, на работе и в быту, как говорят, выше крыши.

Вот и получается: чем больше мы стремимся жить обеспеченней, сытней и современной, тем меньше от всего этого практической пользы и удовлетворения. Тревожит и то, как мы относимся друг к другу. Эгоизм, самолюбие и нежелание сострадать, помогать, делиться и сопереживать отравляют жизнь, создают проблемы на каждом шагу. Моральная глухота и слепота порождают нищету и сиротство из числа тех, кто не приспособлен к агрессивной среде потребительства и индивидуализма. Чтобы сделать для себя такие выводы, совсем не требуется собирать доказательства, достаточно пройтись по нашим улицам, побывать на рынке или, к примеру, постоять в очереди к доктору.

В наиболее развитых сообществах, странах и цивилизациях не забывают уделять внимание состоянию умов и нравственного потенциала своих сограждан, поощряют и поддерживают тех, кто инициативен в общественных делах, патриотичен не на словах, а на деле, кто живет, замечая и уважая окружающих. Формирование комфортной среды человеческого обитания — самое сложное, далеко не сразу благодарное, но наиболее перспективное для любого общества занятие. Каждый из нас должен учиться объяснять проблемы своих неудач, своего одиночества, невостребованности, униженного или отверженного состояния.

В последние десятилетия этим успешно занимается православная церковь. Поворот многих из нас к храмам, церковным тревам и религиозным книгам совсем не дань моде. Ежегодно в июне эртильцы видят полноводную людскую реку крестных ходов по окраинным улицам районного центра. Истое православное служение протоиерея отца Василия и других священников, рукоположенных в храмы района, сеют благородные зерна, смягчают крутые нравы и сдерживают от дурных поступков немалое число приходящих на исповедь. Но растет ли число исповедников и глубоко ли раскаяние получающих причастие? Способна ли только одна церковь научить любить окружающих больше себя самого и дать ответы на все духовно-нравственные вопросы? Конечно, нет.

Внятная и понятная для большинства сограждан внутренняя и внешняя политика Российского государства, разумные действия Президента породили очевидный рост патриотических настроений. После многих лет поисков национальной идеи мы, кажется, увидели ее в следовании завету предков — хранить и беречь нерушимость границ и традиционных нравственных устоев. Мы увидели, что с нами мудрейшие старцы, великая русская литература, выдающееся художественное искусство и миллионные Бессмертные полки тех, кто выстрадал наше счастье и право ощущать себя полноценной нацией, как и прежде влияющей на ход мировой истории.

У себя в районе мы верим и надеемся на патриотичную молодежь, защищающую честь не только района, но и области в поединках школьной баскетбольной лиги «КЭС-Баскет». Весь город приходит насладиться танцами любимого ансамбля «Радуга» на главной площади Эртиля. Ветераны спокойны и горды, видя сотни портретов своих отцов в руках

молодых парней и девочек в День Победы. Мы поддерживаем местное телевидение, которое с помощью Интернета дает возможность сохранять связь с малой родиной тысячам земляков, живущих в разных уголках большой страны и за ее пределами.

Незаменимый вклад в создание культурного и информационного пространства вносит районная газета «Эртильские новости». Творчески, креативно работают районная библиотека и ее руководитель В.А. Чермащенко. Самобытную деятельность краеведческого музея высоко оценивают не только жители района, но и наши гости. Оживляется воспитательная работа в общеобразовательных школах и детской музыкальной школе, в учреждениях дополнительного образования района и загородном лагере «Ласточка».

Как известно, сеять разумное, доброе, вечное и на примерах прошлого предостерегать от ошибок способны книги. Но, конечно, не всякие, а те, что мы готовы понять и воспринять. Уникальным направлением в формировании культурной среды в нашем районе стало издание книг местных авторов. За двенадцать последних лет вышли 19 томов. Краеведческие издания, сборники стихов, автобиографические воспоминания, повествования о замечательных земляках и детские рассказы вполне востребованы и в наше «нечитабельное» время. Их наличие в книжном потоке уже само по себе ориентирует нас на то, что добрые и значимые для всех дела, а тем более подвиги не могут быть забыты в поколениях. Знание о прошлом малой родины рождает уважение и любовь к земле отцов и дедов, а литература пробуждает творчество, желание думать не только о хлебе насущном. Наше поэтическое объединение «Эртильская волна» участвует в областных и всероссийских конкурсах, активно проводит межрайонные поэтические фестивали. Все это и удивительно, и ценно, когда повсюду столько разговоров о длительном кризисе и нехватке материальных ресурсов.

В марте 2014 года мы осуществили давнюю мечту: в сотрудничестве с журналом «Подъём» издали полноценный «эртильский» номер с произведениями наших земляков и тех, кто имел непосредственное отношение к судьбе края. Тематический выпуск вызвал необычайно высокий интерес у жителей, удивительно быстро разошелся по району, области и стране. Вроде бы не такой экстраординарный повод для воодушевления, но он стал таковым. Оказалось, что в сегодняшнем безбрежном море самой разной информации, гуляющей на интернет-пространствах, самым желанным для человеческой души является то, что рядом, что греет сердце, что дорого и узнаваемо. Прошло чуть более двух лет, и мы ощутили внутреннюю необходимость вернуться к этому издательскому проекту: он объединяет наших жителей, вселяет в них оптимизм и веру в добро, вносит свой неповторимый колорит в создание современной нравственной среды, чему администрация района сегодня уделяет деятельное внимание.

Виталий Анатольевич Апевалов родился в 1980 году в городе Макеевке Донецкой области. Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Учитель русского языка и литературы Первомайской средней общеобразовательной школы Эртильского района. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках «Эртиль поэтический», «Дыхание надежды и весны», антологии «Воронежские поэты — XXI век». Руководитель литературного объединения «Эртильская волна».

Виталий Апевалов

ЗАКЛИНАНИЕ

МОИ КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Памяти В.С. Высоцкого

Мать честная! Что за жизнь,
старуха страшная:

Ноутбук, и Интернет, и ручки гелевые...
А мне хочется напиться дня вчерашнего
По-над пропастью, где кони привередливые.

Эх ты, сердце, мое сердце, все без отдыха
Погоняешь кнутовищем, непоседливое.
Впереди одни туманы — где взять воздуха?
Как нарочно мои кони привередливые.

Как скакать и не бояться — штука тонкая:
Очертания обрыва неприметливые.
Чуть забудешь — понесутся с песней звонкою
Вслед за ветром мои кони привередливые.

А уж я забуду точно: я забывчивый.
Не помогут и советы надоедливые.
Раз живу наперекор чужим обычаям,
То и кони мне достались привередливые.

ЗАКЛИНАНИЕ

Заклинаю тебя от вьюги,
От наветов и козней тьмы,
От предательства злого друга,
От хулы, сумы и тюрьмы;
От неожиданного в доме гостя,
Череды роковых смертей,

От неистовой в сердце злости
На животных и на людей;
От грабителя и от вора,
От булыжника и петли,
От незначащих разговоров,
Что ты идол и пуп земли;
От неверия в свои силы,
От проклятий родной Руси,
От того, что душа просила,
Что не следовало просить.

ЧИТАЙТЕ, ДЕВОЧКИ, СТИХИ...

Когда по манию стихий
По небу злобно мчатся тучи,
Читайте, девочки, стихи:
Они плохому не научат.

Печаль уйдет, уйдет и гнев,
Как все проходит в этом мире,
И только Рыцарь на коне
Пускай останется в квартире.

Тверда рука, слова как сталь,
Без страха Рыцарь и упрека.
Ваш милый мальчик взрослым стал,
Но до Него ему далеко...

Я знаю: бешенство стихий
Сорвет листву с деревьев сада.
Читайте, девочки, стихи,
Не плачьте, милые, не надо.

О РОССИИ

Говорят, через десять лет
По велению злобной силы
Не останется на земле
Даже памяти о России.
Черный ворон у трех дорог
Хриплым голосом от натуги
Прокричит: «Православный Бог
У Иуды навечно в слугах!
Вы же, мытари и рабы,
Что, наверно, одно и то же,
Крест оставите без борьбы
Фарисеям в змеиной коже».
А они уж начнут кроить,
Да ругать, да паскудить в блюде

Спаса вечного на крови,
Спаса, преданного Иудой...
Пусть пройдет еще десять лет,
Я не верю, что в дали синей
Не останется на земле
Даже памяти о России.

ПЕСНЯ СТЕПАНА РАЗИНА

Эх, душа, не плачь,
Будешь вечно жить,
Зря топор палач
Станет в ночь точить.

Зря зловеший звон
Да тревожный стук,
Будет сладкий сон
К смертной казни глух.

Что не спишь, скорбя?
Краток бранный путь.
На заре тебя
Казнь и каты ждут.

Голова, как ком,
Отлетит к толпе.
У царя закон —
От бояр терпеть.

Подняла душа
Не по силе груз,
Принялась решать
За святую Русь...

Эх, душа, не плачь,
Будешь вечно жить,
Уж топор палач
Перестал точить...

СТАРЫЙ ДЕД ГОВОРИЛ...

Наважденье. Хоть плачь.
Неприятный итог.
Был не в меру горяч
И без меры жесток.

Вышел я на часок
За родимый порог.
А вернулся назад,
Все с укором глядят.

И, конечно, со зла
Старый дед говорил:
«Видно, ты свой талант,
Как собаку, зарыл».

«Дай мне, дед, только срок, —
Говорил я ему. —
Мне бы неба глоток!..»
Ну а он: «Ни к чему.

Да, былъем поросла
Свежесть вешней зари», —
Мне, конечно, со зла
Старый дед говорил.

«Дал бы, дед, я зарок
В искупление зла...
Мне бы неба глоток!..
Да душа умерла.

Вышел я на часок
За родимый порог.
А вернулся назад,
Все с укором глядят.

Нет, на новый приют
Не найдется мне сил». —
«Без души не живут», —
Старый дед говорил.

* * *

Ну что сказать еще осталось?
Я дальше ясно вижу путь.
Пропеть есенинскую радость,
Осмыслить блоковскую грусть?

Греметь раскатами над миром,
А после сделаться дождем
И с горьким привкусом сатиры
Стучаться в окна в каждый дом.

Пропеть невиданные дали
Дрожащим голосом струны
Гитары, прозвучавшей даром
Для всей оглохнувшей страны.

И эхо скорбно отзовется,
Фальшиво пробуя мотив,
В лучах полуденного солнца
Мою печаль передразнив.

НАПИШИ МНЕ...

Напиши мне, напиши,
Напиши стихотворенье
С пылким жаром откровенья
Растревоженной души.

Напиши мне, как всю ночь
С неба веет холод жуткий
И зима седьмые сутки
Выметает осень прочь.

Напиши мне, напиши,
Напиши, что грустно очень,
Что метель разносит в клочья
Жар страдающей души.

Напиши, что ветер хмур,
Напиши, что окна стынют,
Мир ограблен и покинут
Вереницей белых кур.

Напиши мне, напиши...
Я смотрю в почтовый ящик,
Словно встречи это наши...
Напиши мне для души.

* * *

Здесь намолены сорок тысяч верст,
Здесь рассказаны сотни тысяч снов.
На лихом коне далеко до звезд,
А пешком идти, так не хватит слов.
Здесь загаданы сорок тысяч фраз,
Здесь подслушаны песни тысяч вьюг.
И любили мы, как в последний раз,
Но как равные: ни господ, ни слуг.
Здесь распахана глубина степей,
Здесь намерили океан страстей.
Как бы нам с тобой за сто лет успеть
Напоить коней, проводить гостей.

Здесь Россия-Русь испокон веков,
Необъятная, как славянский мир,
Прогоняла прочь от себя врагов
И звала друзей на почестен пир.

Виктор Андреевич Алёхин родился в 1931 году в селе Щучье Эртильского района Воронежской области. Окончил Воронежский государственный педагогический институт, аспирантуру при кафедре философии ВГПИ. Кандидат философских наук. Работал учителем в школах Аннинского и Панинского районов, преподавателем Борисоглебского, Липецкого педагогических институтов, доцентом кафедры философии ВГПИ. Публиковался в региональных научных и литературных изданиях. Автор сборника рассказов и нескольких повестей. Живет в Воронеже.

Виктор Алёхин

ТЕМНЫЕ ЛЮДИ

Повесть

1

В шесть часов утра, по укоренившейся давнишней привычке, Светлана Константиновна встала с постели, подошла к раскрытому окну, полюбовалась ярко-зеленой, омытой недавними теплыми летними дождями листвой ветвистых тополей, кленов, березок, роскошными цветами, красовавшимися в клумбах, занимавших значительную часть двора пятиэтажного дома, в котором она жила. Из всей неоглядной и неразрывной цепочки дней и ночей, рассветов и закатов ей больше всего нравилось летнее июльское утро. Она посмотрела на хрустально чистое безоблачное небо. Солнышко поднялось невысоко и разогреться пока не успело. Светит ласково, нежно, улыбочиво, словно хочет сказать: «Люди, не волнуйтесь. Моего тепла хватит на всех». Хоть сколько смотри на эту красоту — не насмотришься, сколько ни любуйся — не налюбуйешься.

Светлана Константиновна никуда не торопилась, не строила неотложных планов, одним словом, как и все неработающие пенсионеры, жила спокойной, размеренной жизнью, по принципу «сама себе хозяйка». Но и без дела не могла сидеть —

Журнальный вариант

тоже привычка, выработанная за многие десятилетия. Всяких дел, домашних и прочих, непочатый край. Есть у Светланы Константиновны одно занятие, без которого она не может представить свою жизнь. Еще с детства она пристрастилась к чтению художественных книг. Вот и теперь, дожив до пенсионного возраста, частенько сидела за чтением какого-либо романа, рассказа или повести. Особую, прямо-таки неопишемую любовь Светлана Константиновна питала к русской классике, которую считала вершиной мировой художественной культуры; многое из этого наследия перечитала по нескольку раз, получая всегда несказанное наслаждение. Не исключена возможность, что любовь к художественной литературе привела к тому, что после филологического факультета университета она практически всю жизнь работала библиотекарем в городской библиотеке. А перед пенсией несколько лет была заведующей этой библиотекой. И если сейчас ей придется разговаривать с кем-либо о книгах, то она непременно ненавязчиво скажет, что книга — это величайшая ценность, которую создал человеческий разум; и обязательно добавит, что к любой книге следует относиться со священным трепетом.

Жила Светлана Константиновна в двухкомнатной «хрущевке». С некоторых пор, чтобы не было скучно одной и в целях пополнения личного бюджета, стала пускать квартирантов. Сейчас у нее квартировала молодая симпатичная девушка Лота, работавшая менеджером одного крупного книжного магазина. Лота кончила политехнический институт, но работу по специальности не нашла, поэтому пришлось довольствоваться тем, что подвернулось под руку.

После утреннего кофе Светлана Константиновна собралась в скверик, находившийся недалеко от дома. По коридорчику она ходила тихо, почти бесшумно, на кухне старалась не греметь посудой, ложками, вилками, двери открывала и закрывала с необыкновенной осторожностью, чтобы нигде не скрипнуло, не звякнуло, радио не включала, хотя любила слушать последние новости. Причиной соблюдения такой абсолютной тишины было то, что Лота, занимавшая другую комнату, еще спала крепким сном. Кошунственно, по разумению пожилой хозяйки, тревожить сладкий сон молодой девушки. Добрая, отзывчивая по своей природе, она старалась создать все необходимые условия для спокойствия менеджера.

2

Лота проснулась чуточку позже хозяйки. Облачившись в яркий розовый халат, она вышла из своей комнаты в коридор. Ее светло-рыжие волосы взлохматились после ночного сна, большие, несколько кругловатые глаза смотрели сонно; Лота чему-то рассеянно улыбнулась, когда возле ванной комнаты встретилась с хозяйкой.

— Доброе утро! — не сходила вялая улыбка с полных губ менеджера.

— Доброе утро, Лоточка! — приветливо улыбнулась Светлана Константиновна. — А ты почему сегодня так рано встала? Тебе ведь к десяти часам на работу.

— Я сегодня немного позже пойду. Буду дома изучать документацию. Ужасно сколько бумаг накопилось, — посетовала Лота. — Надо их рассортировать и сложить по порядку. А вы, наверное, сейчас будете читать? Вы много уделяете времени чтению. У вас такая хорошая библиотека.

— Нет, я сейчас читать не буду. Я сейчас пойду в сквер. Такое утро сегодня замечательное. Надо подышать свежим воздухом. А читать потом

буду. Но я сейчас не так много читаю. У меня гипертония. Об этом нельзя забывать. В основном я читаю днем.

— Свою библиотечку вы сами приобрели или дети? — заинтересовалась Лота.

— Дети помогали мне финансами. А я подписывалась на всякие издания. Если хочешь что-нибудь почитать, бери любую книгу, — указала Светлана Константиновна на полки, стоявшие в ее комнате.

— Нет, нет! — замахала Лота обеими руками, словно отпугивая от себя ночное наваждение. — Я просто так спросила. Сейчас некогда читать. Да я как-то не пристрастилась к чтению.

— Ты что, никогда не читала художественных книг? — широко раскрыла глаза Светлана Константиновна.

— Нет, я читала, — неуверенно сказала Лота, глядя в сторону.

— Я очень люблю нашу отечественную классику, — не без гордости сказала Светлана Константиновна. — Многие романы и повести перечитывала по два раза, а то и больше. Очень люблю Льва Толстого. А ты любишь нашу русскую классику?

— Я тоже Толстого люблю, — еле слышно промолвила менеджер.

Светлана Константиновна боготворила людей, которые любили художественную литературу. И общалась с ними с большим наслаждением, когда выдавался благоприятный момент.

— Какой роман Льва Николаевича ты прочитала последний раз? — спросила она квартирантку.

Лота расплывчато взглянула на хозяйку.

— Ой, знаете, я еще как следует не проснулась, — она аппетитно зевнула и помахала ладошкой вокруг рта. — Вы кого назвали?

— Льва Николаевича.

— А-а-а, — растерянно промычала Лота. — Мне больше всего понравился его роман «Мартышка и очки».

— «Мартышка и очки?» — напрягла Светлана Константиновна слух, потому что не поверила ушам своим.

Поклонница русской классики опешила, но постаралась скрыть свое недоумение.

— Понравился?

— Разве может не понравиться этот роман Льва Николаевича! — широко и свободно улыбалась Лота, обнажив верхние зубы и бледно-розовые десны.

Светлана Константиновна не стала стыдить квартирантку, не стала укорять ее, разъяснять, что у Льва Николаевича Толстого нет такого романа и быть не могло. Зачем это нужно? Это бессмысленно и бесполезно. Ей все было ясно. Но про себя все же подумала, какая темная у нее квартирантка.

— Ну что ж, Лоточка, — милосердным тоном сказала хозяйка, — ты сейчас завтракай и занимайся документами. А я пойду в сквер. Дома не хочу сидеть в такую погоду. И потом, это благотворно влияет на здоровье. У меня гипертония. Нужен свежий воздух.

— А после оздоровительной прогулки в сквере, — мило улыбнулась Лота, — будете читать что-нибудь.

— Обязательно! Немного почитаю.

— Что вы сейчас читаете?

— Рассказы О. Генри. Замечательный писатель!

— Первый раз слышу, что есть такой.

— Очень жаль, Лоточка. Ты многое потеряла в жизни. У меня есть двухтомник О. Генри. Если захочешь, почитай, — посоветовала Светлана Константиновна, сомневаясь, однако, что квартирантка возьмет в руки эти томики.

3

В сквере Светлана Константиновна медленно и беззаботно прогуливалась по аллеям, любовалась яркими красивыми цветами, сидела в тени старой липы, раскинувшей во все края густые ветви. На одной аллее повстречалась со своими бывшими коллегами по библиотеке: поговорили от души, вспомнили, как полагается в таких случаях, работу, хорошее и плохое, порадовались встрече и, конечно, договорились встретиться как-нибудь еще для поддержания духа дружбы и товарищества, объединявшего их в прежние годы.

Домой Светлана Константиновна возвращалась в приподнятом настроении и с хорошим самочувствием: прогулка в сквере, где воздух относительно чист и свеж, повышает жизненный тонус, укрепляет нервную систему и хоть немножечко, но все же стабилизирует артериальное давление. Отдохнув в сквере около часа, Светлана Константиновна отправилась домой.

Маршрут всех жильцов, обитающих в ее доме, куда бы они ни шли из дома и откуда бы ни возвращались в любое время суток, пролегал мимо ненавистой всем мусорной свалки, располагавшейся в непосредственной близости от дома и с вызывающей омерзительностью торчавшей на фоне густого школьного сада, раскинувшегося за высокой железной оградой. Довольно часто от мусорной свалки несло тошнотворным зловонием.

Светлана Константиновна за многие десятилетия окончательно свыклась с этим маршрутом. По нескольку раз в день она проходила по нему, когда не болела, и не обращала ни малейшего внимания на мусорные баки, стоявшие ровно, словно солдаты в шеренге, на кирпичную стенку, имеющую форму громадной скобы и предназначенную, по всей вероятности, для указания на то, чтобы всякие технические и пищевые отходы не выбрасывались далеко за ее пределы. Светлана Константиновна не замечала чрезмерно переполненных баков, из которых мусор сваливался прямо на цементную площадку, засоряя и заваливая до безобразия все ее пространство.

Но в этот раз она обратила на свалку очень пристальное и, может быть, даже болезненное внимание. Она замедлила шаги, и у нее перехватило дыхание. Ее взору открылась безрадостная картина. Такой дикости Светлана Константиновна никогда не видела. И даже не думала, что такое вообще возможно. На краю цементной площадки, метрах в пяти от крайнего мусорного бака, сплошь, как и все остальные, изъеденного многочисленными разводами грязно-коричневой ржавчины, возвышался внушительный ворох книг, толстых и тонких, новых и основательно потрепанных, поблекших от времени. Кто-то просто вышвырнул их на мусорную свалку, в грязный песок, перемешанный с грязной, замусоренной землей и бледными, чахлыми стеблями увядшей травы. В основании этой книжной пирамиды из-под сваленных книг торчали рыбы кости, памятные одноразовые стаканы, молочные, кефирные, майонезные пакеты разной величины, виднелись концы говяжьих костей, еще не обглоданных голодными бездомными собаками, водочные бутылки, — чего тут только

не было?! Тяжелое, удручающее зрелище! Пенсионерку, всю сознательную жизнь посвятившую служению духовной культуре в стенах городской библиотеки, чуть не парализовало. У нее онемели все чувства, на глаза упал туман, и ей казалось, что она сейчас упадет в обморок. Она стояла неподвижно перед ворохом, не находя слов для возмущения. Прямо сверху, осиротевшим изгоем лежал томик рассказов Льва Николаевича Толстого. Под рассказами лежала книга потолще: Светлана Константиновна могла прочитать на ней только одно слово — Анна. Конечно, это был роман «Анна Каренина». Пониже, как-то неудобно, наискось пристроились рассказы Джека Лондона в светло-бордовом переплете. Тут были Короленко, Успенский, О. Генри, Тургенев, Диккенс, Лесков, даже Пушкин и Гоголь, — все невозможно рассмотреть, потому что подавляющая часть книг была не видна. Светлана Константиновна наклонилась и левой рукой сдвинула макушку книжной пирамиды. Там, в глубине, обнажился еще один пласт классиков мировой и русской литературы вперемежку с произведениями современных писателей. Внутренне она возмущалась и негодовала. Ей хотелось закричать на всю округу: «Люди, что ж вы такие темные? Зачем же вы выбрасываете на помойку такое великое, такое бесценное богатство?» Но вместо этого она тихо прошептала: «Господи, куда ж мы идем? Что с нами будет?»

Из-за продуктового киоска, стоявшего у транзитного шоссе, показался громадный оранжевый мусоровоз. Оставляя за собой тяжелые, черные облака дыма, он направлялся прямо к мусорке. Светлана Константиновна отошла в сторону, чтобы не мешать водителю и быть подальше от выхлопных газов. Она почувствовала маленькое облегчение, когда обнаружила, что книги не помешают мусоровозу подъехать к бакам. Трудно представить, что было бы с ними, окажись они на пути машины. Водитель оказался весьма проворным и минут через пятнадцать, побросав мусор в железное чрево мусоровоза, уехал.

Светлана Константиновна снова подошла к выброшенным книгам. Она лихорадочно думала, что ей надо предпринять, чтобы спасти это сокровище. Мимо, метрах в двадцати от мусорки, шли люди. Мужчины и женщины, молодые, среднего возраста, пожилые, малолетние дети с родителями, бабушками; звонкоголосые, жизнерадостные и загорелые юноши и девушки, торопившиеся на пляж, чтобы не потерять даром прекрасный солнечный денек. Старушки в длинных темных юбках, в старомодных платьях, в которых, наверное, щеголяли еще во времена девичества, маленькими группками, неторопливо тянулись в церковь; шли они молча, даже угрюмо; многие уже возвращались оттуда с радостными, улыбающимися лицами и увлеченно переговаривались между собой о боге, бабюшке и покаянии.

Но никто из проходивших не обратил даже беглого внимания на книги, выброшенные на помойку, в отходы. Светлана Константиновна стояла одна, ничего не замечая, кроме книг.

4

На одной площадке со Светланой Константиновной, как говорится, через стенку, жила баба Фрося, бойкая, общительная и разговорчивая старушка; несмотря на солидный возраст, баба Фрося не смотрелась бесильной развалюшкой, неспособной ни на какие дела. У нее, конечно, было немало хворей; но в наше время с хворями ходят и молодые. Баба

Фрося жила одна в однокомнатной «хрущевке»; дети ее приобрели современные квартиры, а ей оставили однокомнатную. Лет пять назад она переехала в эту квартирку из своей деревни. Дети приглашали ее жить к себе, но она пока не торопилась: одной жить вольнее, никто не указывает, не учит, что делать, что сказать, когда утром встать, а вечером лечь спать. Ее знали практически все жильцы ТСЖ; но никто не знал ее фамилию и отчество, кроме членов правления ТСЖ. Дети, молодежь, люди среднего возраста звали ее «баба Фрося», ее ровесницы и ровесники — просто Фрося. Почти всю жизнь баба Фрося прожила в деревне, и это наложило неизгладимый отпечаток на ее выговор. Некоторые, не очень серьезные жильцы, неизвестно по каким признакам причислявшие себя к интеллигентному слою людей, втихоря подсмеивались за ее спиной: мол, некультурная, необразованная бабка, «чавокает», «почамукает», «кудыкает». Однажды Светлана Константиновна вежливо разъяснила этим жильцам, что Фрося говорит правильно и культурно, немножко старомодно. Просто в ее речи чувствуются местные диалекты, а также сказываются отдаленные отголоски старославянского и среднерусского языков. Узнав об этом, баба Фрося прониклась к соседке настоящими высокими чувствами, полюбила ее беззаветно и преданно, и с тех пор души в ней не чаяла; всякий раз старалась изыскать малейшую возможность, самый крошечный предлог, чтобы хоть как-то, хоть чем-то помочь ей; когда у Светланы Константиновны поднималось артериальное давление, баба Фрося выражала незамедлительную готовность сходить в магазин за продуктами, в аптеку за лекарствами; и жили они душа в душу, вместе гуляли по двору по утрам и вечерам, когда становилось прохладно и Светлана Константиновна отменяла прогулку в сквер; зимой ходили друг к другу, пили чай, беседовали, а когда отступали морозы, выходили на улицу подышать свежим воздухом.

Баба Фрося ходила в церковь. Не каждый день, но довольно часто, особенно, когда не было сильной жары, дождя или трескучих морозов. Новую небольшую церквушку построили совсем недавно, близко от дома, и добраться до нее можно было без городского транспорта. Ей, как и многим другим старушкам, это пришлось по душе. Светлана Константиновна тоже ходила в церковь, хотя не так часто.

Утром баба Фрося надела свое давнее, но неплохо сохранившееся платье темно-коричневого цвета, седую голову накрыла беленькой, в горошек, косыночкой, завязала узелок под горло, над морщинистым лбом сделала остроконечный кулечек и отправилась в церковь. Помолилась, поставила свечку за здоровье всех родных, поцеловала батюшке ручку и, довольная общением с Богом, спокойно пошла домой, испытывая в душе самые лучшие чувства. Выйдя из церковной арки, увидела Светлану Константиновну, понуро стоявшую на мусорке перед ворохом книг. Соседка стояла неподвижно, будто каменная статуя. Баба Фрося зорко присмотрелась к ней, особенно к страдальчески-горестному выражению бледного лица и, не раздумывая, заторопилась к ней.

— Здравствуй, Константина! — с искренним радушием сказала она, неслышно подойдя к соседке. — Иду я из церкви домой. Вот увидела, что ты стоишь. Уж больно ты чем-то сегодня расстроенная, горемычная, вид у тебя какой-то прямо убитый, — щурила она свои слезящиеся глаза, обведенные беспорядочными сеточками крупных и маленьких морщинок. — И стоишь в таком месте, на мусорной свалке. Что с тобой, Константина? — смотрела она на соседку с прозрачной детской наивностью.

— Фрося, посмотри на эти книги, — глухо, не сдвинувшись с места, произнесла Светлана Константиновна. — Не могу успокоиться. Что же это такое творится?!

— Я вижу, вижу, — соболезнавала баба Фрося, все еще тревожась за соседку. — Ты переживаешь, потому что любишь книжки. Я знаю. Ну и что книжки? Ну и пусть тут лежать. Чаво за них так переживать? Зачем надрывать душу?

— Невежественные люди выбросили эти книги. Совершенно бескультурные, темные.

— Константинна, не изнуряй свою душу. И успокойся. Пошли домой, — сказала она с такой сокровенной нежностью, с какой обычно говорят с несмышлеными детьми.

— Это же самая настоящая дикость! — не тронулась с места Светлана Константиновна. — Разве можно так обращаться с книгами? Ты только посмотри: Лев Толстой, Джек Лондон, Тургенев, Пришвин, Чехов...

— А кто они есть-то?

— Писатели, почти все русские писатели.

— А когда они жили? — заинтересовалась баба Фрося.

— В девятнадцатом веке. Больше ста лет назад.

— Так давно? — удивилась баба Фрося. — И што о них теперь горевать? Выкинь из головы и не переживай. На тебе лица нет. Пошли домой.

— Нет, Фрося, не могу я успокоиться, — грустно сказала Светлана Константиновна. — Это же наше духовное богатство. Ведь человек сыт не хлебом единым.

— Я, знаешь, чаво тебе посоветую, — уж очень хотелось бабе Фросе хоть как-то помочь соседке. — Послушай меня внимательно. Я сейчас сходила в церковь. Помолилась, поклонилась нашему Господу Богу, поцеловала ручку у батюшки, и мне так хорошо стало на душе, — приложила она сморщенные ладони к впалой груди, зажмурилась и на несколько мгновений замерла, приподняв лицо к небу. — Я как вроде бы заново на свет родилась. И ты тоже так сделай. Сходи в церковь. Она тут рядышком. Помолись, поклонись, потом поцелуй ручку у батюшки. И как на свет божий снова народишься. А книжки... они и есть книжки. Их можно опять напечатать. И не нужно так из-за них убиваться.

Светлана Константиновна отрешенно смотрела на книги и не слышала ни одного слова бабы Фроси.

— Кто же это мог сделать? — тихо спросила она.

— Чаво сделать?

— Кто мог книги выбросить на мусорную свалку?

— Ты знаешь, — конспиративным шепотом сказала баба Фрося и подошла к соседке поближе, — я сегодня проснулась рано. Никак нет сна, хоть убейся. Походила по комнате. Чай вскипятила. Видела, как ты пошла в парк на прогулку. Мне из окна все видно, как на ладони. Гляжу, слесарь Кудылкин понес на горбу целый мешок. Мяшок распирали какие-то острые углы. Теперь все ясно — он относил на мусорку книжки. Через немного времени вернулся домой. Я все стояла и смотрела в окно. Чуть погода этот слесарь Кудылкин опять понес на мусорку целый мяшок. И опять углы распирались. Опять книжки понес. И вернулся пустой. Ты хорошо знаешь его. Он в нашем ТСЖ работает слесарем. Он в прошлом году ставил тебе смеситель. Вчера вечером на мусорке не валялись никакие книжки. Это Кудылкин вышвырнул. Это, знаешь, чьи книжки?

— Чьи?

— У слесаря Кудылкина была бабушка. Она работала учительницей. Преподавала эту... как ее?.. вот когда книжки читают.

— Русский язык и литературу?

— Да, лилатуру эту. И не выговоришь. Ну, мне простительно, я малограмотная. Вот у нее, у его бабушки, была библиотека. У нее было очень много книг. Это я точно знаю. Бабушка не так давно умерла. А он эту библиотеку выбросил на свалку, — рассказывала баба Фрося с таким серьезным видом, будто сообщала невероятно важную информацию. — А скоро сюда придет дворник Метлушкин, — сообщила она. — Ему надо чистить мусорную площадку от всякого хлама, который остается после вывоза отходов. Как бы эти книжки он не пошвырял в мусорный бак. Тогда ты совсем с ума сойдешь. Ума у этого дворника никакого нету. Весь день пивом наливается. И никак не нальется. И слесарь Кудылкин такой же. Все карманы забиты пивными банками. Знаю я их обоих. Как облупленных, — строгим голосом обличала баба Фрося слесаря и дворника.

— Дворник скоро должен прийти? — заметно заволновалась Светлана Константиновна.

— Часов в десять он появляется. Сначала идет в магазин за пивом, напьется, а потом начиная швырять мусор в баки. С ним надо поговорить. А то с дурьей головы надела делов. Все книжки окажутся в баке. Ты тогда не переживешь, — беспокоилась баба Фрося о душевном спокойствии соседки.

— С дворником надо обязательно поговорить, — решительно сказала Светлана Константиновна, любовно оглядывая книги.

5

Почти три года Кудылкин работал слесарем ТСЖ. Это мужик лет тридцати пяти, плечистый, плотный, крупнолицый, с жиденьким чубчиком, небрежно топорщившимся у левого виска; он всегда бледен, неизвестно по каким причинам. С виду Кудылкин человек энергичный, напористый, серьезный, в меру разговорчивый; с жильцами общался только по делу, которое так или иначе увязывалось с ремонтом труб, вентилях, кранов и прочих неотъемлемых принадлежностей систем жизнеобеспечения каждой квартиры; без дела, как он говорил, нечего молотить языком. Жильцы относились к нему с уважением за то, что он хорошо знал свое слесарное дело. Кудылкин возрождал к жизни умирающую сантехнику и водоснабжение и тем самым укреплял свой авторитет в глазах жильцов.

Он шел на работу и, увидев на мусорке знакомых старушек, подошел к ним, чтобы спросить о здоровье: он любил демонстрировать свою вежливость перед пожилыми людьми.

— Вот он! — встрепелась баба Фрося.

— Кто? — слегка вздрогнула Светлана Константиновна от неожиданного возгласа соседки.

— Слесарь Кудылкин. Он вышвырнул книжки на мусорную свалку. Тем временем слесарь подошел к пенсионеркам.

— Здравствуйте, многуважаемые собственники жилья! — бодро приветствовал слесарь старушек. — Как ваше самочувствие, драгоценное здоровье?

— Ты нам лучше скажи, зачем ты выбросил бабкины книжки на мусорную свалку? — не обратила внимания баба Фрося на приветствие слесаря. Она даже нахмурилась, сдвинула реденькие брови к переносице.

— А тебе какое дело, баб Фрось? — ответил Кудылкин. — Это моя собственность. Она досталась мне от бабушки. Что хочу, то и делаю с ней. Если хочешь, забери все книги себе. И читай. Читать-то умеешь? — и откалился до ушей.

Светлана Константиновна пристально присматривалась к слесарю, пытаясь понять, что он за человек и есть ли у него какой-нибудь разум.

— Кудылкин, ну нельзя же так рассуждать, — огорченно произнесла она. — Это же самое настоящее варварство. Разве можно так поступать с книгами?

— Никакого варварства здесь нет, — уверенно ответил Кудылкин. Он вынул из кармана замызганного рабочего халата, в котором ремонтировал домашние системы жизнеобеспечения, банку пива «Балтика», ловко откупорил ее и, запрокинув голову, глотнул, затем опустил руку с банкой и посмотрел на Светлану Константиновну.

— Нет, это самое настоящее варварство, вопиющее невежество! — гневно звучал голос обожательницы русской классики.

Кудылкин опять запрокинул голову и приставил банку к губам. Глотки были шумными и смачными.

— Это не варварство, — равнодушно сказал он, раздувая ноздри и стараясь отдышаться после пива. — Я вот не курю, водкой сильно не балуюсь, как другие. А вот пиво люблю до безумия, — лыбился слесарь во весь рот. — Как говорится, из двух зол выбрал одно.

— Темный ты человек, Кудылкин, — не находила Светлана Константиновна иных слов.

— Ошибаетесь, Светлана Константиновна. Я не темный человек. Вам так кажется.

Кудылкин быстро допил пиво и зашвырнул пустую банку. Банка глухо ударилась о книги и бесшумно скатилась вниз, на грязную мокрую глину.

— Ну, зачем ты выбросил книги на помойку? — вскипела Светлана Константиновна. — Ведь это книги! Да какие книги! Здесь русская классика. Наша отечественная культура. Неужели ты этого не понимаешь, Кудылкин? Ну как же ты смог совершить такой акт вандализма?

— А что мне делать, по-вашему? — возразил слесарь. — Это книги моей бабушки. Она всю жизнь собирала эту библиотечку. Теперь бабушки нет. Куда прикажете девать мне эти книжки? Кому они теперь нужны? Кто их читать станет? Я их не читаю. Они мне до лампочки, — невозмутимо говорил он, вытаскивая из кармана спецовки новую банку «Балтики».

— Но неужели надо обязательно относить книги на мусорную свалку? — подступила разгневанная пенсионерка на очень близкое расстояние к слесарю. Ей хотелось ударить его по наглой морде, но она, разумеется, не могла на это решиться.

— Вместе с полками они слишком много места занимают, — глупо округлил глаза слесарь. — Квартира у нас двухкомнатная, маленькая. Негде бельевой шкаф определить. Они нам мешают, эти книжки, черт бы их побрал. Стоят на полках балластом. И никто к ним не притрагивается. Только пыль на них садится. Жена их не читает, дети тоже. Сейчас в школе их не заставляют читать. Они и даром никому не нужны. Так что это мертвая недвижимость... Мертвый груз. Груз 200, — добавил он и удовлетворенно захихикал, радуясь своему остроумию. Потом вынул из кармана еще банку «Балтики» и одним махом опрокинул все содержимое в свое чрево.

— Кудылкин, не говори при мне такие гадости, — не могла скрыть своего раздражения Светлана Константиновна. — Не волнуй меня, старого человека.

— А что, собственно, вы волнуетесь? Книжки можно еще напечатать. Сколько угодно можно напечатать. Так что никуда не денется ваша культура, — ехидно ухмылялся слесарь, — не волнуйтесь, эти ваши книжки не стоят этого. Поберегите свою нервную систему. Так лучше будет для здоровья. Оно дороже всяких книжек.

— Нет, Кудылкин, я не успокоюсь. И не надо меня уговаривать. Теперь моя задача состоит в том, чтобы не дать никому свалить книги в мусорные баки. И вывезти на городскую свалку. Я все равно их сохраню.

— Ну что ж, уважаемые собственники жилья, — насмешливо сказал Кудылкин, — с вами весело разговаривать, но мне надо чинить трубы в подвале, — и быстро зашагал к подвалу пятиэтажного дома.

Светлана Константиновна снова подошла к вороху книг.

— Константинна, не переживай ты так по этим книжкам, — хотела баба Фрося хоть как-то утешить соседку. — Может, Кудылкин правильно сказал. Книжки можно напечатать. Не надо, не переживай. Я вот чаю предлагаю тебе. Иди сейчас домой и отдохни. Чайку попей. Ты зеленый чай любишь. Полежи на кровати. Поспи немножко. И перестанешь волноваться.

— А вдруг мы просмотрим дворника Метлушкина? — забеспокоилась Светлана Константиновна.

— Мне из окна все видно. Я его обязательно увижу. Никуда он не денется. Я увижу его и сразу тебе позвоню. И мы вместе пойдем к нему. Ты с ним поговоришь и скажешь, чтобы он не пошвырял книжки в мусорные баки.

— А когда он приходит убирать площадку?

— Скоро должен появиться, но ты успеешь отдохнуть. На тебе прямо лица нет. Ты посмотри на себя в зеркало, — ужасалась баба Фрося.

— Полежать не мешало бы. Я в сквере много ходила. Ты не забудешь мне тогда позвонить?

— Не забуду!

Баба Фрося взяла соседку под руку, и они вместе пошли домой отдыхать.

6

Лота сидела в своей комнате и просматривала документацию относительно поступлений и продажи книг за последние месяцы. Услышав звук открываемого дверного замка, она подняла голову, прислушалась.

— Это вы, Светлана Константиновна? — спросила она, хотя хорошо знала, что кроме хозяйки, никто не мог зайти в квартиру. Но для большей убедительности все же спросила. Мало ли сейчас домушников? Белым днем могут обчистить квартиру. Такая сейчас жизнь пошла.

— Это я, Лота, — из глубины прихожей послышался слабенький голосок хозяйки.

Лота вышла в прихожую.

— Какие-то книги валяются на мусорке... Вы и баба Фрося стояли около них.

— Откуда ты знаешь?

— Я бегала в киоск за булками к чаю и видела.

— Слесарь Кудылкин вышвырнул сегодня утром два мешка книг. Русская классика. Есть и зарубежная. Такой плебей. Такое быдло, — не находила Светлана Константиновна слов для возмущения. — Я ужасно расстроилась. Просто места себе не нахожу. Ведь это наша культура. А он этого не понимает. Но я все равно кого-нибудь найду, — она сняла легкую летнюю кофточку, повесила ее на вешалку.

— Кого вы собираетесь искать? — поинтересовалась Лота.

— Человека, который может взять все эти книги... Не увозить же такое бесценное духовное богатство на городскую свалку? Лота, — с затаенной надеждой сказала Светлана Константиновна, — а может быть, ты сможешь взять их в свой магазин?

— Не могу, Светлана Константиновна, — покачала головой квартирантка. — Весь магазин переполнен книгами. Нет места. И классика у нас есть. Русская и зарубежная.

Светлана Константиновна молча ушла в свою комнату. Измерила артериальное давление, взяла под язык таблеточку, полежала на диване, не переставая при этом думать о книгах. Полежав на диване, отправилась на кухню пить чай. А минут через десять позвонила баба Фрося.

— Пришел дворник Метлушкин, — сообщила она звонким голосом.

— Сейчас выхожу, Фрося. Спасибо тебе, что не забыла.

Дворник Метлушкин вышел из-за угла соседнего дома и по узкой тропинке, протоптанной через весь двор, направился прямо к мусорной свалке. В одной руке он нес ведро с торчащими из него концами пластикового совка и до крайности измочаленного веника. В другой руке он держал большую метлу и совковую железную лопату для сгребания мусора. Пройдя метров пятьдесят, он поставил ведро с веником и совком возле молоденькой березки, возвышающейся на самом краю дворовой территории. Здесь же оставил метлу. К мусорке направился с одной лопатой, чтобы подобрать вывалившиеся из баков домашние отходы.

Метлушкин — сорокалетний мужчина, невысокий, жирный, с пивным овальным животом. Главная достопримечательность его внешнего вида — отвисавшие мешками вздутые щеки и толстенные губы, которые в силу своей аномальной толщины почти никогда не соединялись вместе, отчего создавалось впечатление, что он вообще не закрывает рот, будто мух ловит. Метлушкин не мог жить без пива. И в этом он был сродни слесарю Кудылкину. И сейчас в карманах его грязно-синего халата, который был ему длинноват и поэтому чуть ли не волочился по земле, болтались несколько банок с пивом. У дворника был очень смирный характер; он слыл угрюмым и неразговорчивым даже со своими ближайшими знакомыми. Когда к нему кто-либо обращался, он старался смотреть на кошек и собак, в изобилии гуляющих по территории двора и копающихся в кухонных отходах жильцов.

Метлушкин подошел к мусорным бакам и в первую очередь обратил внимание на книги. И как раз в этот момент сюда подоспели баба Фрося и Светлана Константиновна.

— А это что за мусор? — поглядел он на пенсионерок, вертикально поставив перед собой лопату, и вытащил из кармана спецовки банку пива «Балтика». Они с Кудылкиным пили одно и то же пиво.

— Это не мусор, Метлушкин, — разъяснительным тоном сказала Светлана Константиновна.

— А что же это? — блеснул дворник маленькими щелочками пугливых глаз, смешно торчавших из-под тяжелого слоя жировых отложений.

Он открыл пиво, в несколько глотков осушил всю банку, перевел дух и выбросил ее. Гулко ударившись о край железного бака, она упала на зацементированную площадку.

— Это книги, Метлушкин. Неужели ты не видишь, что это такое?

— А мне какая разница? — с кирпичным равнодушием произнес дворник. Отклячив нижнюю губу, он с улыбчивым интересом наблюдал, как огромный серый кот терся пушистым боком о ребро одного мусорного бака. — Все равно мусор, раз эти книжки валяются на мусорной свалке. А вот кто выбросил этот мусор, пусть сам швыряет его в мусорный бак, — негодовал дворник, шлепая губами. — Я не хочу работать за других. Мне за это не платят.

— Эти книжки слесарь Кудылкин швырнул, — поведала баба Фрося.

— Ну, если Кудылкин, то выброшу. Он часто угощает меня пивом.

— А ты возьми себе эти книжки, — рекомендовала баба Фрося.

— Бабка Фрося, ты что? Ну, зачем мне этот мусор нужен, ты подумала или нет? Тебе надо к психиатру обратиться, чтобы не давала больше никому таких дурацких советов.

— Ты серьезно думаешь выбросить книги в мусорный бак? — выждав подходящий момент, спросила Светлана Константиновна.

— А что же делать? Этим книжкам одна дорога.

— Ты в своем уме, Метлушкин? — с чувством отвращения к дворнику спросила Светлана Константиновна.

— Метлушкин пока в своем, а кто-то не в своем, — крепко сжимал дворник черенок лопаты.

— Господи, да что ж на белом свете творится! — не могла успокоиться почитательница русской классики. — Слесарь Кудылкин сказал, что эти книги — мертвый груз, мертвая недвижимость, а этот, — выбросила она руку в сторону дворника, — книги называет мусором. Да что с вами? Разве можно так относиться к такой великой ценности по-свински? Это же наша духовная культура, без которой нельзя жить, без которой люди превращаются в животных. Без этой культуры просто невозможно стать полноценным человеком. А вы никак этого не поймете, хотя вам по тридцать с лишним лет. Мне так и хочется сказать, что ты и слесарь Кудылкин родились и жили в городе Глупове.

Дворник Метлушкин услышал слова, произнесенные Светланой Константиновной, но смысла их ничуть не понял. Все, что она говорила, для него было непролазными азиатскими джунглями. Он достал из глубокого кармана своего просторного рабочего халата еще банку пива и в течение нескольких секунд полностью опорожнил ее.

— Какая разница, где мы родились, — посмотрел он на Светлану Константиновну. — Главное — мы родились, — и усмехнулся, посчитав, что дал ей достойный ответ.

— Метлушкин, — подошла Светлана Константиновна поближе к дворнику. — У меня и у Фроси есть к тебе большая просьба.

— Какая просьба? — неохотно откликнулся Метлушкин.

— Не выбрасывай книги в мусорный бак. Обещаешь, что не сотворишь такого безобразия?

Дворник ответил не сразу. Он думал, пожевывая губами.

— Не могу дать такое обещание, — сказал он.

— Это почему же? Неужели это так трудно — оставить книги в покое? Очень странно.

— Очень трудно. И ничуть не странно.

— Почему?

— Если я не повышвыриваю ваши книги в мусорный бак, председатель ТСЖ меня в порошок сотрет. И с работы выгонит в три шеи. А сейчас работу не так просто найти. Многие нынче метят в дворники. Зарплату повысили. Вы не знаете, какой у нас председатель. Раскричится, разорется, задергается, затопает ногами, руками начнет махать во все стороны, как ветряная мельница... Не знаешь, куда бежать. Да и бежать некуда, хотя белый свет велик, — угрюмо рассуждал дворник. — Так что говорите с председателем относительно ваших книг. Если он разрешит не трогать книжки, я их оставляю в покое. Если не разрешит, то... извините. Через час вы должны дать мне полный ответ. В противном случае ваши книги окажутся на городской свалке, — пригрозил Метлушкин. — Я их все немедленно пошвыряю в мусорный бак.

— О, господи! — тяжело вздохнула Светлана Константиновна. — Какие же есть темные люди. А где сейчас можно отыскать председателя?

— Председатель сейчас в своем кабинете, в подвале, — сообщила баба Фрося. — Я видела его недавно. Пошли к нему. Чаво ждать-то. А то он с дурьей головы пошвыряя все книжки в мусорный бак. А оттуда их тогда не достанешь.

— Пошли, Фрося, — сказала Светлана Константиновна.

7

Баба Фрося ни на шаг не отходила от своей соседки; уж очень она хотела как-нибудь помочь ей в трудном деле, которое сильно выматывало ее нервы и душу. Ей все время хотелось сказать Светлане Константиновне ласковое слово, дать хороший совет, чтобы она не убивалась так по книгам.

Метлушкин допил последнюю банку пива и начал энергично сгребать лопатой крупный мусор, вывалившийся из баков. Потом сходил за веником и маленьким совком, чтобы подобрать мелочь и навести на мусорной площадке полную чистоту и порядок.

Наблюдая за Светланой Константиновной, баба Фрося пришла к неутешительному выводу, что соседка сейчас находится в полной растерянности и не знает, что делать.

— Сейчас мы с тобой сядем на скамейку, — сказала она. — Отдохнешь чуть-чуть и пойдешь на прием к председателю. У тебя очень уж усталый вид. Как вроде бы ты кирпичи носила все время.

— Нет, Фрося, я не устала. Так что я пойду прямо сейчас к нему.

Председатель ТСЖ Петр Федорович Чуников занимал руководящий пост в ТСЖ всего полгода. До этого работал в частном охранном отделении одной очень крупной коммерческой фирмы, занимавшейся производством ликеро-водочной продукции. Внушительный рост, едва ли не косяя сажень в плечах, крепкое телосложение, смелость, решительность, находчивость и напористый характер и, конечно, незаурядная физическая сила ставили его практически вне конкуренции со многими сотрудниками охранного отделения; руководство фирмы с удовлетворением приняло его в свои ряды, когда он в чине майора демобилизовался из армии.

К пятидесяти годам Петр Федорович заметно располнел, немного обрюзг, отяжелел, стал менее поворотливым, ослабел физически; за преступниками теперь не так просто угнаться; да и сердечко стало время от времени подводить; откуда-то повывлезали притаившиеся доселе болезни

и самая коварная из них — гипертония, о которой раньше не имел ни малейшего понятия. Как человек трезвомыслящий, Чуников не стал дожидаться, когда руководство охранного предприятия культурно намекнет ему, что пора уступить место другому человеку. И он добровольно ушел в отставку, намереваясь устроиться где-нибудь охранником, но очень скоро, надо сказать, своевременно, на него обратили пристальное внимание жильцы трех пятиэтажных домов, в одном из которых он жил. Как раз в это время жильцы остро поставили вопрос о председателе ТСЖ: старый председатель ушел по возрасту и здоровью, а нового не так просто найти. Наиболее активные и практичные жильцы, наслышанные из разных источников об организаторских способностях Чуникова, в конце концов, пришли к единому мнению: он и есть самая подходящая кандидатура на такой важный и ответственный пост. Человек военный, был в Чечне, потом с оружием в руках охранял коммерческую фирму, — разве этого мало, чтобы поручить ему такую работу? Выяснились также и другие немаловажные причины, повлиявшие на выбор жильцов. Местные подростки, которых было немало в домах и других ТСЖ, побаивались его сурового, жесткого, колючего взгляда и крепких, здоровенных, могучих кулаков. Ребята часто сбивались в кучи и где-нибудь за домами, в посадках что-то без конца жгли, взрывали петарды, даже из чего-то стреляли, особенно поздними вечерами. Среди жильцов авторитета для них не существовало. На замечания мужчин и женщин, даже самых решительных и горластых, они и ухом не вели. Воспитательная работа родителей не имела никаких положительных результатов. А вот когда в один из домов поселился Петр Федорович, дела в этом направлении довольно быстро пошли на лад. Бывший охранник стал проводить беседы с пацанами по поводу их непотребного поведения и активно призывал их к порядку. И, говоря об этом, до хруста в суставах сжимал свои мосластые кулаки, большие и страшные и, как кувалдой потрясал ими в воздухе перед самыми носами пацанов, которые смиренно и боязливо поглядывали на них и не на шутку задумывались о своем поведении. И дело сдвинулось с мертвой точки. А однажды, беседуя с ребятами во дворе, полез в карман своих черных широких брюк и как будто невзначай, случайно вынул из него пистолет, подаренный за добросовестную службу в охранном отделении. У ребят моментально загорелись и полезли на лбы глаза, все они, как по команде, подступили к нему вплотную, вытянули по-гусиному шеи, чтобы вблизи взглянуть хотя бы одним глазком на заправдашный пистолет. Один, самый отчаянный, попросил разрешения подержать пистолет в руке, но бывший военный, конечно же, отказал ему в таком удовольствии. Но с этой поры Чуников стал непререкаемым авторитетом для дворовых подростков, независимо от того, в каких ТСЖ они проживали.

На отчетно-выборном собрании жильцы почти единодушно избрали Петра Федоровича председателем ТСЖ.

Баба Фрося первая увидела, как от председателя вышла посетительница.

— Иди, Константинна, — сказала она, поворачиваясь к соседке.

Светлана Константиновна спустилась в цокольный этаж, прошла по узкому коридорчику и на железной двери увидела табличку, извещавшую о том, что здесь находится сам председатель. Тяжелая дверь открылась не без труда.

— Можно к вам? — с присущей кротостью спросила она, заглядывая внутрь офиса.

— Войдите, — послышался густой баритон председателя.

Чуников сидел за длинным прямоугольным столом и скрупулезно просматривал документацию, выясняя, сколько за последнее время объявилось неплательщиков за услуги ЖКХ. Когда он закончил и поднял свой колючий взгляд на посетительницу, Светлана Константиновна поняла, что можно начинать разговор.

— У меня к вам очень важный вопрос, — с некоторым волнением сказала она. — Я прошу вас помочь мне.

— Какой у вас вопрос?

— Слесарь Кудылкин сегодня утром выбросил на мусорную свалку очень много книг. Там почти все произведения русских писателей. Наша классика — Толстой, Тургенев, Чехов, Некрасов, Короленко, Пришвин и многих других писателей. Зарубежная классика — Джек Лондон, Хемингуэй, Диккенс... Есть книги современных наших писателей. Но в основном русская классика.

По широкому, мужественному лицу председателя метнулась юркая тень непонимания.

— Что я должен сделать, чтобы вам помочь? — равнодушно сказал председатель. — Взять этого Кудылкина за шкирку и бить его лбом об стену? Как вы сами понимаете, я сделать этого не могу. Не в моей власти. Кудылкин сам знает, что делает. И указывать ему я не имею никакого права. Так что я не знаю...

— Да нет, Петр Федорович. Бить Кудылкина о стену не надо.

— Тогда о чем вы меня просите? — официальным голосом спросил председатель. Он положил согнутые в локте руки на край стола, скрестил их, приготовившись выслушать пенсионерку.

— Эти книги валяются сейчас на мусорной свалке.

— Это я понял, — невозмутимо сказал председатель. — Вы уже известили меня о том. Говорите конкретнее и яснее. В чем нужна моя помощь, как председателя.

— Дело в том, что дворник Метлушкин собирается побросать их в мусорные баки.

— Ну и что?

— Как это ну и что? — обомлела Светлана Константиновна. — Это же книги! Русская классика. Наш золотой век. А вы говорите так спокойно, как будто ничего особенного не произошло. Слесарь Кудылкин совершил отвратительный поступок, мерзкий, гадкий, а вы даже не возмутились... А дворник Метлушкин собирается вышвырнуть книги в мусорные баки. Неужели вы не догадались, какая помощь мне нужна от вас?

— Говорите конкретнее, — нервозно произнес Чуников. — Переходите к делу. Я не люблю околичных рассуждений.

— Дворник Метлушкин сказал, что нужно ваше личное разрешение.

— Какое разрешение? — на скуластом лице председателя выразилось неподдельное недоумение.

— Разрешение не выбрасывать книги в мусорный бак. Книги попали в разряд мусора. До чего дожили... — тяжело вздохнула Светлана Константиновна.

— Если книги валяются на мусорной площадке, то они, разумеется, замусоривают ее. А то, что замусоривает площадку, — это мусор, — философствовал председатель. — Вы чувствуете мою логику?

— Вашу логику я хорошо понимаю... Петр Федорович, — решительно сказала она, — дайте указание дворнику, чтобы он не выбрасывал

книги в мусорный бак. Вот моя просьба. Больше мне от вас ничего не надо.

Председатель задумался, даже почесал затылок. Он думал, как лучше поступить в такой нестандартной ситуации. За все годы службы в армии, затем в охранных структурах ему ни разу не приходилось сталкиваться с такими дурацкими проблемами.

— И сколько ваши книги будут валяться на мусорной свалке? — серьезно озаботился председатель.

— Дня два. А может, и меньше.

— А потом куда они денутся, если я дам разрешение оставить их на месте?

— Я найду людей, которые возьмут эти книги. Не увозить же их на городскую свалку, откуда их не возьмешь.

— А если не найдется такой человек?

— Тогда я их себе возьму.

— А почему бы вам их сейчас не взять? — учинил председатель самый настоящий допрос.

— Видите ли, — терпеливо разъясняла Светлана Константиновна ситуацию, — в моей библиотечке есть все эти книги. И я их все прочитала. Пусть другие прочитают. Но я обязательно найду человека, который их возьмет. Петр Федорович, а вы сами не возьмете выброшенные на свалку книги? Прекрасная литература. В основном наша русская классика. Наш золотой век.

Чуников наклонил голову к столу, зажмурился очень крепко и несколько секунд молчал, будто в теле его где-то появилась неприятная боль, и он хотел таким образом переждать, когда она пройдет. Раскрыв глаза, выпрямился и, не глядя на просительницу, однозначно сказал:

— Нет, я не могу взять книги домой. Зачем они нам? Я их не читаю. И мои домочадцы тоже не читают. Сейчас телевизор всем головы вскружил.

Светлана Константиновна все поняла.

— Петр Федорович, — вежливо сказала она, — дайте указание дворнику Метлушкину не выбрасывать книги в мусорный бак.

Чуников снова задумался. Рассеянным взглядом он окинул стопки документов, маячивших перед носом, снова постучал пальцами по столу, — им явно овладела нешуточная озабоченность. Любые вопросы до сегодняшнего дня он решал одним махом, а тут вот — осечка. Как быть с такой просьбой?

— Понимаете, в чем тут загвоздка?

— Да какая загвоздка, если речь идет о книгах! — всполошилась Светлана Константиновна. — Это же книги, наша культура! Дайте указание дворнику — и все!

— Послушайте меня внимательно и не торопитесь, — опять постучал бывший охранник пальцами по столу. — Сейчас идет месячник по наведению чистоты и порядка в городе. Завтра сотрудники муниципальной администрации приедут проверять дворовую территорию нашего ТСЖ. Очень ответственная акция. Что скажут проверяющие товарищи, если увидят книги на мусорной свалке?

— Я думаю, что эти товарищи умные, образованные. Они ничего не скажут.

— Я дал указание дворнику вылизать до глянца всю территорию двора, около домов, подмести во всех щелях, дырках, трещинах. Он добро-

совестно выполняет мои указания. Добросовестный работник. Но дело не только в проверке чистоты и порядка на дворовых территориях. У нас, между многими ТСЖ микрорайона объявлен конкурс на лучший двор. Мы имеем реальную возможность занять первое место. А это приз, деньги для нужд ТСЖ, для нас с вами, — вдохновенно говорил председатель. — Мусора не должно быть на нашей территории — вот в чем вопрос. А ваши книги будут выглядеть, как чирей на заднице, как инородное тело на фоне порядка и чистоты, к чему мы стремились целый месяц. Инспектировать наше ТСЖ будет сотрудница муниципальной администрации Эвелина Аркадьевна.

— Но она, надо полагать, умная женщина, — сказала Светлана Константиновна.

— Да кто ее знает — умная она или дура? Но я хорошо знаю, что баба она бойкая, зубастая, горластая, очень властолюбивая и дотошная. Придирается ко всякой мелочи... Но ладно, — в глубокой задумчивости постучал председатель пальцами. — Скажите Метлушкину, чтобы ваши книги он не трогал.

— Эти книги бесценны. Это же наша духовная культура. Поэтому я так волнуюсь, — с безупречной искренностью сказала Светлана Константиновна. — Это не мои книги. Это наше общее достояние.

— Я разрешу оставить ваши книги до одиннадцати часов завтрашнего утра. В это время придет Эвелина Аркадьевна. Дальнейшая судьба книг будет зависеть от нее.

— Ну, хорошо, завтра посмотрим. И на этом спасибо.

Не теряя ни секунды, Светлана Константиновна вышла из офиса.

8

Баба Фрося сидела на скамейке и с нетерпением ожидала, когда придет соседка.

— Ну что сказал председатель? — с интересом спросила старушка, когда Светлана Константиновна подошла к скамейке и присела рядом с ней.

— Сказал, что дворник не тронет книги. Я тоже скажу дворнику, что председатель не разрешил трогать книги. Где он сейчас? — Светлана Константиновна посмотрела вокруг, обводя взглядом всю дворовую территорию ТСЖ. Дворника нигде не было.

— Он уже ушел, — ответила баба Фрося. — Пошел на другой двор, подрабатывать. Накупил пива и ушел. Теперь завтра скажешь... Хорошо, что председатель пошел навстречу тебе. Радоваться надо, а ты опять пригорюнилась. Не убивалась бы так о книжках.

— Дикари, плебеи, туземцы, — с неприязнью сказала Светлана Константиновна. — Тошно жить среди таких людей. Я ужасно сегодня расстроилась, — приложила она обе ладони к голове. — Никогда такого не было. С ума можно сойти!

— И сойдешь! — напористо сказала баба Фрося. — Если так будешь убиваться. Но ты не беспокойся. Знаешь, что я хочу сказать тебе?

— Что ты хочешь сказать мне, Фрося? — равнодушно спросила Светлана Константиновна, не ожидавшая от старушки никаких дельных и успокаивающих советов.

— Если эти книжки никому не нужны, то мы их потихоньку перенесем ко мне. Квартира у меня небольшая, но для книжек есть место. Так что не волнуйся.

— Спасибо тебе, Фрося, — устало улыбнулась Светлана Константиновна и, обняв соседку за плечи, прижала к себе. — Спасибо тебе, моя дорогая. Только мы с тобой их не перетаскаем все. Слишком много выбросил этот Кудылкин.

— Если сами не осилим — найдем студентов, — сказала баба Фрося. — Заплатим им.

— Конечно, заплатим.

— А потом найдешь людей, которые возьмут эти книжки.

— Больше тебе спасибо, Фрося, за помощь твою, — не ожидала такого поворота событий Светлана Константиновна. — Мне от этого аж легче стало.

— Но все равно ты какая-то убитая, как не своя, — скорбным голосом твердила свое баба Фрося. — Вся ты ссутулилась, как вроде бы на твою спину наклали целый воз кирпичей. Отдохнуть тебе надо, Константиновна, — искренне переживала старушка. — Вот что я тебе сейчас советую. Вся ты какая-то скорбная. Можно подумать, что за тобой все время хвостом бегают страшное горе, — бежит за тобой, а тебе от него некуда спрятаться. Отдохнуть тебе надо. Полежи, поспи, потом чайку попей.

— Какие темные люди, — с тоскливой разочарованностью сказала Светлана Константиновна. — Невозможно, какие темные.

— А какие же? Конечно, темные, — солидарно отозвалась баба Фрося. — А этот слесарь Кудылкин темнее всех. Мужик вроде в возрасте, — с чувством недоумевала старушка, — а до сих пор не понял, что книжки печатают для того, чтобы их читали и ума набирались. Я тоже темная. Никаких книжек никогда не читала. Но зато я теперь поняла, что книжки надо читать обязательно. Мой старший брат, царство ему небесное, всю жизнь читал. С детства пристрастился. И вышел в люди. Доцентом стал. Преподавал в институте, в котором учился. А я вот никуда не вышла, — самокритично призналась баба Фрося. — Я плохо училась в школе. Четыре класса кончила и бросила ходить. Отец сильно болел. Я помогала маме по дому. Мыла полы, готовила, с мамой ходила в колхоз работать. Помогала ей убирать колхозную свеклу, картошку. А вот старший брат кончил десять классов. Ужасно много книжек он прочитал. Наверно, целый миллион. За обедом читал, после обеда тоже читал, вечером опять садился за книжки. И какие все толстенные, прямо как вон те, которые Кудылкин выбросил на мусорную свалку... Так и осталась я темной старухой, — подтрунивала она над собой. — Чаво там и говорить. Жизнь у меня была нелегкая. Но теперь я поняла, от книжек человек умным становится. А нынешняя молодежь этого не понимает.

— Нет, Фрося, ты не темная, — с искренней откровенностью сказала Светлана Константиновна. — Ты очень умная, мудрая. Темные люди так не рассуждают, как ты. Тебя никак нельзя отнести к их разряду. Пошли домой, — неожиданно предложила она. — Я что-то устала. Голова кружится. Отдохнем и опять выйдем на улицу.

— Мы вот что с тобой сделаем после отдыха... — загадочно сказала баба Фрося.

— Что ты придумала? — через силу улыбнулась Светлана Константиновна.

— Мы с тобой пойдем к мусорке и будем стоять около книжек. Можя, кто-нибудь подвернется и возьмет их. Тут есть учителя, ученики старших классов. Кто-нибудь подвернется. Мы постоим и подождем.

— Хорошо, Фрося, твое предложение я принимаю с удовольствием.

— Плохо, что ты ничем не накрыла голову, — подметила баба Фрося. — Стало уже жарко.

Соседки поднялись со скамейки и неторопливо отправились отдыхать. Подул слабенький ветерок, и стало прохладней.

9

После непродолжительного отдыха пенсионерки снова вышли на улицу. И сразу направились к мусорной свалке. Подошли к месту, где валялись книги. Как раз в это время по узкой пешеходной дорожке, кое-где заасфальтированной, шла знакомая девушка Кристина, которая жила в соседнем доме. Она окончила десять классов и сейчас отдыхала на каникулах. На ней были символические шортики и коротенькая кофточка; полное кругленькое личико густо истыкано пирсингами.

— Здравствуйте! — звонко приветствовала Кристина пенсионерок. Девушка жизнерадостно улыбалась, распущенные рыжеватые волосы переливались на солнце золотистыми блестками.

Старушки весело ответили на ее приветствие.

— Кристина, подойди к нам на минутку, — попросила ее Светлана Константиновна.

Кристина подошла.

— Вы хотите мне что-то сказать? — с бесстрастной улыбочкой смотрела она на книги, валявшиеся недалеко от мусорных баков.

— Ты будешь учиться в одиннадцатом классе, насколько мне известно. Правильно я говорю?

— Правильно.

— Возьми себе книги, которые тебе нужны. Здесь есть романы, повести русских классиков.

— А зачем они мне? — состроила Кристина такую удивленную физиономию, будто ей предложили обойти пешком земной экватор.

— Как зачем? Читать, чтобы на отлично сдать ЕГЭ.

— А мы не читаем. Нам учительница сказала, что читать всякие там повести и романы не обязательно. Они такие толстые, что и за целый год не прочитаешь. Ну их! — с презрительным безразличием махнула она рукой на книги. — У меня есть компьютер, Интернет, и я там провожу все свободное время. А книжки мне не нужны. Их сейчас никто не читает. Ну, мне некогда, я тороплюсь, — сказала она и быстренько сгинула с глаз старушек.

Баба Фрося молча посмотрела ей вслед и грустная усмешка вспыхнула на ее бескровных губах.

— Почти голая вышла на улицу, — возмутилась она. — В чем мать родила. И родители у нее хорошие, грамотные. А вот видишь...

Соседки не стали больше задерживаться на мусорной площадке: стало ясно, что не найдутся люди, которые возьмут книги. Около своего подъезда они повстречались с учительницей биологии. Зоя Игоревна, судя по ее спокойно-ленивому виду, никуда не торопилась, и Светлана Константиновна решила побеседовать с ней по поводу книг.

— Зоя Игоревна, — старалась она улыбнуться. — На мусорке валяются книги. Много книг.

— Я видела их. Действительно, книг много. Ну и что? — с несокрушимым равнодушием спросила учительница биологии. — А что вы хотели?

— Может, возьмете их себе? Там почти вся русская классика. Прекрасные книги. У вас маленькая дочка. В школу скоро пойдет. Незаметно подрастет до старших классов. Возьмите, Зоя Игоревна, — просительно сказала Светлана Константиновна, — возьмите книги себе. Не пожалеете.

— Светлана Константиновна, ну зачем мне эти книги, — проговорила учительница биологии. — Кто сейчас читает вашего Толстого? Кто читает Тургенева, Некрасова, Чехова, Пришвина? Я уже не говорю о зарубежных писателях. Это все уже устарело. Сами учителя русского и литературы не читают. За исключением некоторых наивных людей. А молодые учителя, которые недавно пришли в школу, вообще ничего никогда не читали. Некоторые не знают, как Пушкина звать. Я об этом говорю не понаслышке. Я в школе работаю.

— Но ведь вы учительница! — не веря своему слуху, замирающим голосом сказала Светлана Константиновна. — Вы понимаете, что это значит?

— Я учительница биологии. И я же говорю вам, что эту классику не читают даже учителя русского языка и литературы. Уверяю вас! — рьяно доказывала учительница, со звонким шлепком соединяя ладони перед грудью. И все время легко и беспечно улыбалась, считая, видимо, свои слова неопровержимыми. Ее большие круглые серьги цвета полной луны, только что вставшей над горизонтом, трепыхались, качались, когда она дергала головой и жестикулировала. — Сейчас появились клипторы, которые резко упрощают задачу в плане чтения толстых и тонких романов и повестей.

— Что это такое? Ни разу не слышала.

— Это сокращения, если просто выразаться.

— Какие сокращения?

— Какие сокращения? Ну, например, толстый роман, скажем, «Война и мир», можно уместить в нескольких кратких фразах. В нескольких предложениях.

— И сколько же нужно таких предложений для понимания идеи романа?

— Предложений пять или шесть. Ученикам достаточно, чтобы сдать ЕГЭ на «хорошо» и «отлично».

— Неужели? — затрепетал голос Светланы Константиновны, словно листочек плакучей ивы под напором студеного ветра.

— Ну, может, семь или восемь. Вообще, очень удобно и практично. Не надо ничего читать. Сколько времени экономят учащиеся? Это же прекрасно! — восхищалась Зоя Игоревна, блестя синими глазами. — Потом сейчас много выпускают золотых сочинений. Они избавляют наших детей от рабского труда читать книги. Купят в магазине эти золотые сочинения — и все в порядке. Никакого горя! Учителя, разумеется, прекрасно знают об этом и поощряют такой способ изучения русской литературы. Так что вы, Светлана Константиновна, отстали от жизни, живете вчерашним днем. На дворе стоит другая эпоха. Вы меня извините — я очень тороплюсь, — и, взглянув на часы, она ушла.

— Тоже темная. А еще учительница, — заключила баба Фрося, когда Зоя Игоревна отошла метров на двадцать. — Константинна, ты опять начинаешь нервничать, — пристально присмотрелась она к соседке. — Пошли домой.

И, подхватив подружку под руку, повела ее к подъезду.

Светлана Константиновна легла на диван в надежде заснуть хотя бы на полчаса. Но сон куда-то исчез, испарился. Из головы и сердца не выходили книги, слесарь Кудылкин, дворник Метлушкин, Кристина, Зоя Игоревна. Учительница биологии представлялась ей каким-то странным, уродливым призраком, который умеет говорить и смеяться. И незаметно для себя вдруг ощутила к ней глубокое отвращение и ей стало казаться, что эта темная женщина способна на любую мерзость и пакость. Но она тут же отогнала от себя эти мысли. Полежав полчаса, она поднялась, измерила давление и снова улеглась на диван. Закрыла глаза, желая уснуть, но не тут-то было: сон никак к ней не шел. Опять начала думать о книгах, о человеческом бескультурье, о том, что слишком уж часто стали встречаться ей темные люди, а то и просто-напросто — глупые.

К восьми часам пришла Лота. Обычно она приходила часов в десять или в одиннадцать. Сегодня, видимо, мало работы. С ней Светлана Константиновна чувствовала себя спокойнее и даже немножечко веселее. Она принадлежала к тому кругу людей, которые очень трудно и в какой-то мере болезненно переносят одиночество. Тесновато душе в четырех стенах, когда не с кем перекинуться хотя бы словечком, когда некому выплеснуть свои переживания, которых всегда хватает, не с кем обсудить фильмы, которые иногда смотришь по телевизору от скуки, — одним словом, скучно, очень скучно, просто невыносимо жить одной. Ей всегда хотелось побеседовать о книгах, о жизни, если возможен собеседник, хоть бы понимающий. Поэтому на квартиру она подбирала общительную, разговорчивую женщину, не молчунью, от которой не дождешься за весь день или вечер ни слова, ни полслова. В этом плане Лота устраивала ее почти идеально. Очень хорошей чертой квартирантки Светлана Константиновна считала простодушие; Лота сама рассказывала хозяйке о своей жизни, об удачах и неудачах, о работе, о своих знакомых. И хозяйке не было скучно с нею, особенно по вечерам, когда Лота была дома.

— Как у вас дела с книгами? — поинтересовалась квартирантка, войдя в комнату хозяйки. — Я выходила на улицу, и мне все рассказала одна женщина.

Светлана Константиновна поднялась, удобно уселась в самом углу дивана.

— Пока все по-прежнему, — удрученным тоном сказала она. — И дела с книгами никакие.

— Вы не волнуйтесь, — успокаивала Лота хозяйку. — Найдется кто-нибудь. Книголюбы у нас не перевелись.

— Возьми книги себе, если ты беспокоишься о них, — предложила Светлана Константиновна.

— Светлана Константиновна, — как бы извинялась Лота, — у меня нет ни кола, ни двора, нет собственного даже малюсенького уголка. Я стою у вас на квартире, живу в маленькой комнате. Ну, где я стану хранить эти книги? А их там очень много. Где я сохраню эту ценность культуры, как вы сами выражаетесь? Была бы своя квартира. Это другое дело, — выискивала Лота веские причины, чтобы отказаться от книг. И старалась делать это таким образом, чтобы не огорчить пожилую женщину.

— Ты молодая, интересная, — выдвигала Светлана Константиновна встречные аргументы, — выйдешь замуж, появится у тебя квартира, появится богатый муж. И для книг место найдется. Лота, возьми, — угова-

ривала она менеджера. — Сейчас они полежат какое-то время в уголочке, в твоей комнате. Мы их культурно упакуем, и они много места не займут. Не вечно же ты будешь жить у меня на квартире. Совьешь свое собственное гнездо. И у тебя будет собственная библиотека. Появятся дети. Дети с самого раннего детства должны видеть перед собой книги. Сейчас и психологи об этом говорят. Когда мне было годика два, в комнате, где я спала, папа мой приделал маленькую полочку, поставил на нее детские книжечки, очень яркие, с красивыми картинками на обложках.

И поставил книжки так, чтобы я их видела в любое время, с любой стороны. И затея отца возымела благодатное действие. Я полюбила книги. И не просто полюбила. С ранних лет я пристрастилась читать. И с тех пор не мыслю своей жизни без книг. Я до сих пор беру каждую книгу очень бережно, осторожно, как святыню. Книги облагораживают, очеловечивают всех нас... Ну что ж, значит, ты не желаешь их взять, — почти немощным голосом сказала хозяйка, глядя куда-то на пол.

— Вы знаете, — заволновалась Лота, — я не хочу, чтобы они пылились где-то в углу. Я бы взяла, но... понимаете.

— Ну ладно, — успокоила ее Светлана Константиновна. — Я найду человека, который их возьмет. Это же наш золотой век.

Старушка, естественно, понимала, что квартирантка, отказываясь от книг, старается всего лишь придумать доводы, чтобы не взять их. Лота не любит читать книги. И не понимает, что литература — это величайшее духовное богатство каждой нации. Ну как же, она ведь читала роман Льва Николаевича Толстого «Мартышка и очки». Грустно и смешно подумать об этом. Однако Светлана Константиновна не сделала из этого неприятного факта никаких далеко идущих последствий, выводов относительно личности квартирантки. Лота по-прежнему осталась для нее простой, доброй, милой, бесхитростной девушкой. И не уважать ее за такие достоинства просто грешно. А что касается книг, то их сейчас многие не читают. Что поделаешь?

Светлана Константиновна сидела на диване, не меняя позы, до позднего вечера. Безжизненно глядя перед собой в пустоту, она размышляла о том, как в мире много невежественных людей. И, по ее твердому убеждению, эти люди сейчас задают тон в обществе во всех сферах жизни. И самое страшное в том, что они воспитывают остальных людей, граждан, своих подчиненных в своем духе, в духе «купи-продай». Более высокий смысл жизни для них недоступен в силу их непролазной темноты и невежества. Потом она, продолжая смотреть в сгустившуюся темноту комнаты, о чем-то заговорила сама с собой и при этом не замечала, что Лота уже ушла из ее комнаты. Ей было все равно — есть кто в комнате или нет. Ей хотелось просто выговориться, откровенно излить душу, и ей даже представлялось, что ее кто-то слышит и понимает. На душе становится легче, теплее, когда все, что давит на нее, выходит наружу, пусть даже в пустоту.

До Лоты иной раз доносились некоторые обрывки фраз, которые негромко произносила хозяйка. Когда она на кухне ужинала, некоторые фразы уловила полностью. Поздно вечером Лота зашла к Светлане Константиновне в комнату. Если хозяйка так долго говорит сама с собой, то это означает, что с ней происходит что-то неладное.

— Вы сегодня устали, Светлана Константиновна, — нежно сказала квартирантка. — Вам надо отдохнуть. Эти книги вас сильно разволновали. Вам надо хорошенько отоспаться. Давайте я помогу...

— Я сама, — еле слышно сказала она.

На следующее утро Светлана Константиновна встала рано: надо посмотреть книги, которые не давали покоя. Часов в восемь, позавтракав, вышла во двор. В первую очередь взглянула в сторону мусорной свалки. Книги сиротливо валялись на прежнем месте и, как ей показалось, страстно зывали о помощи. На территории двора вовсю трудился дворник Метлушкин, в одной руке держа совок, в другой — истрепанный веник. Работал он особенно усердно: должна приехать комиссия по проверке чистоты и порядка. Даже уже убранные участки он скрупулезно подметал вторично: вдруг где-то остался малозаметный мусор, что-нибудь еще, чего не заметил раньше и на что могут обратить внимание гости. И этот предполагаемый мусорок он выискивал с такой тщательностью и медлительностью, словно сапер взрывное устройство.

Светлана Константиновна подошла к пирамиде книг. Всякий раз, когда она на них смотрела, у нее начинало щемить сердце, замирало дыхание, ее охватывал мрачный пессимизм, и ей представлялось, что все на свете мелко, ничтожно и что с людским невежеством никому и никогда не справиться. Но это была лишь минутная и непрошенная слабость. Она вновь задалась мыслью, где отыскать человека, который может взять их. И она старалась вспомнить своих давних знакомых из числа тех, кто любит литературу так же, как и она.

Несколько позже к ней присоединилась баба Фрося. Бодрая после ночного отдыха, веселая, улыбающаяся, она успела уже сходить в церковь.

— Не убивайся, Константиновна, — утешала баба Фрося соседку. — Конечно, плохо сделал слесарь Кудылкин. Что и говорить. Но убиваться все равно не нужно. Здоровье дороже книжек. Я тебе все время говорю об этом, а ты меня не слушаешь. Сходи в церковь, помолись, поцелуй ручку у батюшки. Господь Бог услышит твою молитву и сделает так, что ты успокоишься.

— Нет, Фрося, я успокоюсь только тогда, когда книги попадут в хорошие руки, к хорошим людям.

— Вот видишь ты какая, — с улыбочивой симпатией смотрела баба Фрося на соседку. — Я что хочу сказать тебе. Я хочу сказать, что Господь Бог все делает так, как ты желаешь. Он поможет тебе найти таких людей. Вот что я хочу сказать тебе. А ты меня не поняла. Ко мне книжки перетащим, а потом будем искать хороших людей. И они обязательно найдутся. Господь поможет тебе.

— В церковь я схожу обязательно, но не сейчас.

Баба Фрося повернулась в сторону и засмотрелась, как работает дворник Метлушкин.

— Ты сказала дворнику, что председатель не разрешил ему выкидывать книжки в мусорные баки?

— Сказала. Но он мне не верит.

— Это почему же?

— Говорит, пусть сам председатель скажет ему об этом лично. Вот я сейчас жду, когда председатель выйдет из офиса. Он скоро должен появиться. А я вот стою и караюлю книги. А то этот дворник может их выбросить.

Чуников действительно вскоре появился во дворе. Подошел к дворнику и о чем-то стал с ним говорить, указывая при этом на ворох книг. Метлушкин закивал головой.

Светлана Константиновна втайне благодарила председателя, который сдержал свое слово, данное вчера утром. Он вышел на улицу и побеседовал с дворником. Теперь книги не попадут в мусорные баки. И это уже хорошо.

После разговора с дворником Чуников подошел к мусорке, поговорил со Светланой Константиновной и заверил ее, что дворник не тронет книг. Потом ушел на другой конец двора проверять работу дворника — вдруг чего-нибудь не доглядит. А через какой-то час приезжает комиссия в лице Эвелины Аркадьевны. Эта баба не проглядит самую малую мелочь. На пути ему случайно повстречалась Милена Сергеевна, работавшая в охранном отделении бухгалтером. Чуников хорошо знал ее, потому что работал в том же отделении несколько лет. Милена Сергеевна жила в одном доме с председателем и являлась членом правления ТСЖ.

— Здравствуйте, Милена Сергеевна! — бодро приветствовал знакомую Чуников. — Хорошо, что я вас встретил.

— Здравствуйте, Петр Федрыч, — мило улыбалась знакомая. — Вы наверняка хотите дать мне какое-нибудь указание.

— Вы, конечно, знаете, что сегодня нас проверяют? — важным тоном спросил председатель. — Всем членам правления ТСЖ надо быть на месте. Подходите к мусорке. Надо присутствовать, когда Эвелина Аркадьевна будет давать нам оценку. Дело очень ответственное, и мы все должны быть к нему причастными.

— Я знаю, Петр Федрыч, — сказала Милена Сергеевна. — У меня сейчас отпуск, но я обязательно приду. Да и другие члены ТСЖ знают. Тоже придут.

— Я и жильцам сказал, чтобы приходили. Мы все отвечаем за чистоту нашего двора. Ну хорошо, тогда пока занимайтесь своими делами. Да вот еще что, — вспомнил что-то Чуников. — Милена Сергеевна, что такое «золотой век»?

— Золотой век? — немного растерялась Милена Сергеевна. В глазах ее выразился даже некоторый испуг за председателя. Она подумала, не произошли ли в его голове какие-нибудь нехорошие изменения. Работа у него непростая, нервная, утомительная, ответственная. Сейчас начальники трясут председателей за халатное отношение к чистоте дворовых территорий. — Золотой век? — повторила она, с недоумением глядя на председателя. — Я думаю, — силилась она что-то придумать, — что это время, когда открыли залежи золота и начали усиленно его добывать. Помоему, где-то в Америке открыли много золота... Была даже золотая лихорадка.

— Нет, это не то, — кисло сказал председатель. — Это связано с литературой, с русской классикой.

— Этого я не знаю, Петр Федрыч, — с сожалением ответила член правления ТСЖ. — Я ведь товаровед. Спросите еще у кого-нибудь. А вот как раз идет учительница Зоя Игоревна. Она тоже член правления ТСЖ.

— До свидания, Милена Сергеевна, — вежливо сказал председатель и направился навстречу учительнице биологии.

— Петр Федрыч, — опередила Зоя Игоревна председателя, — я знаю, что сегодня будет проверка нашего двора. Я приду, когда приедет комиссия.

— Да в комиссии всего двое — Эвелина Аркадьевна и я. Так что комиссия очень маленькая. У меня к вам есть один вопрос, — задумчиво склонил голову Чуников.

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Зоя Игоревна, что такое «золотой век»? Это связано с русской классической литературой.

— Я знаю, откуда ноги растут, — ехидно скривились яркие губы учительницы. — Мне Светлана Константиновна все уши прожужжала этой классикой.

— Ну, так что же это за век такой? Я что-то не знаю.

— Я тоже не знаю, Петр Федрыч. Я учительница биологии. Об этом спросите учителей русского языка и литературы. Может, они знают?

— А что такое великий и могучий?

— Не знаю. Спросите еще у кого-нибудь. Я учительница биологии.

Закончив беседу с учительницей биологии, Петр Федорович пошел дальше, в самый конец территории двора.

12

Ровно в одиннадцать часов к тому месту, где остановился председатель ТСЖ, на иномарке подъехала представительница муниципальной администрации Эвелина Аркадьевна. Водитель, высокий молодой парень, вышел спешно из кабины и открыл дверцу, чтобы представительница администрации без лишних хлопот вышла из машины.

Чуников подошел к ней, поклонился, и они рядышком двинулись на другой конец двора, туда, где была мусорная свалка.

— Приехали! — встрепелась баба Фрося и суетливо подошла к Светлане Константиновне. — Суда идут.

Обе женщины смотрели в ту сторону, откуда шли Эвелина Аркадьевна и председатель. Белая иномарка, хотя и далековато стояла от мусорки, но видно было хорошо, как она ярко сверкала в лучах солнца.

По территории Эвелина Аркадьевна и Чуников шли неторопливо, часто сближаясь и соприкасаясь друг с другом локтями. Шустрая, быстрая, видимо, довольно импульсивная представительница муниципальной администрации что-то говорила председателю и широко при этом жестикулировала, энергично выбрасывая в стороны то одну, то другую руку; Эвелина Аркадьевна указывала в глубину двора, где дети катались на качелях, съезжали с горки, гоняли сломя голову по периметру небольшой спортивной площадки; она вскидывала на председателя свои молниеносные взгляды, а по мере приближения к мусорной площадке стало отчетливо заметно, как горели кумачовой яркостью ее густо накрашенные губы, каким ярким макияжем розовели круглые щечки и с какой светозарной веселостью она улыбалась. Когда Чуников низко склонялся к ней и что-то говорил, она легко и беспечно смеялась.

Увидев проверяющую, к мусорной площадке начали подходить многие жильцы домов проверяемого ТСЖ, прежде всего те, которые находились в отпуске или работали во вторую смену. Пришли некоторые пенсионеры. Что они хотели здесь увидеть и услышать — трудно сказать. На переднем плане, выдвинувшись из кучки зевак, стояли трое членов правления ТСЖ; Чуников приказал им обязательно прийти, и они пришли, потому что были свободны от работы. Зачем они пришли — неизвестно. Может, от нечего делать, может, просто из любопытства услышать, как оценят чистоту дворовой территории, за что все они несли определенную долю ответственности, а может быть, ими двигало горячее желание посмотреть на красивую, облеченную властью молодую особу. Пришел сле-

сарь Кудылкин. Рядом с ним стояла учительница биологии Зоя Игоревна, чуть подальше от нее, за широкой спиной какого-то толстяка, пристроилась ученица одиннадцатого класса Кристина. Светлана Константиновна и баба Фрося стояли рядышком недалеко от книг, особняком от всех остальных. Дворник Метлушкин замер возле мусорного бака, прижав к бедру, словно часовой винтовку, свою неразлучную метлу, которая кормила и поила его самого и всю семью.

Эвелина Аркадьевна часто останавливалась, разглядывала дома, балконы, двери подъездов и, повернувшись к председателю, что-то серьезно говорила. Чуников молча и терпеливо ждал, когда она соизволит двинуться дальше. Они постепенно приближались к мусорной площадке, которую Чуников считал своеобразной визитной карточкой всего ТСЖ. Минут через пятнадцать они подошли к этой последней точке проверки.

Внимание собравшихся жильцов было намертво приковано к проверяющей особе. Эвелина Аркадьевна, памятуя, что она входит в число ответственных лиц, наделенных определенной властью, сочла необходимым служебным долгом подойти поближе к народу и немножко поговорить с ним, так как втайне предполагала, что ей, возможно, еще не раз придется пробиваться в какую-нибудь Думу, а ожидавшие и беспрестанно глазевшие на нее — это ее самый надежный электорат. Она остановилась от них в двух-трех метрах.

— Здравствуйте, многоуважаемые господа собственники жилья! — с митинговым пафосом произнесла Эвелина Аркадьевна.

В ответ послышался, словно слабый шумок замирающей волны на мелководной речке, нестройный хор мужских и женских голосов, писклявых, грубоватых, хриловатых. Светлана Константиновна поздоровалась с подчеркнутой внятностью. Однако с какой-то слегка разочарованной вежливостью. Баба Фрося едва пошевелила губами и тут же сложила на животе морщинистые руки, в упор глядя на представительницу муниципальной администрации.

С усиленным пафосом Эвелина Аркадьевна говорила о строительстве новой, процветающей России, о модернизации и даже нанотехнологиях, пока с лучезарной улыбкой не дошла до главного.

— Но мы не должны ни на минуту забывать, что наши с вами дворы — это органическая часть нашей великой Родины, — воскликнула она. — Это является важной составной частью нашего всеобщего благополучия и процветания. И я с удовольствием хочу отметить, что у вас неплохо обстоит дело в плане чистоты и порядка. Сейчас у вас намного чище, чем в прошлом году. В прошлом году здесь было что-то невообразимое, — брезгливо скривились кумачовые губки Эвелины Аркадьевны. — Вокруг было грязно, стояло удушающее зловоние. Ощущалась полнейшая заброшенность всего жилого комплекса, вопиющая неухоженность, — говорила она, охватывая проверяющим взглядом все пространство громадного двора. — А сейчас у вас новый председатель. И я считаю, — перевела она взгляд на Чуникова, — что это ваша заслуга в наведении порядка, господин Чуников. Так я и отмечу в отчете.

— Спасибо, большое вам спасибо за такую высокую оценку моего скромного труда, — энергично кивал головой Чуников, словно конь, застоявшийся в своем стойле. — Буду стараться и дальше держать такую же высокую планку.

Исчерпав запас слов, предназначенных для жильцов, Эвелина Аркадьевна, грациозно приподняв голову с пышной прической, медленно ото-

шла к мусорным бакам, где стоял дворник Метлушкин со своей неразлучной метлой, да чесался об угол ржавого бака кот Васька. И тут в конце зацементированной площадки она увидела ворох книг, который не могла заметить из-за жильцов, когда выступала перед ними: своими спинами они полностью их заслоняли. С глубоким недоумением представительница муниципальной администрации подошла к этой книжной свалке и на ее сочных, ярких губах застыло горестное, будто заупокойное выражение.

— А это что? — властно прозвучал ее голос. — Это не лезет ни в какие ворота. И не смотрится на фоне чисто убранной мусорной площадки... Что это такое?

— Это книги, — робко пояснил председатель.

— Я не слепая. Вижу, что это. А почему они здесь? Они портят весь вид. Их надо убрать немедленно. Почему они здесь находятся?

— Дело в том, — смущенно оправдывался Чуников, — что наш слесарь Кудылкин вчера выбросил эти книги на мусорную свалку. За ненадобностью. Наш дворник Метлушкин хотел пошвырять их в мусорные баки, но Светлана Константиновна, — он указал протянутой рукой на любительницу русской классики, — попросила меня, чтобы я дал разрешение пока что не трогать эти книги. Светлана Константиновна обещала, что в ближайшие два дня найдет человека, который возьмет эти книжки себе.

— Когда вы разыщете такого человека? — требовательно спросила Эвелина Аркадьевна, переводя строгий взгляд на Светлану Константиновну.

— Я найду таких людей, — спокойно ответила Светлана Константиновна. — Это дело времени.

— Какого времени? — придиричиво спросила представительница муниципальной администрации. — Сколько они еще будут тут валяться? Вы можете понять, что эти книги портят весь вид дворовой территории? В общем и целом у вас все нормально с порядком и чистотой, все у вас ухожено, подметено, вычищено. А книги потянули вниз все старания вашего председателя Чуникова Петра Федоровича, вашего дворника и всех, кто отвечает за порядок и чистоту, — произнесла она небольшую речь и посмотрела на дворника Метлушкина, который наблюдал за котом, сидевшим возле мусорного бака.

— Я хотел побросать их в мусорный бак, — промямлил Метлушкин, продолжая наблюдать за серым котом. — Они же портят весь вид. Я вчера, сегодня подметал, весь мусор — крупный, мелкий — выгреб из всех щелей, из каждого кустика, чтобы не подвести председателя.

— Молодец, Метлушкин! — торжественно воскликнул Чуников. — Премия тебе обеспечена за добросовестный труд на благо нашего ТСЖ. Но книги действительно портят все. Я согласен с вами, Эвелина Аркадьевна, — с заискивающим подбострастием заглянул он в глаза представительнице муниципальной администрации. Председатель был готов согласиться с любым высказыванием своей начальницы.

Светлана Константиновна с удушливой тревогой слушала весь этот глупый и бескультурный разговор о книгах. В первые минуты она оставалась внешне спокойной, но постепенно в ней вскипала острая неприязнь к представительнице муниципальной администрации. Тревожное волнение охватывало ее все сильнее. Почитательница русской классики переполнялась кипящим негодованием, которое упорно искало выхода. И сдерживать это святое чувство она не стала, да и не могла: не в силах была этого сделать.

— Вы считаете, что книги портят вид мусорной площадки? — не вы-

держала она и подошла к Эвелине Аркадьевне и к председателю почти вплотную.

— Вы мне задаете этот вопрос или Николаю Федоровичу? — надменно смотрела представительница власти на Светлану Константиновну.

— Конечно, вам. Ведь вы сказали, что книги портят весь вид дворовой территории ТСЖ.

— А по-вашему, они не портят вида территории, в частности, мусорной площадки, которая так хорошо, любовно прибрана, вычищена дворником Метлушкиным?

— А вы видели, какие книги валяются в этой куче?

— Нет, я не видела. Мне некогда заниматься такими делами. Это не моя задача. У меня много более серьезных, более неотложных дел, — гордо вскинула свою голову с пышной, волнистой прической Эвелина Аркадьевна. Она беспечно усмехнулась и отвернулась от возмутительницы спокойствия.

— Разумеется, вы не видели и не хотели видеть. И я хочу вам сказать, что там, — резко выбросила руку Светлана Константиновна в сторону книг, — лежат не просто книги. Это наша русская культура. Там Лев Николаевич Толстой, Михаил Юрьевич Лермонтов, Иван Сергеевич Тургенев, Антон Павлович Чехов, Федор Михайлович Достоевский, Мамин-Сибиряк и многие другие книги русских писателей. Есть и зарубежная классика. Джек Лондон, Хемингуэй... Есть замечательные книги современных писателей. Это наш золотой век. Это наш великий и могучий. А вы, Эвелина Аркадьевна, — болезненно задрожавшим голосом выговорила она, — даже не возмутились. Ну, как же так могло случиться? — с глубокой и скорбной обидой высказалась пенсионерка.

— Чем я должна была возмутиться? — решила выяснить Эвелина Аркадьевна.

— Поступком человека, который выбросил эту величайшую ценность. Выбросил на мусорную свалку.

— А почему я должна возмущаться? — занервничала представительница муниципальной администрации. — Вы отдаете себе отчет или нет?

— Да неужели вы не понимаете, почему? Неужели не догадываетесь?

— Нет, я не догадываюсь, — взыграло властное самолюбие Эвелины Аркадьевны. Уж очень хотелось ей поставить на место эту строптивую старушку. — Каждый человек сам определяет, что для него ценно, а что не представляет никакой ценности. А вы вмешиваетесь в дела других людей. Они сами, без вас, разберутся, что к чему и зачем. Но вы так и не сказали, почему я должна возмутиться?

— Да потому что это книги! — с жаром воскликнула Светлана Константиновна. — Это книги! Это наша русская классика! Это наша русская культура, наша русская душа. А вы представительница власти. Неужели вам не ясно, что от вас многое зависит.

— Книги, которые там лежат, — разъяснила свою позицию Эвелина Аркадьевна, — не моя собственность. И не ваша. Это собственность слесаря Кудылкина. И он имеет полное право распоряжаться своей собственностью так, как ему заблагорассудится. Вам это ясно?

— Да это не просто книги. Это духовная культура. А культура не является ничьей собственностью. Это не частная собственность — было бы вам известно. Культура принадлежит всем людям, всему человечеству. Там, — указала Светлана Константиновна на книги, — валяется наша русская культура, которой восхищается все передовое, все мыслящее человечество! А вы,

Эвелина Аркадьевна, даже не возмутились диким поступком слесаря Кудылкина. Вы палец об палец не ударили, чтобы как-то спасти это драгоценное наше достояние. Своим равнодушием вы вместе со слесарем Кудылкиным убиваете нашу культуру. А ведь вы культурный человек, как мне представляется. По крайней мере, должны быть таковой, — негромко, но страстно говорила Светлана Константиновна. Она повернулась лицом к публике и потихоньку подошла к людям поближе. — А вы почему помалкиваете, люди, граждане? Притихли, как будто в рот воды набрали, — пыталась она заглянуть в глаза каждого, кто здесь стоял. — Вы, я смотрю, равнодушны, как мертвецы. И своим мрачным равнодушием вы помогаете вырубать вишневые сады. Люди творят самые настоящие бесчинства. Вырубают прекрасные, цветущие вишневые сады. А вы равнодушны... Ну нельзя же так! Понимаете, нельзя! В книгах, которые валяются на свалке, наша культура, наша духовность, наша национальная гордость. Неужели вы не понимаете этого? Нельзя быть такими равнодушными, — и она протянула руки к людям, чтобы привлечь их внимание к своим словам. Голос у нее был нежный, теплый, мягкий. Обычно таким голосом поздравляют именинников, и желают им здоровья, счастья и в зависимости от возраста — долгих лет жизни. Среди присутствующих она заметила свою квартирантку, стоявшую за спиной слесаря Кудылкина. Лота, направляясь в магазин, увидела на мусорной площадке жилцов и решила узнать, что здесь происходит.

Чуников, внимательно слушавший Светлану Константиновну, опять склонился к уху представительницы муниципальной администрации и, растерянно глядя на нее, негромко спросил:

— Эвелина Аркадьевна, а что такое вишневые сады? И кто их вырубает? И где они, эти вишневые сады, растут?

— Да не обращайтесь вы на это серьезного внимания, — раздраженно сказала Эвелина Аркадьевна. — Это самый настоящий бред. У нее что-то с головой происходит. Или уже произошло. Ей надо показаться психиатру.

— Я тоже так думаю, — не мог не согласиться с ней председатель.

Светлана Константиновна неожиданно кончила говорить и, так и не услышав в ответ ни одного словечка, повернулась в противоположную сторону и направилась к мусорным бакам, где стояли Эвелина Аркадьевна и председатель Чуников.

А в это время баба Фрося осторожно подошла к Зое Игоревне.

— О каких-то она вишневых садах говорила? Вроде бы их вырубает? — конспиративным шепотком спросила старушка. — Ты учительница, ты знаешь наверняка.

— Баб Фрось, я понятия не имею, о каких вишневых садах она говорила. У нее что-то с головой случилось, — отчеканила учительница биологии и покрутила указательным пальцем у виска.

К бабе Фросе приблизилась Лота. Баба Фрося заметила ее и повернулась к ней.

— Лота, — с любопытством спросила бабуля, — о каких-то вишневых садах толковала твоя хозяйка? Ты книжки продаешь. Наверняка, знаешь. Или твоя хозяйка головой тронулась?

— У нее, видимо, серьезное психическое расстройство, — недвусмысленно заявила Лота.

— Эх, соседка... соседка, — загорюнилась старушка. — Что ж ты извелась этими книжками, — и, зажмурившись, будто от яркого света, горько покачала головой. — Она тронулась. Это точно. Иначе, как можно нести такую чужь...

А Светлана Константиновна с надеждой посмотрела на Эвелину Аркадьевну.

— Вы согласны со мной? — спросила она представительницу муниципальной власти.

— Вы очень устали, Светлана Константиновна, — сочувственно ответила Эвелина Аркадьевна. — Вы очень добрая, умная женщина, — нашла она гуманный подход к почитательнице русской классики. — Вам сейчас нужен хороший отдых, покой. Так что лучше всего идите домой и отдохните на кровати.

Чувствуя, что Эвелина Аркадьевна не скажет ничего путного, Светлана Константиновна снова перешла к жильцам, которые по-прежнему стояли молча и не собирались расходиться.

— Люди, что же вы молчите? Вы — как все равно рабы, которым отрезали языки, — уставшим, немного охрипшим голосом проговорила она. — Зачем же вы позволяете всяким невеждам и дикарям вырубать ваши прекрасные, цветущие вишневые сады? И что вы получите взамен? Что расцветет и заблагоухает на их месте? Я скажу вам по секрету, на их месте начнут размножаться хищные, кровожадные пауки-крестовики, вампиры, которые будут сосать из вас кровь. На их месте будут процветать маразм, мракобесие, идиотизм, самодурство. Вместо вишневых садов вырастут и расцветут хамство, невежество. Можно подумать, что все вы родились и росли в городе Глупове и ничего не понимаете, — сказала она, достала из кармана платяной носовой платок и дрожащей рукой вытерла слезящиеся глаза, виски, вспотевший лоб, испещренный тонкими ниточками морщинок. — Книжки, которые валяются на мусорной свалке, — сунула она платок в карман, — это наша национальная гордость, наше национальное богатство. Они написаны на языке, на котором мы с вами говорим каждый день и каждый час. Говорим с малых лет. А вы позволяете дикарям уничтожать наш великий и могучий. Нельзя так делать.

Эвелина Аркадьевна и председатель Чуников перестали разговаривать между собой, чтобы услышать все слова, произносимые Светланой Константиновной. Кое-что они расслышали, а многое не удалось уловить.

— Ну, какую чушь несет эта старуха, — возмущалась Эвелина Аркадьевна, со злостью кривя розовые губки.

Они подошли к Светлане Константиновне.

— Вы говорили, что найдете человека, который возьмет книги домой? — строго спросил Чуников, улучив момент, когда Светлана Константиновна перестала говорить.

— В данный момент книги являются посторонними, инородными предметами на мусорной свалке, — категорическим тоном заявила Эвелина Аркадьевна.

— Господи, да что вы говорите! — возмутилась Светлана Константиновна. — Да разве могут быть книги какими-то посторонними или инородными предметами? Что вы несете какой-то махровый бред? Неужели вы не понимаете, что это духовная культура? Зачем вы вырубаете прекрасные цветущие вишневые сады? Зачем, я спрашиваю вас?

— Опять про сады заговорила, — тихо шепнула Лота на ушко бабе Фросе. — У нее сильный психический надлом.

— У нее мозги помutilись, — сложила баба Фрося руки на животе, как это она делала всегда, когда чем-то огорчалась.

Светлана Константиновна неожиданно почувствовала, что она устала говорить людям то, что должен знать и понимать каждый более-менее

культурный человек, и устала не физически, а скорее морально, устала прежде всего душой. Равнодушие жильцов к акту возмутительного поступка слесаря Кудылкина угнетало ее, давило на мозг, вызывало горячие чувства и наводило на мысль, что этих людей ничем невозможно облагородить. По крайней мере, сегодня, завтра или в самое ближайшее время. Она посмотрела на собравшихся и с какой-то детской надеждой остановила затуманившийся взгляд на бабе Фросе.

— Фрося, — немощно сказала Светлана Константиновна, — я пойду отдохну, а ты тут за книгами присмотри. Я не вынесу, если книги дворник выбросит в мусорный бак.

— Иди, Константинна, иди отдохни, а я тут посмотрю за книжками. При мне никто не на смеется побросать их в мусорный бак, — воинственным тоном сказала баба Фрося. Она потуже подвязала узелок у горла, сдвинула косыночку повыше и поправила кулечек над лбом. — Иди отдохни. И не беспокойся, — добавила она и повернулась к слесарю Кудылкину. — Вот чаво ты наделал, Кудылкин! До чего довел пожилую женщину. Зачем ты вышвырнул книжки на мусорную свалку? Если бы ты не выбросил их, то и ничего не случилось бы. Ты понимаешь своей головой, что ты наделал?

— Не лезь не в свои дела, бабка Фрося! — развязно выкрикнул слесарь Кудылкин, до сих пор хранивший полнейшее молчание. — Это моя собственность, мои книжки, и я имею право делать с ними все, что мне заблагорассудится. Так что лучше помолчи.

— Она такая умная, хорошая, грамотная, — не хотела баба Фрося слушать Кудылкина. — Потому что она книжки всю жизнь читала. Книжки затем и печатают, чтобы их читали. А ты за всю жизнь ни одной книжки не прочитал. Мой старший брат тоже читал. И в люди вышел, стал профессором. А я вот не читала и никуда не вышла. Книжки читают умные люди. И они человеку ума дают. А дурачки не читают. Да так дурачками и остаются на всю жизнь. Если никто не найдет взять эти книжки, то я их возьму к себе в квартиру. А потом мы с Константинной куда-нибудь их определим. Найдутся умные люди. Вот так! — закончила она свою речь.

— Возьми себе книжки, баб Фрося, — ехидничал слесарь Кудылкин. — Прочитаешь все и профессором станешь. Читать-то умеешь? — И заржал по-лошадиному.

— Умею читать. Шас все умеют читать, — сказала баба Фрося, с неподдельным состраданием глядя на свою соседку. — Иди, Константинна, отдохни. А потом в церковь сходи, помолись, поцелуй ручку у батюшки. Тебе сразу полегчает. А по книжкам не убивайся. Иди, иди, отдохни. Может, тебя проводить домой?

— Не надо, я сама, — отказалась Светлана Константиновна от помощи. Она медленно, будто опасаясь споткнуться на неровностях асфальта, сошла с вычищенной мусорной площадки и потихоньку, согнувшись, шаркая подошвами, направилась к своему подъезду.

Как ни странно, случай с книгами на какое-то время объединил многих зевак из ближайших домов и людей, облеченных властными полномочиями, пусть незначительными, символическими, но все же властными, что звучит довольно весомо. И этого было достаточно, чтобы собрав-

шиеся не разошлись, когда мусорную площадку покинула Светлана Константиновна. Все ждали, когда уйдет начальство. Причиной такого призрачного объединения, своеобразным толчком для него послужило прежде всего то, что все собравшиеся на мусорной площадке в один момент подумали, что Светлана Константиновна со своими книгами вышла из состояния нормального психического равновесия, а проще говоря — с ума спятила. Видимо, и Эвелина Аркадьевна по этой причине не уехала, хотя осмотр дворовой территории ТСЖ завершился, и делать ей теперь здесь было нечего. Собравшиеся жильцы молча смотрели на нее и тоже не думали расходиться: как-то неловко уходить, когда руководство осталось на месте. Сначала все молчали, как будто пребывали в состоянии траура. Первой заговорила баба Фрося.

— Темный ты человек, Кудылкин! — опять она напала на слесаря. — Видишь, что ты наделал? — чуть ли не плакала старушка. — Через тебя человек заболел. И что дальше будя — один Бог зная.

— А ты светлая, бабка Фрося? — настырно ухмылялся слесарь Кудылкин.

— Я светлая, потому что мне жалко книжек. А тебе на них наплевать, потому ты темный человек.

— Кудылкин, — прервал их диалог председатель Чуников, — иди отремонтируй трубы в подвале. Надо уже сейчас к зиме готовиться. Да и текут сейчас трубы. Вчера жильцы приходили ко мне — жалуются. В водопроводе нет нормального напора.

Кудылкин направился в подвал одного из домов ТСЖ. Слышно было, как, спускаясь в подвал, он негромко разразился ненормативной лексикой.

— Кристина, — подошла баба Фрося к одиннадцатикласснице, — где находится город Глупов, о котором говорила моя соседка?

— Да откуда я знаю! — как испуганная перепелка, встрепенулась девушка. — Нам учителя об этом не говорили.

— Да нигде такого города нет, — авторитетно пояснила Лота. — Это же самый настоящий бред. В голове у нее этот город. Больше нигде не существует.

— И цветущие вишневые сады, которые кто-то вырубает, тоже настоящий бред, — присоединилась к разговору Эвелина Аркадьевна.

— А что такое великий и могучий? — обратился председатель Чуников к Кристине. — Тоже бред?

— Конечно, бред, — улыбаясь, сказала Кристина, сверкая ясными головками пирсингов.

— А золотой век нашей литературы? — смотрел председатель на Кристину.

— И это тоже бред, — хихикнула Кристина. Сказав эти слова, она быстро отошла от собравшихся и исчезла за домами.

— Лота, раньше твоя хозяйка несла такую чушь дома или только сейчас разразилась? — серьезно заинтересовался Чуников.

— Раньше такого не наблюдалось, — констатировала Лота. — Вчера вечером началось. Она говорила сама с собой. Многих слов я не разобрала, но сейчас ясно, что она говорила о вишневых садах, о каких-то пауках-крестовиках, о вампирах, которые будут высасывать из нас кровь... И сейчас она все это выдала...

— Баб Фрось, а вы слышали от нее подобное раньше? — выяснял председатель, периодически оглядывая присутствующих своим колким,

цепким взглядом. — Вы с ней дружите, насколько мне известно, и многое знаете о своей соседке.

— Она всегда все говорила хорошо, все рядышком. Разговор у нее хороший, культурный. Я ничего за ней не замечала. Это Кудылкин ее довел до такого состояния. И она немножечко рехнулась. Жалко соседку, жалко. Но она сама виновата. Я ей советовала, что надо сделать, чтобы не волноваться. Она не послушала меня. Ну, ничаво. Что теперь делать? Она сейчас отдохнет и ей станет легче.

В этот момент на середину кучки жильцов неожиданно вышла Эвелина Аркадьевна и многозначительно повела взглядом поверх их голов. Люди замерли в ожидании чего-то неординарного: все были уверены, что представительница муниципальной власти хочет сообщить нечто важное и интересное.

— Сейчас стало ясно, — озабоченным тоном сказала она, опустив глаза к земле, — что Светлана Константиновна попала в трудное положение. Хорошая, конечно, женщина, умная, но что поделаешь.

— А можа, она правду говорила? — не могла успокоиться баба Фрося.

— Не мешайте говорить Эвелине Аркадьевне! — горласто выкрикнула учительница биологии Зоя Игоревна.

— Это ты не мешай! — смело парировала баба Фрося. — Константин просила тебя взять книжки. А ты не взяла. Потому что ты темная, даром, что учительница. Да какая ты учительница, если не читаешь книжек. Мой старший брат всю жизнь читал книжки и в люди вышел. Профессором стал. Преподавал студентам.

— Какой предмет он преподавал? — подал голос вылезший из подвала слесарь Кудылкин. — Ты не знаешь, баб Фрось? — ехидно смеялся слесарь.

— Какой предмет, не могу сказать. Я в его делах ничего не соображаю.

— Ну, так иди домой. Не мешайся здесь. Ты вообще ничего не соображаешь, — сказал Кудылкин и распечатал банку «Балтики».

— Ты сам ни черта не соображаешь, — не сдавалась баба Фрося. — А если бы соображал чего-нибудь хоть немного, то не вышвырнул бы книжки на мусорную свалку.

Не считая нужным ввязываться в ненужный и бесплодный разговор, Эвелина Аркадьевна решительно подошла к Лоте.

— Чуников сказал мне, что вы квартируете у Светланы Константиновны?

— Да, — четко ответила Лота.

— Давайте отойдем в сторонку. Мне нужно с вами поговорить, — сказала Эвелина Аркадьевна и легонько поманила пальчиком председателя Чуникова.

Председатель беспрекословно двинулся вслед за начальницей.

Отойдя от мусорной площадки на несколько метров, Эвелина Аркадьевна остановилась.

Все, кто стоял на площадке, тоже начали потихоньку расходиться: самое главное начальство ушло, а теперь здесь ничего хорошего не увидишь и не услышишь. Смотреть больше не на кого, слушать некого. На мусорной площадке осталась одна баба Фрося: она караулила книги.

Тем временем Эвелина Аркадьевна энергично взялась за дело, которое считала неотложным.

— Николай Федорович, вы должны взять ситуацию под свой надеж-

ный контроль, — властно заглянула она в глаза председателю. — Дело очень ответственное. И это ваша прямая обязанность, как председателя ТСЖ. И Лота не должна стоять в стороне, — озарила она своим ясным взглядом менеджера.

— Вы о чем? — не поняла свою задачу Лота.

— Слушайте, я еще не договорила. Что я имею в виду? Вашу хозяйку необходимо показать хорошему психиатру. Дела у нее, сами видите, какие. Она явно не в своей тарелке, мягко выражаясь.

— Я вполне разделяю ваше мнение, — согласилась Лота. — Светлану Константиновну необходимо показать психиатру.

— Николай Федорович, подумайте, как это сделать лучше и как можно быстрее. Ситуация не терпит отлагательств, — дала она указание председателю.

— Я одна могу все сделать. У меня есть знакомый психиатр. Хороший врач, — уверенно сказала Лота. — Хозяйку, я думаю, уговорю без особого труда. Она мне доверяет во всем.

— Я отвезу ее на своей машине, — вызвался Чуников.

— У меня есть своя, — сказала Лота. — Так что я все сделаю сама.

— Прекрасно, — удовлетворилась представительница муниципальной власти. — Николай Федорович, доложите мне тогда о результатах. Я беру этот вопрос под свой личный контроль. Состояние пенсионерки меня очень беспокоит.

— Я вам доложу, — послушно отрапортовал Чуников.

14

Лота тихонечко открыла ключом дверь в квартиру; она была уверена, что хозяйка после всех перипетий, выпавших на ее долю, сильно утомилась и теперь отдыхает. Светлана Константиновна действительно спала, укрывшись до плеч легким летним одеяльцем. Комната ее была открыта настежь. Затаив дыхание, Лота осторожно прикрыла дверь и на носочках хотела уже прошмыгнуть в свою комнату. Пусть поспит хозяйка, а после можно поговорить о медицинском обследовании. Но не тут-то было.

— Лота, — словно из-под земли послышался глухой, немощный голос хозяйки. — Зачем ты дверь закрыла?

— Я боялась вас разбудить, — сладеньким голосом сказала квартирантка. — Вы так хорошо спали. Вам надо хорошо отдохнуть. Сон — самый лучший отдых, — с выражением нежной заботливости говорила Лота.

— Я не спала. Тебе так показалось. Ко мне сон почему-то не идет, — еле слышно сказала хозяйка. — Я ни минуты не спала. В голове что-то вертится, крутится.

— А что там такое? — обеспокоилась Лота.

— Да этот подонок Кудылкин. Никак я его не выкину из своей головы. Люди без зазрения совести вырубают вишневые сады и не понимают, к чему это все может привести всех нас. Папуасы намного культурнее. Питекантропы были намного смысленнее, умнее. Он меня довел до такого состояния. Я очень устала от глупых, темных людей. Мозги как будто перевернулись.

Лота хотела спросить, о каких вишневых садах все время говорит хозяйка, но не решилась: это еще сильнее разбередит ее. И менеджер куль-

турно промолчала; Светлана Константиновна поднялась на диване, медленно спустила ноги на пол, разогнулась, встала и черепашьими шажками прошла по комнате. Лота следила за ней, присматривалась ко всем ее мельчайшим движениям. Она воочию увидела, как тяжело сейчас хозяйке; во всем ее облике чувствовалось полнейшее бессилие и подавленность; квартирантка не решилась оставлять ее одну в комнате. Усталость, утомленность Светланы Константиновны замечалась буквально во всем — в потухшем взгляде, в немогущности, в едва живом голосе, в осунувшемся, бледном лице. Хозяйка раза два прошла по комнате, от стены до стены; и это миниатюрное путешествие, как заметила Лота, далось ей не так просто.

Лота стояла у стены при входе в комнату. Светлана Константиновна, проходя мимо нее, с благодарностью взглядывала на квартирантку печальными глазами и при этом смиренно улыбалась; эта тускленькая улыбка была не чем иным, как благодарностью за то внимание, которое Лота оказывает ей.

— Светлана Константиновна, — с вкрадчивой осторожностью сказала квартирантка, — вы очень устали. Вы устали морально. Вам нужно показаться хорошему психиатру. Вы женщина грамотная и хорошо знаете, что сейчас психологи помогают многим людям исцелить свои недуги. Помогают в самых трудных ситуациях. Психологи многое могут. Скажу вам откровенно — вам не следует так сильно убиваться о книгах.

— Я не могу не переживать, — смотрела Светлана Константиновна в неопределенную точку на полу. — Я сильно расстроилась. Я сейчас не вижу над собой неба, небесного храма. В моих глазах тьма смешалась со светом, и я не понимаю, что происходит вокруг.

— Раньше в это время вы пили кофе, а сейчас изменили своим привычкам. Не надо так. Успокойтесь. У вас расстроилась психика.

— Да, что-то сейчас со мной происходит неладное, — согласилась Светлана Константиновна. — Никогда такого не было.

— Давайте я отвезу вас к психиатру. Замечательный врач. Недавно окончил медакадемию. Мой хороший знакомый. Он вам поможет избавиться от вашего расстройства. Вы согласны?

— Хорошо, Лоточка, я тебе верю. Отвези меня к своему врачу. Может, правда, он мне поможет. А то я что-то совсем расклеилась, — упавшим голосом сказала Светлана Константиновна.

Лота встала со стула.

— Мой мобильник остался в машине, — сказала она, подходя к двери. — Я сейчас выйду на улицу и позвоню ему на работу.

В знак согласия Светлана Константиновна едва заметно кивнула.

Лота проворно выбежала во двор, села в кабину своей иномарки, припаркованной недалеко от подъезда, быстро набрала номер мобильного своего знакомого психиатра.

— Я слушаю, — услышался расплывчатый голос.

— Это Чиричкин? — громко спросила Лота, опасаясь, что ее не узнают.

— Да, это я, Лота. Почему у тебя голос такой встревоженный? Случилось что?

— Вадим, срочно нужна твоя помощь, — торопилась Лота. — У моей хозяйки крыша поехала. Надо помочь ей.

— А что произошло? Кратенько, в двух словах скажи.

— Понимаешь, вчера вечером один слесарь выбросил на мусорную

свалку много художественных книг. Там почти вся русская классика. А хозяйка моя фанатично влюблена в эту русскую классику. И теперь сильно переживает, не находит себе места. Без конца талдычит, что темные люди вырубают какие-то вишневые сады, убивают наш золотой век, уничтожают великий и могучий. А что это — одному Богу известно. В общем, несет всякий бред несусветный.

— Это, конечно, самый настоящий бред.

— Вадим, — умоляюще попросила Лота, — поверни ей мозги в нужную сторону. Потом говорит, что все мы живем в каком-то городе Глупове. Понимаешь, что она несет?

— А что это за город такой? — поинтересовался психиатр. — Отродясь не слышал.

— Да тоже бред. В общем, ты все понял. Я сейчас привезу ее в вашу психиатрическую лечебницу.

— Я чувствую, что твоя хозяйка основательно свихнулась. Привози и как можно быстрее.

Лота, обрадовавшись, что может оказать хозяйке надлежащую помощь, стремительно бросилась к ней.

— Позвонила? — Светлана Константиновна смотрела на квартирантку, как на свою спасительницу.

— Да, позвонила. — Лота тяжело дышала после пробежки по лестничным маршам. — Все хорошо. Мой знакомый врач согласился вас посмотреть сегодня. Прямо сейчас. Так что собирайтесь, Светлана Константиновна. Поедемте. Без промедления.

Светлана Константиновна медленно встала с дивана, так же медленно подошла к платяному шкафу, надела свежее платье, взяла синенькую косыночку, чтобы предохранить голову от солнца, затем обула простенькие туфлишки и сообщила квартирантке, что готова ехать. Лота вместе с хозяйкой вышла из квартиры. Взяв ее под руку, осторожно повела вниз по лестнице.

На улице у подъезда стояла баба Фрося. Она хорошо отдохнула после обеда и чувствовала себя весело и бодро. А сейчас вышла во двор с кем-нибудь побалакать.

— К врачу поехали? — вспыхнула старушка доброжелательным интересом.

— К врачу, — через силу проронила Светлана Константиновна. — Фрося, ты тут присматривай за книгами.

— Обязательно присмотрю! — заверила баба Фрося соседку. — Ты не переживай, не убивайся. Думай о Боге.

Лота помогла сесть хозяйке в кабину, пристегнула ремни. Светлана Константиновна через стекло помахала бабе Фросе рукой; Лота включила мотор, и машина бесшумно тронулась с места.

Минут через сорок, долго простояв в многочисленных пробках, Лота подрулила к психиатрическому диспансеру. Помогла Светлане Константиновне выйти из кабины и, взяв под руку, повела к врачу.

— Мне сейчас нужно отъехать на работу. Когда вас врач обследует, — намечала Лота дальнейший ход событий, — он позвонит мне, и я заеду за вами, отвезу домой. Не волнуйтесь. Врач молодой, знающий, я несколько не сомневаюсь в его профессионализме.

— Хорошо, Лоточка, хорошо, — соглашалась Светлана Константиновна со всем, что говорила квартирантка.

В просторном и светлом кабинете у рабочего стола стоял в белом халате психиатр Вадим Чиричкин, тридцатилетний мужчина, рослый, светловолосый; на его сытом лице витала легкомысленно гламурная улыбочка, от которой неизбежно возникало впечатление, будто он пришел во врачебный кабинет не исцелять больных, а просто покуражиться и повеселиться.

В уголке, возле окна, выпрямив широкую спину, сидел медбрат Фасолькин, плотный, хорошо сбитый мужик лет тридцати пяти, коренастый, крепкий, как пень спиленного дуба; весь вид его говорил, что он запросто может задушить хоть черта, хоть самого Терминатора, — такие у него были могучие руки; щекасто-скуластая физиономия медбрата Фасолькина выглядела мрачно; глядя на нее, можно было подумать, что он втихаря замышлял какое-то черное дело и сейчас обмозговывал, каким образом можно все это реализовать. Поскольку зарплата в диспансере такова, что на нее не прокормишь и попугая, наряду с должностью медбрата он совмещал еще и должность санитаря.

— Как у тебя дела? — не замечая пациентку, спросил Чиричкин у Лоты.

— Прекрасно! — жизнерадостно подпрыгнула Лота.

— А на сексуальном фронте?

— Вадим, — приняла Лота серьезный вид, — обо мне не беспокойся. Помогите моей хозяйке освободиться от недуга, который налетел на нее, как злой демон. Я тебя очень прошу об этом. Я тебе все рассказала.

— Все будет нормально, — пообещал молодой психиатр. — Не волнуйся, Лоточка.

— Вадим, я уезжаю. Мне надо быть на работе, — торопилась Лота. — Тогда позвони мне.

— Не беспокойся, Лота, — успокаивал свою знакомую Чиричкин. — Ничего не случится с твоей хозяйкой. Уедет от нас веселенькой и здоровенькой.

— Буду надеяться, — сказала Лота и подошла к Светлане Константиновне. — Прошу вас — не волнуйтесь. Все будет хорошо. Я пошла, — и погладила старушку по плечу.

Светлана Константиновна осталась один на один с психиатром Чиричкиным. Медбрат Фасолькин в счет не входил. Он по-прежнему сидел молча, бездеятельно и смотрелся совершенно ненужной, даже лишней деталью в кабинете врача. Светлана Константиновна не очень доверяла молодым врачам, которые недавно окончили медакадемию. У нее сложилось невысокое мнение об их профессиональном мастерстве. Да и откуда могло взяться это мастерство, если почти все они в вузе учились кое-как, чему-нибудь и как-нибудь, редко посещали занятия, а то и вовсе неделями не ходили в вуз, а экзамены и зачеты сдавали за деньги. Светлана Константиновна сама слышала по местному телевидению, что дело обстоит именно так, а не иначе. Однако сейчас, находясь в кабинете у психиатра, она до некоторой степени смирилась: возможно, знакомый квартирантки — хороший, знающий доктор, возможно, он сдавал экзамены и зачеты не за деньги, а своим умом. Есть же, в конце концов, ис-

ключения. Она робко взглянула на доктора, терпеливо ожидая его указаний.

— Присаживайтесь, — вежливо сказал Чиричкин, вспомнив клятву Гиппократу, и небрежно указал на стул, стоявший перед его столом, на котором вразброс валялось множество разных бумаг.

Светлана Константиновна села на указанное место и, сложив на коленях руки, замерла в ожидании дальнейших действий психиатра.

Чиричкин поставил перед ней стул и сел прямо напротив. Своим напряженно пристальным взглядом психиатр так углубился в глаза пациентки, будто он одним махом решил проникнуть в святая святых ее психики. Взгляд его имел намеренную прицельность; Светлане Константиновне даже показалось, что между его и ее глазами протянулась очень тоненькая, незаметная проволочка, по которой в ее душу потекло что-то похожее на злую, нечистую силу, совершенно чуждую и противную ей. Сам Чиричкин застыл в неподвижной позе. Через несколько секунд он поднял указательный палец, поставил его торчком на уровне глаз пациентки и совсем близко придвинул его к носу больной.

— Смотрите на мой палец, на кончик, — приказал психиатр. — Когда я буду двигать им в разные стороны, все время смотрите на кончик.

Светлана Константиновна беспрекословно выполняла поставленные доктором условия.

Через минуту Чиричкин опустил палец.

— Скажите, какой сейчас по счету месяц года? Второй, третий, четвертый или двенадцатый?

Светлана Константиновна растерянно улыбнулась. Улыбка вышла неестественной и какой-то измученной. Бледные губы ее мелко тряслись.

— Сейчас лето, — уверенно сказала она. — Так что сейчас не двенадцатый месяц.

— А какой же? — безжалостно ворочал психиатр душу больной.

— Вы меня застали врасплох. Я сейчас посчитаю.

— Достаточно. Не надо ничего считать. Тогда скажите, какую форму имеет наша планета?

— Наша планета имеет эллипсоидную форму.

— Круглую, — не согласился психиатр.

— Эллипсоидную, — возразила пациентка.

— У нас не спорят. Ну ладно! — вдруг воскликнул Чиричкин, будто чему-то обрадовался. — А скажите, наша планета стоит на месте или вертится?

— Наша планета не вертится. Она не вертушка.

— Все ясно! — снова, как на митинге, воскликнул доктор. — Все ясно, — и задумался.

— Наша планета вращается, а не вертится, — услышал Чиричкин отдаленный и очень слабый голосок пациентки, такой далекий, словно она говорила с другой планеты, а не в его кабинете.

— Тогда еще вопросик, — поднял психиатр указательный палец кверху.

— А зачем вы мне такие вопросы задаете? — немного опомнилась Светлана Константиновна и пришла в себя, пытаясь определить реальное место своего теперешнего пребывания, место, где она находится в данную минуту и секунду. — Вы что, дурочкой меня считаете? — запротестовала она. — Куда вы меня усадили? В палату номер шесть? Я заявляю вам, что я не дурочка. Так что отпустите меня домой.

— Все, кто к нам попадает, говорят точно так же, как вы, — очень серьезно и недовольно разъяснил Чиричкин. — Только ничего не говорят о палате номер шесть. Откуда вы ее взяли, эту палату? У нас нет такой палаты. И в помине не было. Так что мы продолжим с вами лечение. Я обещал вашей квартирантке...

— Отпустите меня домой! — не дала Светлана Константиновна доктору договорить фразу. — Отпустите меня! — и задергалась, пытаясь подняться со стула. Но Чиричкин с силой положил ей на плечи обе руки, и она снова плюхнулась на сиденье стула.

— Вот так и сидите. Не дергайтесь и не кричите. Мы вам хотим добра. А вы противитесь нашим желаниям, — слегка пристыдил психиатр пациентку.

— Вы меня поместили в палату номер шесть! — растревожилась Светлана Константиновна. — Зачем вы это сделали? Я не дуручка. Со мной все в порядке. Я нормальный человек.

— Успокойтесь, пожалуйста, — очень гуманно выразил свою просьбу Чиричкин. — У нас нет никакой палаты номер шесть. В других лечебницах, может, и есть, а у нас нет такой палаты. И никогда не было. Ваша квартирантка очень просила, чтобы мы вам помогли избавиться от тревожного симптома, в который вас вверг слесарь Кудылкин. Мы сделаем все от нас зависящее.

— Вы меня поместили в палату номер шесть! — твердила Светлана Константиновна. — Зачем вы спрашиваете у меня, какой сейчас по счету идет месяц, какую форму имеет наша Земля, вертится она или нет? Вы думаете, что я свихнулась, с ума спятила?! Я больше не нуждаюсь в вашем присутствии и не желаю находиться в палате номер шесть.

— Да нет у нас такой палаты! — давил Чиричкин обеими руками на плечи старушки.

— Нет, есть. Отпустите меня домой!

— Вы меня удивляете, — недоумевал психиатр. — Откуда вы взяли эту палату? — начинал терять самообладание Чиричкин.

— Я утверждаю, что вы меня посадили в палату номер шесть!

— Да где вы видели такую палату? Или, может, читали о ней? У нас нет такой палаты. Вы понимаете — нет у нас такой палаты!

— Есть такая палата! — не сдавалась Светлана Константиновна. — Вам надо прочитать про нее.

— И где же, скажите, пожалуйста, про нее написано?

— Вы мне задавали свои дурацкие вопросы, теперь отвечайте на мой вопрос. Где написано про палату номер шесть? Отвечайте!

— У вас явный бред, — заключил психиатр. — Вы сильно устали. В вашей психике образовалась небольшая трещина. В таких случаях человеку кажется, что его бредовые мысли отражают объективную реальность. Я вас призываю к спокойствию. Мы окажем вам необходимую помощь.

— Меня не надо лечить. Я ничем не болею. Отпустите меня домой! — еще сильнее запротестовала Светлана Константиновна и, напрягшись всем телом, скинула со своих плеч руки Чиричкина.

— Фасолькин! — что есть мочи заорал Чиричкин. — Какого хрена ты сидишь и смотришь, как на именинах? Давай сюда жилет! Она уже на грани!

— Сию секунду! — отрапортовал медбрат.

Медбрат Фасолькин, несмотря на свою телесную тяжеловесность, с кошачьей ловкостью сорвался со своего места и моментально подскочил

к большому, громоздкому коричневому шкафу, выдернул из него какую-то странную кофту серого цвета и через пару секунд отдал ее доктору. Чиричкин, сломив хилое сопротивление больной, ловко напялил на нее этот странный доспех. Светлана Константиновна сиюминутно ощутила, что она скована со всех сторон; она почти не могла пошевелить руками и туловищем и не в состоянии была двинуться ни в какую сторону.

— Позовите сюда главврача, — еле выговорила поклонница русской классики. — Я хочу говорить только с ним.

— Подержи ее, — приказал Чиричкин медбрата, не обратив внимания на требование больной. — Я посоветуюсь с главным. Да покрепче держи.

— Не беспокойтесь, не вырвется, — заверил Фасолькин.

— Сейчас вам будет главврач, — метнул Чиричкин мимолетный и недовольный взгляд на Светлану Константиновну и вышел из кабинета.

17

Главврач Щавельский Альберт Альбертович сидел за массивным рабочим столом и просматривал срочную медицинскую документацию. Ему было лет пятьдесят, но выглядел он значительно моложе своих лет, бодро, жизнерадостно, лицо чистое, гладкое, без запутанных бороздок и паутинок морщин, только в густых темных волосах, зачесанных к макушке, просвечивались серебряные ниточки, придавая ему вид умудренного жизненным опытом человека. Главврач — человек немногословный, он не любил тратить время на всякое пустословие и всевозможными способами, средствами, доступными ему как начальнику, приучал всех подчиненных говорить только по существу того или иного вопроса, возникшего в процессе служебной деятельности. К малокомпетентным сотрудникам, особенно к тем, кто не мог правильно поставить диагноз больному, относился с подчеркнутой строгостью, даже непримиримо: работа ответственная, сложная, поэтому от каждого сотрудника требовались высочайшая ответственность, глубокие знания, вдумчивый анализ, умение находить новые, нестандартные подходы к лечению психических расстройств. Некоторых он уже уволил за несоответствие служебным обязанностям. За многие годы руководства психдиспансером главврач несколько огрубел, стал раздражительным и малоразговорчивым.

Когда в кабинет к нему вошел Чиричкин, Альберт Альбертович отодвинул документацию в сторону и молча уставился на него суровым сухим взглядом.

Чиричкин приблизился к столу главного.

— К нам привезли больную, Альберт Альбертович, — сказал он.

— Ну и что? — спокойно сказал главврач, понимая, что молодой психиатр в чем-то запутался и без помощи не обойдется. — К нам каждый день поступают больные. Что с ней?

— Глубокое психическое расстройство. Она на грани помешательства.

— В чем это проявляется?

— Да у нее уже крыша поехала.

— Сейчас у здоровых крыша едет. Говорите конкретнее.

— У нее появились выраженные признаки буйного поведения. Хочу с вами посоветоваться. Может быть, ей укольчик сделать для успокоения?

— Сколько лет больной?

— Шестьдесят семь.

— Причину выяснили? Что, собственно, случилось? На какой почве?

— Больная до фанатизма любит русскую классическую литературу, просто с ума сходит. И вот вчера один слесарь выбросил на мусорную свалку много книг. Почти все — русская классика. Она целый день ходила по двору и говорила всем, что темные люди вырубают какие-то цветущие и прекрасные вишневые сады, а на месте этих садов якобы произрастут подлость, хамство, расплодятся какие-то пауки-крестовики, вампиры, говорила, что люди живут в каком-то городе Глупове и ничего не понимают, говорила, что темные люди уничтожают наш золотой век, наш великий и могучий; словом, несла откровенную чушь. И дома несла этот бред. Ее квартирантка все слышала... Вы чувствуете, это же полнейшее сумасшествие, помешательство разума? А сейчас сказала мне, что ее определили в палату номер шесть. И стала буянить, вырываться. Поэтому я хочу с вами посоветоваться — что с ней делать? У нее явно крыша поехала, и довольно основательно.

Глубокое и в то же время какое-то игривое недоумение выразилось на строгом лице главврача, когда Чиричкин закончил говорить. Альберт Альбертович смотрел на него с мягкой снисходительностью и лукавой усмешкой, в которой чувствовалась унижительная ирония.

— Все ясно, — двусмысленно сказал главврач и почему-то вздохнул. И снова посмотрел на Чиричкина.

— Что вы на меня так смотрите? — в замешательстве спросил психиатр.

— А вы сами-то понимаете, о чем говорила больная? Вишневые сады, город Глупов, великий и могучий... Психика — тонкое дело. Тут можно столько дров наломать.

— Да тут никто ничего не может понять, — сказал Чиричкин. — Это же самый настоящий бред.

— Ну, ладно, пойдемте, посмотрим больную.

Альберт Альбертович резко поднялся со своего кресла, с грохотом отодвинув его к стене, и скорыми шагами направился к выходу. Чиричкин, заметно смущенный и обиженный, двинулся за ним.

Главврач стремительно, прямо-таки вихрем, словно торопился на тушение пожара, с тревогой на лице ворвался в кабинет психиатра. Медбрат Фасолькин, державший больную за плечи, как мячик отскочил в сторону и устроился на своем месте.

— Здравствуйтесь, милейший Альберт Альбертович! — просветленно улыбнулась почитательница русской классики. Она обрадовалась и улыбалась точно так же, как это делают жители Заполярья, когда после длинной полярной ночи встречают только что показавшееся над горизонтом золотистое солнышко. — Вот так встреча! Не ожидала. А меня тут поместили в палату номер шесть.

— Да нет у нас такой палаты, — вразумлял Чиричкин больную.

Альберт Альбертович подбежал к Светлане Константиновне, сдернул с нее смиренную рубашку и со злостью зашвырнул ее в самый дальний угол.

— Есть у нас такая палата! — негодуя посмотрел главврач на психиатра.

— Что вы хотите этим сказать? — опешил Чиричкин.

— Я хочу сказать, что вы темный человек... Светлана Константиновна, пойдемте в мой кабинет.

Альберт Альбертович помог больной встать на ноги и, взяв ее под

руку, медленно повел к себе. В кабинете усадил в кресло и сел за стол, на свое место.

— А теперь, здравствуйте, Светлана Константиновна! — сдержанно улыбнулся главврач. — Вы уж извините нас, — виновато сказал он. — Плохо получилось. Ну что тут поделаешь? Врач молодой, неопытный. Не сумел поставить правильно диагноз. Но все равно встреча интересная. Я давно вас не видел.

— Встреча очень интересная, — забыла Светлана Константиновна обо всех превратностях. — Я не ожидала такого. Я хорошо помню, что вы ходили в нашу библиотеку. Вы много читали...

— Я и сейчас читаю, — улыбнулся главврач. — Правда, меньше, чем раньше. Времени просто не хватает. Как и вы, люблю русскую классику.

— Я вчера очень расстроилась. Слесарь Кудылкин выбросил на мусорную свалку много книг. Просто уму непостижимо!

— Я в курсе дела. С вами приключился небольшой шок. Ничего страшного тут нет. У вас уже все прошло. Вы уж извините нас. Я сделаю врачу хорошее внушение за непрофессионализм. И еще порекомендую подумать, откуда вы взяли палату номер шесть. Чтоб знал, где находится эта палата, — широко улыбался главврач.

— Альберт Альбертович, — с надеждой смотрела Светлана Константиновна на своего знакомого, — а вы не могли бы взять себе эти книги? Я взяла бы, но у меня есть библиотечка.

— С большим удовольствием, — оживленно сказал главврач. — Могу заплатить этому слесарю.

— Никому ничего не надо платить! — восторженно сказала Светлана Константиновна. — Я только порадуюсь, что книги попадут в хорошие руки, к умным людям.

— Спасибо большое. Я сейчас отвезу вас домой и заодно заберу книги.

— Господи, как хорошо, что встретила вас! Пусть даже в такой неподходящей ситуации.

Восхитительной солнечной яркостью светились широко раскрытые глаза Светланы Константиновны. Она чувствовала, как к ней возвращаются жизненные силы.

Виктор Михайлович Юров родился в 1955 году в поселке Введенка Эртильского района Воронежской области. В настоящее время директор Первоэртильского сельского Дома культуры. Публиковался в коллективных сборниках «Проба пера», «Эртиль поэтический». Стихи «Милая, помнишь ли ты?», «Неизменная монета», «Не моя ты любовь» положены на музыку и стали популярными песнями. Член литературного объединения «Эртильская волна».

Виктор Юров

А ЗА КРАЕМ ЗЕМЛИ — ТИШИНА

* * *

Рассветы поздней осени
Все также пахнут росами,
И пахнут твои волосы
Вином и резедой.
Глаза все так же светятся
Хмельным, веселым месяцем,
И колокольчик голоса
Такой же молодой!

А те дороги длинные —
Две параллельных линии,
Что вместе были пройдены
С востока на закат —
Как путеводы млечные,
Высокие и вечные,
И вот уж сходни поданы
До поднебесных врат.

А на просторах Родины
Растут кусты смородины,
И утром пар колышется
Над зеркалом пруда.
И колокольный благовест
На Пасху слышится окрест,
И книга жизни пишется,
Пока течет вода!

* * *

Я вечно ломился в закрытую дверь,
Скрывался в лесах, словно загнанный зверь,
Но время пришло, и я знаю теперь —
Я русский!

Мой след — где Камчатка, Сибирь и Урал,
Где Волга и Дон, и монгольский хурал,
Где эхо живет громового «Ура!» —
Я русский!

Мой дом — ширь снегов да белесый ковыль,
Во мне кровь славян, что горька, как полынь,
Просторы степей да дорожная пыль —
Я русский!

Я вождь, я учитель, я раб, я плебей,
Я добрый волшебник, я хитрый злодей,
Я самый обычный из тысяч людей,
Но — русский!

Я лузер, я гений, я шут, я король,
Я нищий, я барин, я трус, я герой,
Я грешен и свят, и несносен порой —
Я русский!

Мой предок — татарин, мой Бог — истукан,
Мой ангел-спаситель — граненый стакан,
И пусть я последний из могикан —
Я русский!

И если весь мир задохнется во зле,
Когда все обуглится в жаркой золе,
Но даже тогда буду жить на Земле
Я, Русский!

* * *

Какие осени пошли! —
Октябрь ушел, захлопнув двери,
А на поверхности земли —
Тепло, и не линяют звери.

И паутинка на ветру
Блестит серебряною нитью,
И птички-бабочки вокруг,
И золотисто-желты — листья.

В садах — паркетты, вальс и танго,
Шуршанье платьев здесь и там,

И кавалеры всяких рангов
Вращают разодетых дам.

А осень солнечна, прекрасна,
И души радует и глаз,
И кажется, совсем напрасно
Синоптики пугают нас —

Зима еще слаба, несмела,
И пусть ноябрь, а не апрель —
Не торопитесь красить белым,
Не прячьте кисть и акварель!

* * *

Как тихо в мире, если я молчу —
Смолкает эхо, не кружится ветер.
Ты сладко дремлешь, прислонясь к плечу,
И все равно — прекрасней всех на свете!

Как тихо в мире, если я молчу...
Я слышу на щеке твое дыханье,
Твоих ресниц беззвучное порханье —
Я забываюсь и лечу, лечу...
Как тихо в мире, если я молчу!

* * *

Все срифмовано: кровь и любовь,
Чет и нечет, зеленый — влюбленный...
Сколько было поэтов — и вновь
Кто-то пишет стихи увлеченно.

Вновь кому-то мешает уснуть
Шепот Музы: «не спи, я с тобою!» —
Посмотри, как меняется суть,
Когда рядится ночь в голубое!

Ты послушай, как тихо звенит
Капля-звездочка в теплой ладони,
Ярким бисером вышит зенит
И цветы на зеленом газоне.

А за краем Земли — тишина,
Там заря бродит розовым садом,
И луна... Посмотри, как луна
Осыпает траву звездопадом...

Встань, поэт, выйди в росы с утра,
Заблудись в предрассветном тумане,
Посмотри, сколько тем для пера
Дарит утро и в вечное манит!

Валерий Евгеньевич Платонов родился в 1961 году в поселке Орлянка Эртильского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. Служил в армии. В Эртильском районе работал директором ряда школ, инструктором райкома партии, директором краеведческого музея, директором ПТУ №16. Краевед. В настоящее время — заместитель главы администрации Эртильского муниципального района. Публиковался в региональной печати. Автор ряда краеведческих книг по истории города Эртиль и района. Живет в Эртиле.

Валерий Платонов

ЮБИЛЯРША

Рассказы

В последнее время очень многие у нас обратились к религии и разного рода мистике. Стало чрезвычайно модным поздравлять с религиозными праздниками, бывать в церкви, нырять на Крещение в прорубь, освящать жилье, не здороваться через порог, и прочее, и прочее. Но я себя отношу к людям светским, поскольку не склонен как-то верить в жизнь души после смерти телесной, а тем более в предрассудки. Мне лень обходить столбы с укусиными, как это делает половина жителей нашего городка. Я напрочь не верю в опасность кошек, перебегающих дорогу перед моим носом. Признаться, меня гораздо больше волнуют женщины, чем пустые ведра в их руках. И, может быть, оттого сильнее мой интерес к рассказам тех, кто якобы въявь или точно въявь сталкивался с проявлениями чего-то необъяснимого и не вписывающегося в здравый смысл и мое миропонимание. Не просто любопытны, но как бы и притягательны рассказы людей известных, грамотных, не способных, как представляется, к фантазированию и сочинительству забавы для.

На той неделе мне случилось быть с поздравлениями в кабинете одной авторитетной особы. Повод для визита сложился

довольно веский — ее юбилей. Я с легким опозданием спешил засвидетельствовать свое почтительное внимание от лица всей нашей организации к даме, которую, в сущности, знал лишь по отзывам о ней моих знакомых и ответственных товарищей.

Несмотря на «полтинник», Татьяна Семеновна выглядела вполне привлекательно: ухоженной, со вкусом и по-современному одетой, улыбчивой и приветливой. А уж ее пышной шевелюре, здоровому цвету лица и прямой, с достоинством, походке и вовсе могло завидовать немалое число молодых прелестниц. В таких случаях говорят, что женщина сумела себя сохранить. Но меня как человека заметно более молодого интересовала вовсе не физическая форма юбилярши, а нечто совершенно иное. Татьяна Семеновна примерно годом ранее похоронила своего супруга — довольно известного человека, которому лично я, так же, как и кое-кто еще, был обязан попаданием в обойму прилично оплачиваемых по провинциальной мерке руководителей. Поэтому мое внимание и благожелательное расположение к вдове и проявление любопытства относительно ее морального самочувствия было вполне искренним и естественным.

После банальных фраз поздравления, пожеланий и чмоканий в щечку с вручением скромного подарка юбилярше я было собрался уходить, но Татьяна Семеновна настоятельно просила задержаться. Ожидался приезд высоких чиновников районного ранга с последующим застольем. Интонация приглашения звучала вполне искренне. Я никуда особенно не торопился, а общество ожидаемых гостей мне было хорошо знакомо и вполне подходило. Мне подумалось бестактным взять и уйти, вспомнился Высоцкий с его «а что не пить, когда дают», и я дал себя уговорить.

Татьяна Семеновна позвала свою заместительницу Леночку — молодую, обаятельную, более чем привлекательную молодую женщину, и мы втроем довольно успешно собрали небольшой стол с пикантной закуской и качественной водкой. Один из желанных гостей предупредительно позвонил и с извинениями сообщил, что неотложные дела заставляют его задержаться примерно на четверть часа. Все единодушно сочли причину задержки вполне извинительной и решили, что этика требует, чтобы мы подождали.

Надо было как-то заполнить время ожидания по возможности нескучной беседой. Общей темой могла стать только одна — о покойном супруге Татьяны Семеновны. Я стал расспрашивать, видит ли она его во сне, справляется ли с внезапно постигшем горем и как поменялся ее взгляд на окружающее и окружающих.

— Знаете, Петр Петрович, а я очень часто вижу его во сне. Ну, так в среднем примерно два раза в неделю. Это, знаете, удивительно. Мне не требуется даже прилагать каких-то особых усилий. Просто захочу, и той же ночью он является ко мне. Мы разговариваем, общаемся с ним на самые разные темы, обсуждаем наши проблемы.

Татьяна Семеновна горделиво качнула ухоженной головкой, коснулась ручкой эффектно ярких волос и продолжила:

— Он очень внимателен ко мне, а взгляд его всегда полон какой-то жалости, что ли, и как бы извинения за то, что его нет рядом. Это удивительно. Знаете, он как бы продолжает жить и присутствовать во всем.

Татьяна Семеновна в легком волнении поправила салфетку, нежно

провела по ней рукой с дорогим перстеньком и, глядя мне в глаза, продолжила еще более убедительно:

— Да вы знаете, Петр Петрович, иногда я просто физически чувствую его присутствие в доме, в беседке или в огороде. Один раз прихожу с работы, открываю дверь и чувствую, что он дома. Это непередаваемо. Чувствую, что вот он рядом, и все. Знаю, что он где-то здесь.

Татьяна Семеновна перевела взгляд с меня на Леночку, проверяя, верим ли мы ей и готовы ли выслушать нечто более таинственное и сокровенное. Ее глаза излучали нежность и завораживающую мечтательность с оттенком неуловимого озорства. Она, понизив голос, продолжала:

— Знаете, мне никогда не бывает страшно. Я чувствую его дыхание сзади, слышу его явные шаги. Даже слышно бывает, как он спускается ко мне по лестнице. Я другой раз ощущаю запах и тепло его тела. Все так явно, до жути реально. Даже какое-то волнение иной раз охватит. Просто волны какие-то необъяснимые исходят. Так интересно и ни капельки не страшно.

Татьяна Семеновна снова поочередно посмотрела на нас и вдруг озорно засмеялась:

— Но вы не подумайте чего. А то решите, что у меня крыша едет. Вы ведь знаете: я женщина сильная, и уж чего-чего, а собой владеть умею. Я никогда не была склонна ныть или жаловаться на судьбу. Как есть, так и есть. Значит, так тому и быть суждено, и стенать тут бесполезно. Просто, знаете, я никогда не отмахивалась от него и не думала о муже как о мертвом и постороннем. У нас, знаете, всегда были самые теплые отношения. Я-то знаю, что он любил только меня одну всегда.

Последнюю фразу Татьяна Семеновна произнесла почти с подчеркнутым вызовом, будто мы позволили себе открыто усомниться в честности ее слов. Мне стало неловко. Я готов был начать заверять рассказчицу в том, что мы ни на йоту не усомнились в реальности ее ощущений, но Татьяна Семеновна опередила меня, продолжив свои откровения:

— При всей его сановности и властности, знаете, он был очень нежным и ранимым человеком. Жена, дом, дети, — для него это было все, в принципе. Только я знаю об этом. Хотя, конечно, ходили и какие-то сплетни. Люди-то ведь мы все разные. Другой раз наплетут — только слушай. У нас ведь как любят: если у кого-то слишком хорошо, то обязательно влезут в семью. А при его работе и тем более.

Я пребывал в некотором смятении от подкупающей исповедальности речей Татьяны Семеновны. Не решив еще, верить или не верить услышанному, я спросил:

— А во сне вы помните, Татьяна Семеновна, что его на самом деле нет? Что он там...

Татьяна Семеновна удивленно двинула бровью:

— Ну, конечно, помню. Я всегда об этом помню, но общаюсь с ним как с живым. А вы знаете, как он помогает мне? Дает советы, предостерегает от нежелательных шагов, приободряет частенько меня. Он это всегда умел. Я как-то спрашиваю его: «Как ты там живешь, родной мой?» А он мне и отвечает как-то так, знаете, радостно, как-то весело: «А мне здесь очень хорошо. Ты не подумай, что у меня здесь нет никаких дел. Их здесь еще и побольше. У меня здесь много друзей и помощников. Мы следим, все видим и помогаем вам всем и всему нашему району. Вот пройдет еще совсем немного, и дела у всех пойдут в гору. А жить вы все будете намного лучше и обеспеченнее, намного даже проще».

Татьяна Семеновна замолчала на секунду, наморщила лоб и подтвердила:

— Да, так, между прочим, и сказал: «Жить будете намного лучше». Наша юбилярша поднялась за столом, посмотрела на улицу, коснулась золотой цепочки на шее, вновь села и возобновила свое повествование:

— Знаете, Петр Петрович, удивительное чувство — это общение с ним как с живым. В нашей семье были особые отношения. Его ведь никогда не было. Он всю жизнь на работе. Заскочит и с порога шумит: «Мать, давай на стол по-шустрому. Мне некогда». Я уже ко всему всегда готова. Привыкла. Бегом разогрею, что нужно. Быстренько соберу поесть. А иногда он буквально с плиты ел. Все на бегу. Все ему некогда было. И так всю жизнь.

Лицо рассказчицы резко посуровело. С него испарилась благодушно-мечтательная улыбка, на глаза легла тень грусти, ладони крепко сцепились. Казалось, еще мгновение, она даст волю слезам. Однако Татьяна Семеновна быстренько справилась с собой и вполне контролировала свои эмоции:

— Вы знаете, Петр Петрович, мне часто бывает очень обидно. За что он отдал жизнь? Чему он ее посвятил? Всю жизнь он, как солдат — в струнку. Всю жизнь кому-то что-то от него надо было. Всю жизнь надо куда-то ехать, с кем-то воевать, кого-то выручать, перед кем-то отчитываться, за что-то переживать. И звонки. Эти звонки днем и ночью, по любому делу. Только вернется, звонок — надо опять ехать. Там не так, здесь какая-то фигня. Этот напился. У того — не слава богу. И так вся его жизнь. А как подумаешь: на что же она потрачена? Какой результат? Что в итоге-то? Растратил себя для всех — и все. Нет, вы не подумайте, я не обижаюсь на людей. Они ко мне стали относиться даже лучше, чем раньше. От кого я и не ожидала, и те как-то внимательны теперь ко мне. И свекровь со мной постоянно, и дети, и моя мама. Все очень добры и внимательны ко мне. Грех жаловаться на людей. Я всем благодарна. Вот день рождения. Юбилей этот. Не хотела собирать стол. Но вы представляете, уже три дня то одни придут, то другие. Дети с внуками, сваты — все побывали. Не забывают ни простые люди, ни начальники.

Татьяна Семеновна внимательно осмотрела свои часики и предложила:

— Хватит ждать их. Время идет, а мы сидим у стола, слюни глотаем. Ждать и догонять всегда противно. Думаю, гости не обидятся и еще догонят нас. А? Один мой знакомый в таких случаях всегда спрашивает: «Вы видели, чтобы у собаки на шее колбаса висела?» Давайте начинать. Петр Петрович, открывайте бутылку, наливайте без стеснения. Вы на нас с Леночкой не смотрите. Мы выпьем, сколько сможем, а вы — сколько захотите. Давайте все по-простому. Не обижайтесь, если что не так. Вот бутерброды с рыбой. Вот колбаска, а, если хотите, грибочки — проверенные. Сама мариновала. Такие хорошие в этом году получились. Мои дети ели, хвалили. Ну что? Давайте.

Татьяна Семеновна с удовольствием подняла рюмку. То же синхронно сделала Леночка. Женщины смотрели на меня, и я догадался произнести короткий тост за хлебосольную хозяйку стола и по совместительству юбиляршу. Мы душевно двинулись стакашками и осушили их без затей. После закуски с взаимными подкладываниями друг другу салатов,

не снижая темпа, повторили. У женщин зарозовели щеки. Атмосфера в кабинете стала совсем домашней, непринужденной, располагающей к общению. Разговор перелетал с одного на другое, не задерживаясь на чем-то подолгу, и как бы вполне естественно вернулся в прежнее русло, поскольку тема осталась неисчерпанной.

Взглянув на часики, виновница застолья картинно взмахнула рукой и вернула разговор в прежнюю колею:

— Вы знаете, теперь по прошествии времени я все больше думаю, что покойный мой супруг предчувствовал свою гибель и готовил меня. В последнее время он часто говорил: «Вот меня не будет, а ты сделай вот это и вот так-то». Его советы помогают мне очень часто. Я как бы беседую с ним. Вы не поверите, но происходят поразительные вещи. Я иногда думаю, не глючит ли меня? Как-то этим летом я набрала целую кастрюлю клубники. У нас она такая крупная и урожайная, просто прелесть. Она у нас особого сорта и такая вся сладкая, просто исключительная на вкус. И вот захожу я с этой клубникой в дом, а он сидит за столом у окна с голым торсом. Сидит так по-простому там, где он обычно любил сидеть. И он так как-то весело посмотрел на меня и говорит: «Тань, дай клубнички-то!» А я ему говорю, как обычно: «Ух, ты, хитрый какой. Сходи сам да набери. Чего не сходишь-то?» А потом сама и думаю: «Стоп. С кем это я разговариваю? Его же нет». Понимаете, до чего дело доходит?

Татьяна Семеновна переставила с сейфа на стол тарелочку с резаными кольцами апельсинами и в нарочитом возмущении подняла бровь:

— Ешьте, ешьте. Что ж вы ничего не едите! Петр Петрович, вы с нами не равняйтесь. Мужчины должны помногу есть. Вон и мой тоже любил и поесть, и выпить. Я всегда была готова принять любую компанию. Он любил шумные компании. Ну, вы об этом знаете.

Татьяна Семеновна пристально посмотрела на Леночку и рассеянно, будто с трудом вспоминая, вновь заговорила:

— Один раз он опять появился. Такой бодрый, похудевший, молодежавый, и говорит мне. Он всегда так с юморком, весело ко мне обращался: «Слушай, мать. А что это ты в последнее время унылая ходишь? Что это ты руки опускаешь? На тебя это не похоже. Ты всегда для меня примером была. Всегда меня приободряла и встряхивала. Ты смотри у меня. Держи хвост пистолетом. Не раскисай». Можете себе представить? Все наяву. Все, как всегда. Знаете, я никогда не боялась его. Никогда. Мне всегда хочется, чтобы он подошел ко мне, обнял бы, проявил заботу... Один раз приснилось мне, будто забежал он с какого-то совещания, что ли, и говорит: «Давай я помогу тебе прибраться в комнате. Давай-давай, а то я спешу и мало времени. Взял веник, подмел быстренько, помыл всю посуду, протер, расставил на места все и так посмотрел любовно и жалостно. Он как бы жалеет и извиняется за что-то все время. Просто вот не поверите, душа переворачивалась во мне. Какой все-таки удивительный был человек.

Татьяна Семеновна остановила себя, поднялась с места:

— Знаете что? Мы их, наверное, сегодня не дождемся. Пусть как хотят, а мы давайте-ка еще по одной выпьем. Что так сидеть-то? Вы закусывайте, закусывайте, Петр Петрович. Леночка, ты что-то и совсем ничего не ешь? Одни огурцы. Что в них толку-то? Ты ж не постишься? Нет? Ну, что поделаешь, если день ангела у меня всегда на Великий пост? Думаю, Бог мне простит. А не отмечать, не угощать друзей я тоже не могу.

Как-то не по-людски. Ешьте, ешьте. Все доброкачественное, аппетитное. Без особых разносолов. По-доброму и от души.

Мы с Леночкой наперебой поспешили заверить Татьяну Семеновну в том, что все удалось на славу и что ее умение угощать выше всяких похвал. Я обновил содержимое непорожних стаканчиков, а себе, несмотря на протесты дам, налил лишь половину.

— Ну, давайте теперь выпьем за светлую память моего дорогого супруга, — сама предложила веселая вдова. Мы живо поддержали, не чокаясь. Молча и неспешно, опрокинули содержимое рюмок.

Закусив копченой курятинкой, я захотел теперь не только из вежливости, но и искреннего любопытства ради продолжить прерванный разговор:

— А вот интересно, Татьяна Семеновна, проявлял ли покойный когда-нибудь недовольство вами или, может, укорял когда в чем? И как вы сами расцениваете ваше с ним такое... м-м... удивительное общение?

Татьяна Семеновна еще более оживилась. Она, видно, обрадовалась моему вопросу, подалась вперед, придавив лежавшие на столе руки своей пышной грудью. Понизив голос и попеременно переводя взгляд с меня на Леночку, она отвечала:

— Нет-нет. Никогда ни тени укора. Никогда и намека на недовольство мною. Вы знаете, пусть не за столом будет сказано, но я вам даже открою...

Татьяна Семеновна умолкла, глядя в стол. Она как бы совершала невидимое насилие над собой, не веря, что ей следует быть до конца откровенной.

— Даже не знаю, стоит ли говорить об этом? Вы не поверите мне, но как-то он явился ко мне, и взгляд его был ну совсем, совсем особенный и просящий такой. Он попросил меня: «Можно я лягу с тобой в постель?»

Считав с моего лица недоумение и неверие, Татьяна Семеновна нервно поправила цепочку на румяной груди и, опустив ресницы, произнесла:

— Ну... Можете понять мое состояние? Он — не живой — попросил у меня... ну, вы понимаете... близости. Я говорю ему: «Как же я смогу? Ты ведь...» А у самой все заглодело внутри. Как же так можно? Но он настаивал. Он любил только меня одну. Я это точно знаю. Он один только умел убедить меня: «Я соскучился по тебе. Я так давно с тобою не был. Ты не можешь мне отказать». И... понимаете? Как вам это сказать? Вы не поверите, но у нас с ним это произошло, как наяву... все получилось... как было... как раньше. Понимаете, о чем я? Это вообще... Это что-то за рамками блаженства.

Татьяна Семеновна подняла полные мечтаний глаза. Было достоверное ощущение, что она унеслась в своих грезах в запредельные неги.

До меня не сразу дошел смысл только что услышанного, а когда я уловил и осознал его и интуитивно глянул на Леночку, то обнаружил ее застывшей, замершей, совершенно потрясенной. В ее глазах промелькнули испуг, зависть и что-то еще, какая-то смесь неверия, отращения и брезгливости одновременно. От внутреннего напряжения она в секунду покраснела. На ее шее вспухла и некрасиво проявилась вена. Она еле дышала и сидела с опущенными плечами, не поднимая ресниц, боясь шелохнуться. Какая-то потрясающая работа происходила в ее душе. Я мысленно поразился этой реакции Леночки даже больше, чем рассказу Татьяны Семеновны: «Неужели так по-детски впечатлительна?» Жалость

к Леночке породила досаду на Татьяну Семеновну: «Для чего она все это нагородила? Неужели вся эта жуть может быть правдивой?» Наверняка и у меня в этот момент был вид разочарованного и обманутого человека, потому что юбилярша с еще большим нажимом, словно развивая успех произведенного эффекта, добавила:

— Да, я понимаю, в такое нельзя поверить и трудно все представить, но у нас еще раз было это уже после, — менее уверенно, но уже без эмоций, совершенно овладев собой, закрепляла произведенный эффект рассказчица. — Я просто улетала.

Последние слова прозвучали почти совершенно театрально и разрушили непринужденный интерес общения. Находчивый в других ситуациях, я не находил ни слов, ни иного способа хотя бы как-то завершить разговор, не выказав при этом своего полного разочарования. Этикет и элементарная вежливость требовали разрядки, и быстрее всех за нее взялась Татьяна Семеновна. Она встала, поправила роскошные розы в хрустальной вазе, и прежним тоном радушной хозяйки стола попросила:

— Наливайте, Петр Петрович. Давайте выпьем за меня и за вас, ребята. Чтобы у вас все было хорошо. Хватит нам бед и несчастий. Хватит. Жизнь коротка. Налейте по полной, и давайте все выпьем за сказанное по полной.

Я повиновался молча. Никто не возразил против ударной дозы. Сомкнули и осушили стаканчики мы с Леночкой, однако без прежнего энтузиазма. Но Татьяна Семеновна сделала это с афишированным удовольствием. Казалось, что она вот-вот причмокнет и попросит налить ей еще, вдогонку. Но она закусила грибочками и нарочито весело и громко предложила:

— Петр Петрович! Попробуйте-ка грибочков! Ну, что же вы? Не бойтесь — не отравлю. На себе проверяла. Ешьте, ешьте. Я люблю, когда мужчины много едят.

Отвлеченный призывами именинницы, я тем не менее заметил, что Леночка ожидает паузы в разговоре. Она тихонько поднялась за столом и, чуть повернув голову в сторону Татьяны Семеновны, но глядя перед собой в салат, еле слышно произнесла:

— Я, пожалуй, пойду... Дела. Спасибо за угощение, Татьяна Семеновна. — И, чуть повернувшись ко мне, Леночка так же негромко обронила:

— Спасибо вам... за приятную компанию...

Последняя фраза Леночки была грубо, но кстати прервана. Распахнулась дверь, и в комнату ворвались долгожданные гости с букетом роскошных гвоздик, шумными поздравлениями и смачными поцелуями. Юбилярша в тон им благодарила и извинялась за то, что застолье началось до их появления. Опоздавшие шуршали обертками, потирали руки и возбужденно галдели:

— Ничего-ничего. Что вы? Что ты? Какие проблемы? Работа есть работа.

— Мы не надолго — не волнуйся. Чисто символически, и уйдем.

Когда все расселись и вновь были подняты стаканы, я не обнаружил рядом Леночки. Она растворилась, словно и не приходила. Меня уже забирал хмель. Я стал прощаться со всеми, несмотря на бурные протесты с просьбами остаться. Компромиссом послужил лишний стаканчик, после которого мне было позволено выйти.

На улице закурив, я вдруг вспомнил давний-давний, порядком забытый слухок о том, что у покойного мужа Татьяны Семеновны был, кажется, скандальный романчик именно с Леночкой. Из-за него она вроде бы собиралась уйти с работы или даже переехать куда-то или что-то в этом роде. Как ни старался, но ничего больше извлечь из тайников своей памяти я уже не смог.

Вкус у покойного, конечно, был. Леночка была замечательна и фигурой, и внешностью, и мягким характером. Все было при ней и, наверняка, жизнь ее сложилась бы достойнее и благополучнее, но она пережила страстную любовь еще в школьные годы, рано забеременела, родила сына, а его отец по каким-то причинам не захотел обременять себя семейными заботами. Больше Леночка замуж не выходила, хотя многие с вожделением поглядывали в ее сторону. Начать все сначала почти невозможно в маленьком городке, где все потенциальные женихи знают истории всех потенциальных жен.

Я докуривал и не переставал удивляться: «Неужели весь застольный рассказ — сплошной вымысел? Неужели Татьяна Семеновна, почти заставив меня поверить в реальность мистического общения с умершим супругом, просто использовала мою вежливую доверчивость, а весь смысл ее импровизации был направлен совсем на другого человека? Неужели это стало способом отмщения за свою когда-то поруганную честь и прежде испытанное унижение? Разве все происходившее было театром одного актера? Тогда как безусловно, психологически выверено, как талантливо сыграно. Или вдова и сама уже давно верит в реальность нереального? Может быть, продолжение их отношений с умершим — способ ее теперешнего бытия?».

Кто ж их поймет, этих женщин?

ПО-ЛЮДСКИ

Первые два дня работы Александра Сергеевича Кутейникова на новом поприще прошли в бестолковой суете.

Его знакомили с уже знакомыми ему людьми, совали под нос какие-то пыльные папки с завязочками и без, настойчиво втолковывали про особенности, которые будут подстерегать его на каждом шагу. Женщины попутно стремились понравиться и одновременно продемонстрировать свою недоступность, будто Кутейников собирался ее сразу же нарушить. Секретарша с таинственным выражением лица принесла какие-то дурацкие анкеты, где надо было подчеркнуть пол, указать родственников, бывал ли за границей и владеешь ли иностранными языками.

Потом было время освоения рабочего стола — особенно значимого мероприятия, когда по очереди выдвигаются его ящички и ты по своему усмотрению что-то оставляешь, а в основном сваливаешь в урну полупустые стерженьки для ручек, грязные расчесочки, сломанные карандашники, кусочки печенья, исписанные записные книжечки, болтики, гнутые гвоздики, шурупчики и таблетки разных цветов. Этим ты, безусловно, демонстрируешь, что с твоим приходом все теперь будет по-другому, по-новому, современно, необычно и оригинально. Но вот и этот эпизодик заканчивается, и по нарастающей следуют звонки от друзей, нужных людей, коллег и соратников, приятелей и не очень, и тех, про кого ты забыл, казалось бы, прочно и навсегда. Все спешат разделить

радость, ободрить, пожелать, выразить уверенность в дальнейшем сотрудничестве, наконец, зафиксировать свое почтение и личную преданность.

От всего этого Кутейников два дня ходил возбужденным и слегка ошеломленным, неестественно причесанным и чрезмерно галантным, будто его позвали на должность искусствоведа или доктора самых что ни на есть изящных наук. После бурных и щедрых авансов в свой адрес Александр Сергеевич уже опасно начинал подумывать, а сможет ли он оправдать оказанное ему доверие и впишется ли в коллектив с давно перекишшими устоями и традициями.

И вот с утра третьего дня на посту заместителя Кутейников был приглашен к непосредственной начальнице и долго ожидал, когда она доведет себя до бешенства обсуждением какой-то ерунды. Наконец, она в сердцах шваркнула трубкой по телефону и, трясая головой, резюмировала:

— Де-билы! Ну, вот как так работать, Александр Сергеевич? Скажи, а? Я ему об одном, а он мне условия свои ставить... Ну не наглец! А? То ему не так, другое не эдак... Распустились, твою мать... прости господи. Зла не хватает. Позагадили весь город и радуются.

Пыл начальницы резко шел на убыль. Гневные морщины, те, что были не отпечатком пережитого, а приобретением руководящих лет, постепенно сглаживались.

Наконец, она считала с лица Кутейникова простой вопрос: «Зачем звала?» Лицо начальницы вновь обрело озабоченный вид:

— Ну, как? Осваиваетесь, Александр Сергеевич? Ничего-ничего. Постепенно войдешь в курс дела. Тут вот с утра одна забота привалила. Бомж один тут похарчился... третьи сутки вроде в морге лежит, а хоронить некому. Эти бомжи у меня уже в печенках сидят. Сил моих больше нету. И мрут, и мрут без конца. Вот теперь хоронить. А на что хоронить, черт его знает. Он, этот покойный, из Панино родом. Там у него и мать, и сестра живые. Звонили, звонили, пять дней разыскивали. Всех на ноги подняли, пока нашли родню. А что толку? Матери за семьдесят. Она уже и забыла думать про беспутного сына, а сестра заявила: «Как хотите, так и хороните — мне он не нужен». В общем, Сергеич, займись-ка ты всеми этими похоронами — гробом, крестом и прочим. Возьми похоронную тысячу в ЗАГСе. Ее, конечно, на все не хватит. Только за одно вскрытие пятьсот сдерут. Обалдеть можно. Чего их вскрывать? И так любому ежу понятно, отчего богу душу отдал. Шлабунялся по подвалам, пил без ума все подряд, нигде не работал, ни кола, ни двора — вот и отдал концы. Ну, ладно. Поэкономней там, по минимуму. Сколько не хватит — порешаешь с бухгалтером. Занимайся.

Полученное задание, конечно, не обрадовало Кутейникова, но и как-то не сильно расстроило. В конце концов, надо же было с чего-то начинать счет полезных дел.

Перво-наперво Кутейников позвонил в морг и после приветствия сразу же выслушал длинную и гневную тираду о том, что бомж лежит уже больше недели, что холодильник работает отвратительно, что он уже «вовсю воняет» и никому нет дела, что патологоанатом работает в невыносимых условиях и что надо сразу везти шестьсот рублей. Александр Сергеевич, как мог, успокоил несчастную женщину на другом конце телефона, посочувствовал адским условиям такого необходимого буквально всем

труда и договорился за пятьсот пятьдесят забрать бедолагу из морга уже после обеда.

После обеда, однако, забрать покойного никак не получилось. Много времени ушло на оформление тысячи рублей в ЗАГСе, на заказ гроба и креста в лесхозе, покупку обивочной ткани и прочие дела. Александр Сергеевич потратил и свои четыреста рублей, сжег полбака бензина на своем «жигуленке», пока увязал необходимые вопросы. Вся похоронная смета трещала по швам. Знакомые предлагали Кутейникову для удешевления скорбной процедуры купить полиэтиленовый мешок для мусорных отходов и в нем закопать бомжа — какая ему разница, в чем лежать. Но Кутейников твердо и сразу решил, что своего «первого» он похоронит по человечески и, как положено, в гробу.

На другой день оставалось встретиться с могильщиками, договориться с моргом, отвезти труп на кладбище и предать его земле. В половине восьмого на ступеньках администрации Кутейникова поджидали двое мужчин. Несмотря на начинающуюся жару один из них был в пиджаке, а другой — в толстом свитере. Это были местные колдыри, бродяги-алкоголики, давно немытые, небритые и нечесаные, с синюшными лицами и носами макак. Несмотря на очевидные следы деградации, колдыри вели себя вполне корректно, выказывая даже некие претензии на этикет:

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. Поздравляем вас с новым назначением... гы-гы... Вот услышали, что вам помощь нужна, и решили прийти. Как не помочь? Свой человек-то. Такое дело. У нас и лошадка имеется. Так что, если что, и отвезем, и похороним, не волнуйтесь. Заделаем все в лучшем виде...

Кутейников хорошо знал, с кем собирается сотрудничать, и потому честно и безо всякой дипломатии объявил, что у него на все про все только триста рублей. Похоронщики посмотрели друг на друга, помолчали, очевидно, подсчитывая, сколько самогона можно купить на три сотенных, и без лишней радости согласились.

К обеду могила была выкопана там, где указали. Требовалось сопроводить покойного в последний земной путь. После сытных домашних разносолов Кутейников решил ехать к моргу, волнуясь, как бы не подвели малонадежные компаньоны.

У небольшого, печально известного одноэтажного здания Кутейников увидел повозку и четверых мужиков. Большинство из них были ему знакомы. Александр Сергеевич подозвал старшего похоронной команды и попросил переложить покойного в гроб. Он просил сделать это в его отсутствие, так как очень не любил всех этих скорбных церемоний. В душе он даже побаивался покойников. Старшего опередил колдырь в теплом, ядовито-зеленого цвета свитере:

— Сергеевич, даже не сомневайся. Похороним честь по чести, как нельзя лучше. Токо вот рублей пьются ребятам бы на пивко — здоровьице поправить.

— А остальное — это потом, как все, значить, завершим, — добавил старшой.

Кутейников достал деньги, еще раз смиренно попросил не подвести, и отбыл на работу. Из его кабинета хорошо просматривалась дорога, по которой ожидалось следование траурной телеги. Было очень удобно: можно говорить по телефону и одновременно видеть дорогу. Прошло минут сорок. Ни телеги, ни лошади, ни покойного. Закралось подозрение, что

компаньоны обманули-таки, что теперь где-нибудь лежат у морга пьяные и довольные.

Кутейников решил ехать навстречу. На прежнем месте стояла все та же телега. Белая лошадь с грязными боками, отгоняя наглых мух, мотала головой и хвостом и била задними ногами, силясь прогнать с отвислого пуза надоедливых паразитов. Иногда она при этом цепляла кривые оглобли, и телега тряслась и попиналась назад.

Раздраженный Кутейников шел к моргу, оставив машину поодаль на дороге. Когда до лошадиной морды оставалось не более пяти метров, слабый ветерок донес тяжелый запах.

«Хоть бы лошадь от дерьма отскребли», — подумалось ему. Но тут же он сообразил, что вонь исходит не от лошади, а от гроба, который он только теперь увидел в повозке. Развитое воображение и фантазия впечатлительного человека мгновенно вызвали приступ тошноты. Кутейников успел пробежать десяток метров до кустов ирги.

Его отчаянно рвало и трясло. От натуги он побагровел и покрылся потом, глаза наполнились слезами и порозовели.

— Что такое, Александр Сергеевич? Во что проклятая жара с людьми делает. Не каждый ее выдержит, — сочувственно произнес старший могильщик.

— Мы, эта, тут проколупались что-то. Пока одели его, пока переложили. То, се. А из него все текет. Мрак, короче. Ну и, сам понимаешь, ребятам, чтоб запах отбить, пришлось налить. Но больше, Сергеевич, ни грамма. Пока не погребем в лучшем виде. Ты за это даже не сомневайся, — успокаивал старший могильщик. — Только вот что, Сергеевич, дай рублей пятьсот ребятам на пиво. Сам видишь, вонь какая стоит.

Кутейников обреченно достал деньги и, жалостливо глядя в глаза колдырю, попросил кроме пива ничего не покупать. Получив самые искренние заверения в том, что «ребята не подведут», Кутейников поехал домой, хорошенько вымылся в летнем душе и продезодорантился. Ему все чудился тлетворный запах.

На работе он первым делом поинтересовался у коллег, не видал ли кто лошади с гробом. Все дружно отрицали. Еле сдерживая себя от злой досады, Кутейников вновь сел за руль и выехал предполагаемым маршрутом. В центре города, у дорожного кольца, он увидел отъезжающих от киоска компаньонов. Двое из них сидели на гробе, а двое сбоку. В руках у каждого было по бутылке пива. Редкие прохожие озабоченно оглядывались по сторонам, зажимали носы и торопились перейти улицу. Похоронщики же вполне мирно беседовали между собой о жаре и тяжелой жизни.

«Ну, слава Богу, едут, — облегченно вздохнул Кутейников. — Авось теперь за город отъедут и до кладбища потихоньку доберутся. Хоть бы побыстрее. Вонь на весь город, а им хоть бы что — проспиртовались».

На рабочем месте долго сидеть не пришлось. Зашел один из сослуживцев, посмотрел вместе с Кутейниковым в окно на проезжавшую лошадь и равнодушно, но категорично изрек:

— Я этих знаю. Эти могут и не довезти. Свалят в кювет где-нибудь в кустах — и до свидания. Им-то что? Вы что, полностью с ними рассчитались, Александр Сергеевич?

Сконфуженный зам озабоченно хлопнул по карману. Его и самого тревожила мысль: «А вдруг...»

— Еще двести рублей за мной. Не должны вроде обмануть. Я их тоже немного знаю. Так, конечно, забулдыги, но в принципе безвредные. Просто спились, растеряли семьи и работу, а так вроде нормальные. Один сварным был на мехзаводе, другой в котельной на все прорывы безотказный. А там, черт его знает.

Служивец продолжал равнодушно и спокойно рассуждать:

— Вот и я говорю, кто их знает, что у них на уме? Возьмут вон с моста в речку бросят. Будете думать, что закопали, а гроб плавать будет. Сейчас никому верить нельзя — надуют токо так.

Служивец ушел. Кутейников звонил по телефону, переключив листочки календаря, курил, а беспокойная мысль все глодала и глодала: «А черт его знает... Верить нельзя...»

Спустя час Кутейников вновь двинулся похоронным путем. Лошади с мужиками нигде не было видно. Он даже опустил стекло, снизил скорость и старался уловить запах. Но на всем пути его нос унюхивал лишь резкий запах свиного навоза да всепроникающую гарь асфальтового завода. Только у ворот кладбища он узрел знакомую коняку. Поводья были брошены, и лошадь, неразнузданная, щипала редкую травку, двигая за собой телегу. Завидя Кутейникова, она помотала головой, равнодушно отвернулась и вновь принялась щипать траву. Кутейников прошел к окраине крестов. Увиденное поразило его. Могила была засыпана, крест с табличкой стоял абсолютно ровно, а сам холмик был оформлен идеально правильным прямоугольником со скошенными боками, аккуратно и со вкусом обложенными ровными пластами дерна. Травинка к травинке. У подножия креста лежал пучок цветущей сурепки.

Кутейникову приходилось видеть могилы и ухоженной, и намного богаче, но эта просто поражала своей классической простотой. Чиновник готов был прослезиться. Ему стало стыдно за низкие подозрения и недавнюю злость на могильщиков. Навстречу ему с травы поднялся старшой:

— Ну вот, Сергеевич. Вот и все. Пусть, как говорится, земля ему будет пухом. Пусть теперь он лежит, а мы свое дело сделали.

Александр Сергеевич почти торжественно протянул сотенные, растроганно постучал по плечу старшого:

— На, возьми. Честно заработали. Не подвели. Вон как могилку обиходили. Молодцы мужики.

В ответ старшой степенно согласился:

— Да что там? Нам авось нетрудно. Авось не будет покойный, гы-гы, на нас в обиде. Авось, когда и мы подохнем, кто-нибудь и нас зароет. Пусть не обижается — все по-людски. Надо будет — обращайся, Сергеевич. — И подумав, добавил. — Местов-то вон еще скоко...

Кутейников вышел с кладбища, сел в машину, с удовольствием закурил. Им завладело настроение глубокой удовлетворенности. Все волнения улеглись. Дело было сделано. Его не обманули, а, главное, все было исполнено по-христиански, по-людски.

ТОРЖЕСТВО ДЕМОКРАТИИ

На сессию депутатов Энского района позвали не только народных избранников, но и глав сельских администраций. В зале присутствовали молодой прокурор района, начальник милиции, руководители службы занятости, почты, связи, по газу, по транспорту, начальники отделов и руководители из сел, почти весь руководящий бомонд районного масштаба.

Первые шесть вопросов повестки были рассмотрены в неприлично быстром темпе. Депутаты без умственных усилий единодушно голосовали, едва дослушав предлагавшиеся проекты.

Некоторые из них, отвлекаясь на реплику соседа, даже не успевали уловить формулировку проекта и вовремя поднять руку.

Постороннему человеку наверняка показалось бы, что аудиторией безраздельно владеют равнодушие, полное согласие и состояние блаженной расслабленности.

Но вот подошел черед гвоздя программы — утверждение бюджета района на год, и все разом подобралось и приняло вид нешуточной озабоченности. Прекратились перешептывания, перемигивания и легкомысленные ерзанья в креслах. К трибуне выплыла начальница консолидированных районных финансов. Сквозь косметику на ее лице проступал нервный румянец. Она поминутно снимала и надевала тонкие очки, встряхивала крашеной головкой и кокетливо опускала ресницы, малость робея перед многоликой аудиторией. Антонина Павловна волновалась не только тем видом волнения, каким волновался бы каждый из нас, выступая перед публикой, среди коей всегда есть ждущие наших оплошностей. Она волновалась совершенно другим видом волнения и по другой причине. И она, эта причина, вовсе не была из числа тех, которые так значимы для женщин и которые, как правило, совсем бывают не замечены мужчинами. Нет-нет. Выглядела она безупречно и даже привлекательно. Дела мужа и ее детей тоже обстояли на редкость благополучно. Ремонт в ее доме состоялся такой, как она того желала, и даже неожиданно лучше; на зависть соседкам и разведенным подругам тылы Антонины Павловны были прочны и надежны. По крайней мере, она сама так полагала.

Волновалась же она по причине, которая была прекрасно известна малой части из числа присутствовавших в зале. Другой части, пожалуй, несколько большей, эта причина была не вполне ясной. Были здесь и такие, которые безнадежно блудили в лабиринтах мудреного бюджетного процесса или вовсе не хотели входить в него, отягощая без толку мозги инородной информацией. Взять того же депутата Котова. Этот опоздал к началу заседания, проекта бюджета на руках не имел, был под заметным градусом, а потому привычно возбужден. Котову было без разницы, утверждать или отвергать, одобрять или гнать взапой: главное — бурлить, выступать, негодовать и рождать, по его разумению, свежие идеи и нестандартные мысли...

Волнение в финансистке присутствовало от другого. В своем выступлении ей предстояло выгодно подать ту цифру, что въявь и выпукло продемонстрировала заботу о благе народа и одновременно его отцов-командиров, а это означало — растворить, затушевать, припудрить суммы, которые намечались под сомнительные, с точки зрения общественной пользы, проекты.

Неискушенному взгляду миссия могла показаться невыполнимой. Благо народа, как правило, несовместимо у нас с благом его руководителей. А надо было еще утвердить поднятием рук депутатов некие интересы конкретных лиц. И это при дистрофически убогом бюджете района, когда он на восемь десятых дотирован из областной казны.

Обстановка подогревалась и тем, что содокладчицей объявили председателя депутатской комиссии Марию Михайловну Нагловатову. В районе ее знали и оценивали как жену колхозного председателя,

как женщину своенравную, властную, эмоциональную. Нагловатова по привычке всех в своем колхозе считала обязанными ей и мужу за счастье находиться под их семейным патронажем. Однако подданные, в силу их непреодолимой испорченности и недалекости, не то чтобы не ценили монаршую опеку, но в преобладающей части сильно недолюбливали чету Нагловатовых, ну и время от времени пакостили им. А что еще может позволить себе русский мужик? Со времен крепостного права, не имея сил открыто протестовать против ненавистных бар, лихоимцы совершали тайные потравы помещичьих угодий, поджоги их ометов и овинов. В наши дни традиции скрытного протеста все еще живучи. Новые, не крепостные времена расширили арсенал протестных действий. Теперь иной ратай, особенно в подпитии, излагает своему хозяину так внятно, что тот, несмотря на исключительное знание ругательств, зачастую остается при своих, а иногда и робеет, видя возбужденность вчерашнего по трезвости робкого и исполнительного работника.

Но что толку сотрясать воздух? Кого сегодня убедят даже самые эмоциональные речи? Конкретное яркое действие всегда сильнее десятка диспутов. Очевидно, поэтому в хозяйстве Нагловатовых сыскались изобретательные и дерзкие «протестанты». Однажды ночью они натаскали с десяток ведер дерьма в рабочий кабинет своего управителя. Утром его и конторскую челядь ожидал неслыханный сюрприз. Вони хватило на все правление, а веселых пересудов на неделю и на весь район. «Юмористов» искала милиция, но как-то слишком быстро не нашла даже по горячим, дурно пахнущим следам. Следствие параллельно вел и сам Нагловатов. Он практически сразу же вычислил виновных и по неопровержимым признакам пришел к школьному туалету. По его приказу туалет в качестве соучастника преступления был тут же разрушен, и за ночь колхозники растащили по своим подворьям кирпичи. Таким образом, единственными наказанными оказались дети и учителя, которым долгое время приходилось испытывать неестественные трудности по поводу естественных потребностей.

Нагловатова при Нагловатове исполняла роль не только супруги. Это при ее необыкновенно деятельном характере и жажде движения к семейному благополучию и достатку представлялось слишком недостаточным. Она была в курсе всех колхозных дел, обо всем имела свое собственное понятие и спешила действовать исключительно в его русле. Обыкновенно вечером или ночью она не только рождала инновационные идеи, но и могла успешно внедрить их в не шибко гибкий ум супруга. Наутро он становился ярким защитником и непреклонным исполнителем полетов женой мысли. Став депутаткой, Нагловатова пыталась отработанную схему управления колхозниками распространить на весь район.

Обеда аудиторию рукой и глядя поверх голов, она вещала:

— Уважаемые коллеги. Я очень много думала над каждой статьей, тщательно взвешивая все «за» и «против». Каждый из нас принес в этот зал боль и слезы своего населения, своих людей, но мы должны понять, что надо сосредоточиться на самом главном. Вчера у меня состоялся телефонный разговор, товарищи, с Прямоудобовым. Ну, что сказать, коллеги? Будем и мы когда-то в его положении. Как хотите, но я обещала ему помочь и уверена, что вы поддержите меня в этом стремлении. Решать судьбу района нам, и нам определять его будущее...

И вот сессия в самом разгаре дебатов о статьях, расходах и доходах. Разгоряченные депутаты, перебивая друг друга с непрерывными извинениями, кричат:

— Давайте этим дадим! А тем нельзя не дать! Как же так? Как же этим и не дать?

— Предлагаю увеличить расходы, иначе, что же это такое? Как же мы можем быть равнодушными и не увеличивать?

— Надо подумать и изыскать скрытые возможности. Надо обязательно изыскать. Возможности, вне всякого сомнения, есть. Надо их просто найти. Надо всем соорганизоваться и подумать. Надо всем этим, наконец, заняться.

Робкие попытки финансистки выяснить, откуда взять и где изыскать, когда денег явно не хватает и на первоначальный тощий вариант, утонули в перекрестных жарких речах о нуждах района и судьбах людских. Движение от статьи к статье дало сбой, замедлилось и остановилось совсем. Выступления с мест нарастали, все чаще слышалось эмоциональное повизгивание посреди общего рабочего шума. Демократия была налицо и явно торжествовала. Лишь выступление депутата Бровина, привыкшего говорить, когда молчит его школа, на время заставило публику прислушаться и слегка перевести дух.

Однако после депутаты возобновили бои, вновь настойчиво предлагая дать, увеличить, добавить и изыскать. Все неплохо понимали, что реально это можно сделать за счет урезания других нужд и потребностей. Но за чужой счет всегда некрасиво, болезненно и неблагоприятно. Знали депутаты и о другом источнике. Как не знать, когда они народ опытный и практичный — от станка и от плуга. Пополнить бюджет района всегда можно за счет сбора многомиллионных недоимок с предприятий и хозяйств. Но для этого надо с кем-то нешутейно воевать, портить кровь, нервы и отношения, а район маленький, куда ни повернись, везде либо свои люди, либо родственники, либо те, с кем враждовать не приведет Господь и себе же дороже.

Демократичная атмосфера явно усугублялась. Многие депутаты важно морщили лбы, терли переносицы и иными способами стремились заявить о себе, а также преподнести всем свой вес и значимость, споря с районной властью, мол, знай наших. Но не однажды замечено: дело принимает особый оборот, когда разговор переходит на личности и бывают озвучены фамилии. Тут уж округлые словеса уступают место определениям, формулировкам и эмоциям с резкими жестами и истеричными выкриками. А поскольку не в наших традициях слушать мнения других и отвечать за сказанное, то довольно скоро наступает кульминация с непрерывным вопросом: «Подерутся или нет?»

Депутат Хитросплетов — тучный, здоровенный дядька в круглом со складками джемпере коричневого цвета и таким же лицом — выждал своего момента, поднялся с первого ряда и, повернувшись к залу передом, а к президиуму всем остальным, требовательно спросил:

— Поясните, значит, мне и многим собравшимся, что означает выделение средств на доплату к пенсиям бывшим муниципальным служащим? Что это значит? Значит это, что одним дадим, а другим, которые по двадцать пять лет оттрубили руководителями в сельском хозяйстве, нет. Недостойны, значит. Значит, пусть живут они там, как хотят? Пусть сами там барахтаются. Они все отдали производству. Все. И пусть теперь у них заваливается изба и обваливается потолок. Пусть

живут в нищете. Так, что ли? А кто это те, кому мы тут собираемся бросать кусы из дырявой районной казны? Кто? Вы посмотрите, как у нас живет народ. Кто о нем-то у нас позаботится? Нищета одна кругом. Давайте как-то решать по-справедливому. Нас народ на то избрал и оказал доверие.

Дальнейшая речь депутата Хитросплетова была призвана окончательно убедить коллег в том, что самые нищие в районе — это бывшие председатели колхозов, у которых сплошь заваливаются избы, рушатся потолки и, страшное дело, постоянно падают подгнившие заборы.

Список тех, кого депутаты обязаны были осчастливить прибавками к пенсии, состоял из трех человек, и сумма трат на них была невелика. Но депутата Хитросплетова бесила не сумма, а только фамилия бывшего главы района Пряמודубова. С этим Пряמודубовым у Хитросплетова сложились давние и сложные отношения. В свое время население хозяйства, где около тридцати лет председательствовал Хитросплетов, активно поддержало Пряמודубова на выборах. Между ними установились внешне неплохие отношения при взаимной глубоко скрытой внутренней неприязни. Пряמודубов не любил Хитросплетова за небеспочвенные подозрения в воровстве и подлогах, а Хитросплетов не любил Пряמודубова, боясь пострадать от его подозрений в воровстве и подлогах.

Нрава Пряמודубов был недемократично крутого. Руководителей снимал по одному в каждом месяце. И как-то так случайно совпадало, что потерявшие посты принадлежали к числу тех, кто призывал не голосовать за Пряמודубова. Не ценил и не жаловал всерайонно избранный глава свою паству. Многие стали смекать, что очередь может дойти и до них, сговорившись, возроптали и подняли бунт. А дальше пошло, поехало. В драке волос не жалеют. Не обошлось без запугиваний, угроз, низкопробного компромата. Но, виданное ли дело, свергать главу, когда за него отдали голоса «большинство лучших людей в районе», как любил он сам говаривать. Надо было занять либо сторону главы, либо смутьянов. Опыт Хитросплетова, прошедшего по всем ступеням руководящей лестницы с самых низов, все его нутряное чутье и интуиция подсказывали: настал момент перехватить инициативу. Выбор дался нелегко, но Хитросплетов решился выступить главным вдохновителем и подписантом обращения в поддержку законно избранного главы.

Но с каждым мудрецом хотя б однажды, а случается конфуз. Уже через пару дней ситуация получила непредвиденное развитие. Областная власть, тоже имевшая зуб на Хитросплетова, решила сыграть на депутатских настроениях. Из центра явился высокополномочный засланец на предмет беспроблемной отставки Пряמודубова. Оценив ситуацию, Хитросплетов тут же перетек в лагерь воинствующей оппозиции Пряמודубову и взялся бичевать последнего последними же словами. Главу принудили написать прошение об отставке в связи со слабым здоровьем, которому мог позавидовать каждый в районе. Оставшись не у дел, Пряמודубов частенько костерил Хитросплетова, а верные слуги доносили содержание его речей до ушей адресата.

На сессии Хитросплетов жаждал лягнуть беспомощного пенсионера Пряמודубова, а попутно и заявить претензии на блага для себя лично. Присутствовавшие знали того единственного в районе, кто более четверти века правил колхозом. Знать знали, но любить за это не хотели.

Жестикуюлируя и сверкая глазами, Хитросплетов негодовал:

— Что ж это такое у нас получается? Про него закон написан, и опять надо дать ему. А про нас, руководителей села, написать забыли. Некому, значит, написать. Пусть он хоть теперь, больной, поймет, каково оно простому народу, а то ведь он ни с кем не считался, никого не слушал, всех подряд ломал. А мы-то кому нужны? По нам только обещал издать закон губернатор Шабалкин. Обещал, обещал, и где он сам-то теперь, этот Шабалкин? Тоже ног под собой не чуял, а на выборах пролетел со свистом. Что ж он сам-то, святой? Или вы думаете, Шабалкин наворовал меньше меня, что ли?

Выступавший замешкался, анализируя свою последнюю фразу. Прокурор насторожился. Зал затих, но через мгновение взорвался всеобщим смехом, веселым гвалтом и репликами:

— Гляди, сам сознался. Явка с повинной? Го-го-го!

— Нет, не меньше, но и не намного больше. Хо-хо-хо!

— А мы знали и не сомневались.

Сессия ожила, вышла из тупика. Наступила разрядка, и депутаты утвердили бюджет в первоначальном варианте вполне демократично, с легким настроением и единогласно.

*Стихи
эртильских
поэтов*

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Ирина Нагомир

ПЕСНЯ

Лебедь белая, лебедушка-красавица
По серебряной волне плывет-качается.
На невесте платье белое венчальное.
Отчего глаза у девоньки печальные?

Песня жаворонка льется-разливается,
Медом сладким на ромашках солнце мается.
За немилого сосватал тебя батюшка,
Заливается слезами твоя матушка.

Вподнебесье сокол кружит — ворон прячется,
И жалейка пастуху о чем-то плачется.
На родимой на сторонке злая долюшка,
Побежали ножки босые по полюшку.

Спрячет реченька-река твои слезоньки,
Расплетет тебе волна русы косоньки.
В серебре плывет фата, как лебедушка,
Закатилось за тобой красно солнышко.

ОНИ

Я слушала, внимая виршам,
Что, мол, плохая молодежь,
Что, мол, собаки нынче злые,
Ни там, ни сям не обойдешь,
Что наш великий и могучий
Язык совсем сошел на мат,

Что тот беднее, этот круче,
И кто же в этом виноват?
В базарный день, среди толпы,
В платочке клетчатом, убогом
Мать просит нашей доброты,
А рядом сын сидит безногий.
И девушка с крутой «татушкой»,
С серьгой в ухе и пупке,
Одернула свою подружку,
Зажав полтинник в кулаке.
Они пошли. Так ходят в церковь,
Накинув на голову платок:
«Вот все, что есть, вот все, чем можем...» —
«Спасибо, да храни вас Бог».
Вот по дороге скользкой, зимней
Маршрутка мчится, дребезжа.
Ругались матом, пили пиво,
В маршрутке ехали друзья.
Перевернулись, в жутком крене
Взорвались стекла, крики, кровь.
Сгорают в огненной геенне
И ложь, и правда, и любовь!
И в рваных джинсах, пот шел градом,
Ругаясь матом — Славы песнь! —
Таскали раненых ребята —
Вот все, чем можем, все, что есть...
Они шагают по планете,
Смеясь и плача, и любя.
Они — мои и ваши дети,
Они нам небо и земля.

Вера Сусоева

БАЛЛАДА

«А давай с тобой от всех спрячемся,
Убежим вдвоем, только я и ты...
Там мультфильм у них уже начался,
Воспитатели точно заняты».
«Если ты пойдешь, то и я с тобой —
Без тебя мне здесь делать нечего...»
«Ну, тогда пошли, дверь плотней закрой,
Ведь вернемся мы только к вечеру...»
И пошли они вдаль больших аллей
Взявшись за руки, побрели вдвоем.
Рядом с ней он шел и мечтал о ней,
И ее мечты были все о нем.
Понесла их жизнь через призму дней,
Через тернии лет и соблазнов гнет,

Только крепче он прижимался к ней,
И всегда вдвоем шли они вперед.
Об коварство слов вдруг споткнулся он,
А соблазна топь потянула вспять,
И пошли вразнос чувства под уклон,
Их, казалось, вновь больше не собрать.
Сквозь стенанья фраз и обиды боль
Собрала она щепки вечного —
«Если ты пойдешь, то и я с тобой,
Без тебя мне здесь делать нечего...»
Встал он тут с колен и ее вознес
Над рутиной дрызг, прошептав: «Прости,
Ты сотри холсты из пролитых слез,
Я раскрашу их краской радости».
И пошли они, как и прежде вдаль,
Сквозь года пошли, через призму лет.
Их оставил гнев, отошла печаль,
И подвластен стал им весь белый свет...
На него она посмотрела вдруг
И зависла тень меж их взглядами:
«Ты прости меня, мой любимый друг,
Дальше мне одной идти надо бы...»
«Если ты пойдешь, то и я с тобой,
Без тебя мне здесь делать нечего...»
И душа его за ее душой
Как тогда пошла — только к вечному.

Алла Перелетова

ЕСЕНИНУ

Гой ты, Ветер, гуляка старый!
Не мети бородой снега!
Без того я безбожник ярый,
Без того в голове пурга!

Не трясги ты мои березы!
Их немного в моем краю...
Не сдувай ты святые слезы
С белорясиц в чужом раю!

Залихватски свистеть не надо!
Что с того, что ты полон сил?
Что с того, что ты мне в награду
Больше большего подарил?

Разудалые братцы-братья!
Белокурые ковыли!
Ту награду не знал, как взять я,
Да развеял в чужой пыли...

Научи меня только, Ветер,
Где сыскать мне, в какой стране
Белоствольных монашек этих,
Коль чернеет все пень на пне?

... И ударят в ребро морозы,
Ты завоешь предсмертный стих:
«*Был* ты там, где росли березы!
Не добратся тебе до них!»

Людмила Шестопалова

РУСЬ

Разлилась ранним утром роса,
Затопила луга и лощины.
Эх, взмахнет по траве той коса,
Косарей распрямляются спины.
Ой ты, матушка Русь, покажи
Все просторы свои и долины,
Об истоках своих расскажи
И о чем плачут в скверах рябины.
Я всплакну, погорю с тобой
О потерях твоих и разлуках.
Я пойму, только правду открой,
Не терзайся ты, милая, в муках.
Я всем сердцем влюбилась в тебя,
Ты единая в жизни дорога.
Моя матушка Русь, за тебя
Помолюсь в храме вечном у Бога!..

Галина Александровна Щекина родилась в городе Воронеже. Окончила Эртильскую среднюю школу №2, экономический факультет Воронежского государственного университета. Работала экономистом, библиотекарем, журналистом. С 1979 года — в Вологде. Редактировала местную газету, альманах. Публиковалась в журнале «Дружба народов», газетах «Литературная Россия», «Книжное обозрение» и др. изданиях. Автор многих книг прозы и поэзии. Председатель Вологодского отделения Союза российских писателей (1996—2000). Живет в Вологде.

Галина Щекина

ПРОДАЛА КАПИТОЛИНА КОРОВУ...

Рассказы

*Продала Капитолина корову —
Незадешево, почти что за тыщу...*

О. Фокина. «Сказ о телевизоре»

Добирались домой в надежде на хорошее. Все ж таки дом, огород, живности столько, ко всему надо руки заботливые приложить. После долгой хвори на улице казалось сладко и хмельно, охота было дышать и не думать. Идучи с автобуса, Капитолина с племянницей молчали.

Мужа Капитолины дома не оказалось, скотина ревела дурняком от голода. Ключ лежал на месте, но в доме было неприбрано и голо, вроде как в нежилом месте. Не знаешь, за что хвататься... Племянница кинулась в погреб, потом чугуны запаривать, глядь — а Капитолина, как ни в чем не бывало, села на кровать, гладко причесалась и говорит — обход скоро... Господи, спаси и помилуй. Племянница было в слезы, да что теперь сделаешь...

Капитолина всю жизнь прожила в глухом северном уезде. Работала она на почтовое ведомство — пудовую сумку на

плечо и ну версты мерять. Ходила она по метелям и солнцепеку, и потому была темная лицом и светлая глазами.

Дома она по вечерам еще со скотиной билась: корова, хрюшки, птицы на подворе. И огород изрядный. Но все это не было какими-то кандалами и шло само собой. Повезло, видать, и с мужем — добродушен был, на еду не капризный, на работу безотказный. Сын в него пошел нравом и ко всему был быстрый на руку и легкий на ногу. Не раз с сумкой почтовой бегал, пока мать болела.

Подошли годы сыну служить, забрали в армию. Дом их большой часто стоял теперь без огня, когда родители пропадали на работе. Раз приходит Капитолина в сумерки и видит — дверь настежь, все переколошкано... Ой, вору! Прибралась, очухалась, слезы вытерла, пересмотрела, что пропало. Одежда вроде вся на месте, только вот простыни, покрывала, занавески заграничные из комода. Обидно, дыра в хозяйстве. Решила подать заявление в милицию. Там взяли бумагу и все обещали сыскать; Капитолина, доверчивая, стала ждать.

Пока ждала, ее через пару месяцев снова обчистили, унесли переносной приемник и стиральную машину «Малютка». Муж пришел домой, а Капитолина не прибирается, не бегает, а сидит, подпершись — знай, строчит. «Опять заявление?» — «Опять». — «Толку-то». Кстати прибавила, что видела развешанные в чужом дворе похожие занавески. После этого служба зашевелилась живей, и пошел человек в форме опрашивать соседей. Толк был таков: ее вызвали по бумажке и велели прекратить клевету. Мол, занавески в раймаге были одинаковые, их весь околоток закупил. И нечего тут! Капитолина вернулась с проработки, словно побитая, и ей показалось, что некоторые этому очень даже рады.

После третьего налета она и вовсе затвердела, написала в райком и в газету, что милиция даром хлеб ест. Муж был мужик умный и не советовал так круто забираться, но Капитолина на своем стояла: раз добро пропало, надо хоть правды добиваться.

Опять вызывали и все насчет клеветы нажимали.

Капитолина обиделась и написала в область. Дней через несколько приехала к ее двору машина милицеевская, в ней двое в форме и один в белом халате. Разговаривали противно, все намекали, и она стала на них кричать. Они тогда покачали головами и сделали ей укол, после чего она обеспамятела. Сутки спала!

Тут бы ей самое время опомниться, забыть про свои занавески и затихнуть. Сказано ведь, что жизнь дороже барахла.

Так бедная женщина ведь не то что тряпок жалела, а справедливости хотела добиться. Прямо как заболела ею, как сглазом каким! И написала еще одно письмо в газету, аж в столицу.

Из-за этого письма тихий муж напился, а потом спросил — а что я тебе сделал, что ты меня перед столицей позоришь? А Капитолина удивилась, с чего тут особенно трусить. А он сказал, что ты, мол, деревенская, а не знаешь, а он вот городской — и знает. И пошел, и выхлебал всю брагу в сенях.

Через две недели либо около того приехала к Капитолине другая машина, с красным крестом. Снова поговорили, придержали за руки, сделали укол, а когда отключилась, одели и увезли. Так и попала тихая почтальонка в больницу лечиться. Там ее кололи каждый день не по разу, кормили всякой химией и не выпускали на улицу. Она это терпела, по-

нимала, что это наказание за правду и что конец этому будет. Но потом ее перевели к буйным, и она стала духом падать очень быстро. Она ведь любила ходить с задранной головой, а эти не выносили, когда на них смотрят, да еще искоса. Капитолина несколько раз получила по шее, а такие тычки сразу с ног валили — и стала смотреть только в пол. Она стала совсем плохо спать по ночам. Однажды она услышала, как больная говорила с родными по телефону. Что-то тронулось у нее внутри, и пришлось проглотить комок. Своей тяжелой порченной головой она вспомнила про дальнюю двоюродную племянницу. Племянница сушила мозги в важной конторе и, наверное, знала, как плавать в бумажном море...

Племянница как ее услышала, так даже застонала. И тут же начала хлопотать. К докторам кинулась. Те говорят — полечим и отпустим. А чем болеет? Историю болезни никак нельзя. Один курс кончили — другой начали. Кто велел? Комиссия. Три курса. Не выпускают. К главному в ноги. Тот поломался и сказал, что теперь вроде можно отпустить, но раз доставила милиция, пусть она и забирает. А она не забирает!

Тогда обратилась племянница к судебному начальству. Опять толку нет: месяц ни одного начальника на месте застать не могла. А потом один сказал, что милиция сделала все по закону — конечно, кто будет «бочку катить» на своих же.

Стала просить одного хорошего знакомого во внутренних делах, мол, выручи, проверь только, все ли так страшно с тетей Капой. Но он шепотом попросил забыть его фамилию. Милиционер с участка сказал, что «мне терять нечего, я старый, но тут ничего не сделаешь, гиблое дело, в общем». Как от чумы все! «Пусть лечится!» — «От чего? От жизни». Одна племянница знала, что, чем дольше тетка лечится, тем хуже болеет.

Изредка приезжал к бедной Капе ее муж. Привозил ей мед и сало, которые к ней не попадали то ли по причине закрытого отделения, то ли по причине особой диеты. Когда ее стали выпускать к родным — другое дело. В один приезд он сказал, что хозяйство надо рушить, он его волоочь больше не может. Капитолина попросила его потянуть, подождать. Лишних кур и уток можно забить, хрюшек выгодно продать на базаре, а потом и новых поросенок взять. От этих разговоров Капа оживлялась и розовела лицом, вроде держали ее заботы в нормальной жизни-то. Но потом у нее заныли все суставы, стало печь огнем внутри, и она замолчала. Ей стало все равно.

Так прошло почти два года. Позвонили племяннице из больницы, что тетка выписана, занимает место. Больница маленькая, больных много. Про милицию ни слова. Как вышла тетка Капа, так племянница и заплакала над ней. Ростом стала мала, ссохлась, постарела, смотрит в пол и зовет на «вы». И все головой кивает, как соглашается. А как стали брать билет на автобус, тетя Капа зашептала — и вы поезжайте, не доехать мне... Вот и доехали!

Вечером пришел с работы муж, обнял племянницу, колбасу по червонцу из дорогого магазина снес на холод и налил в стаканы, чего у него там было. Он понял, что зря бился как рыба об лед.

Хрюшек продавать было некому, и их сдали по дешевке в столовую. Самое главное — пришлось продавать корову. Пока он нашел таких, что-

бы в хорошие руки... Он сам доил несчастную, а Капа даже не вникала. Не ходила с ней разговаривать и гладить, как раньше. Что ж, отдали, наконец, в совхоз, взяли неплохие деньги, а корова через три дня, с оборванной веревкой на шее, вся в репьях, приплелась. Снова надо увозить, вот какое не дело.

Опять загрузили страдалицу в кузов, муж Капы сам помогал, но вот взгляд коровы из култыхающей машины он выдержать не смог, закашлял. Капа стояла как посторонняя, кивала.

Остались в пустом дворе куры, которые жили в бурьяне. Муж стал часто выпивать и не ночевал дома, потому что страшно ему было. Он жалел Капу про себя, молча, но говорить про такое не умел. А Капитолина потихоньку все отходила, тоже молча, на ощупь, словно заново, узнавала старые стены. Потом вроде пришла в себя, да пошла на свою почту работать. Но когда приехал домой отслуживший в армии сын, он не узнал матери. И то: Капитолина все понимала, была разумная и тихая, но это была уже не она.

ПРОГОН

За стеной бушевало стерео. Фонтан ликования, который заглушал все. Зина листала «Бурду» бездумно, не вникая. С этих страниц наплывал загадочный лукавый мир, он ласкал и укачивал раньше. Теперь ускользал... Подумайте, как их разбирает, сразу стерео купили. Напекают на свое беспредельное счастье? Ну что ж, можно ведь и погромче — усилители в открытые окна, и пусть весь белый свет стоит на ухах, раз такое дело...

Зина забрела на кухню и застопорилась у окна. Там простиралось дымчатое поле окраины, в котором чирикало и шелестело юное лето. Вот и тогда было лето, вот уж и год прошел, и будет завтра лучше, чем вчера, но ждать не хочется, так как не хочется жить, потому что... Соседка Липа Семенна звонила даже в открытую дверь.

— Прямо утресь завели, глаз не продражни, чаю не пимши. Слышно ли дело? Родители шлют на обзаведение, а они на баловство, — Липа Семенна и гордилась, и осуждала. — Я уж, Зина, закупаю, что могу, а вот с платьем у них не тово. Ты бы девке присоветовала. Умеешь ты... В магазине, говорят, старье, а како старье — сверкат, глазу больно.

— Пусть, Липа Семенна, пусть что хотят, то и делают. Может, девочка захочет в штанах венчаться...

— Неужто? — озадачилась старушка. — Срамней не придумать. А я к тебе-то зачем — мои долежат до полудня, дак опять молока не застать...

— Ну уж не пойду, одеяло не сдерну. А за молоком загляну, мне все равно в гастроном идти. Забегу. — Зина старалась быть кроткой, но скоро ее доконают. Подумать только: Она! Ему! чуть не в постель молоко подавать станет...

— Поди, не барин, и сам бы сходил, — еле слышно уронила Зина.

— Он должен за водкой стоять, — это баушка Липа чистосердечно ответила уже с лестницы.

Когда Зиночка потащила им это молоко, они торчали на балконе и, смеясь, грызли редиску. Опять же фонтан стерео... Степа забрел на кухню, взял у Зины пакеты и свалил в холодильник. Скользнул азиатским глазом, сказал «спасибо» в самое ухо... До мурашек. И пошел, качая плечами, на свой балкон, а красная, как рак, Зиночка — к себе.

Потом вспомнила про платье, взяла рецептурную книгу, журнал мод и вернулась. Трещала про ретро, про торты в оборках, про буфы в креме... Эх...

Едва вернулась, Степа за ней:

— Имею честь, сударыня, — прислонял к чему ни попадя и целовал, — окажите милость на свадьбу... нашу с Лизаветой...

— Мм, — извивалась Зина, — что ж ты меня подставляешь? Увидят — конец.

— Лизавета упивается новой «Бурдой», а у вас маменька уехала-с. Кого стыдиться-то?

— Да как кого? Мне тебя стыдно, Степа, а тебе?

— Не пристало вам, Зинаида Федоровна, напоминать... А я вот стыдился — тогда-с! Ныне свободен от вас, потому и шалю...

В прихожке знакомо зашаркали...

— Зина, деточка, спасибо за молочко-то... Что это ты здесь, Степа?

— Да вот, открыточку Зинаиде Федоровне-с...

Бабушка дотянулась до Степина уха и так его вывела. Зина застыла у окна, отдышаться...

Год! Ровно год назад она первый раз вошла в эту проклятую соседскую квартиру. Вернувшийся из армии сосед пил запойно, бабушка его то молилась, то плакала. Однажды Зина уловила через стену звуки хриплого, ни на что не похожего рыдания и вскочила, запахнув махровый халатик. У нее был рефлекс на страшные звуки. Один раз точно так же выскочила на площадку на непонятное щелканье и шлепки и обнаружила в подъезде избитую девочку. Не соображая, Зина налетела и толкнула того, кто бил. Ее просто трясло.

— Вафлю загораживать? — прошипел ублюдок и отвлекся. — Размажу по батарее!

Девчонку слепое битье прижимало к стене, отстали — упала. Могло кончиться ужасом, но ублюдок просто слинял. Надоело, наверно. Девчонка встала, обдернула юбку, под которой ничего не оказалось — майка, юбка, шпильки... И покрыла Зину матом. Мол, вмешалась в личную жизнь.

Но рефлекс был сильнее Зины... Она пошла на тревожные звуки.

В пустой квартире соседей не было, но в ванной стоял некто в костюме и ковырялся с трубой. Он ее обкручивал какой-то проволокой.

— Я занят, — прорычал он, — занят, убирайтесь!

— Там же дверь открыта, — сказала Зина низким учительским голосом, — а у вас что, труба потекла?

— Потекла, — морда у него тоже была подозрительно мокрая.

— Время — ночь, — промолвила Зина, преодолев неловкость. — Слышу звуки рыданий и поневоле думаю на бабушку... Значит, не она.

— Не она, не она. Идите!

— А что вы собираетесь делать вообще-то?

— Вешаться.

— Не смейте, я сейчас милицию вызову.

— Вызывайте, я подожду, пока уедет. А бабушке придется штраф за ложный вызов платить, ага.

И он продолжал крутить эту проволоку с визгом и скрипом.

— Вас Степаном зовут? Вы не одолжили бы мне... — искала глазами, — вон то, что у вас там в ящике? — Зина обнаружила в ящике пять бутылок водки. — Вы пьете водку ящиками?

— И пью, и баб вожу, — скорготал Степа, — могу и вас взять в компанию.

— Так поставьте пока на очередь, я подам заявление. Буквально не с кем... Пузырь раздавить, понимаете, до чего дошло.

Степа устал пререкаться и сел на корточках, опустив на руки лицо. Зина сходила на чужую кухню, пляшущими руками достала чашки и банку с лохматым грибом. И сидя в тесной ванной, верней, она в своем махровеньком — на краю ванны, а он — перед ней на корточках, — стали они пить потихоньку. Визави — две враждебных державы. Но с этого момента — уже не враждебных, нет... Хотя картина была удручающая — глухая ночь, бутылка, этот паршивец, соседский дембель, так хотелось врезать ему, на худой конец — отчитать. Такие же лбы у нее в девятом, громадины ростом, а глупенькие... Да не то что отчитать, а даже уйти она не решилась. Она уйдет, а он сцепит зубы и полезет опять крутить свою проволоку... Что придумать, как отвлечь?

— Ты мог попасть в Афган, тебя бы убили! Остался живой...

— Лучше бы меня убили.

— Нет ничего такого, что нельзя пережить...

— Это уже не жизнь. Когда из тебя сделали подстилку, жизнь такая ни к чему.

Замолчали. Никакие слова не годились.

— Ты посмотри мою характеристику... Нарушений полно. Я же нарывался, как мог, лишь бы под замок попасть. А когда выходил, то все равно били до посинения, а потом имели как хотели...

Зина проглотила комок. Ей показалось, что он что-то скрыл от нее, что-то более страшное, чем даже это...

— Все равно не дам тебе сдохнуть, — сказала она тихо, — не надейся.

И она стала ходить к нему каждый день. Она была очень упрямая. Выдумывала всякие предлоги, тащила Степу в магазины, заставляла навешивать карнизы, дергать сорняк на бабушкином огороде, красить парты на своей работе. Принесла ему кассетник, дала пленки любимые от битлов до птиц дальневосточного леса. Решила поднатаскать его по химии, что зря время-то вести. Степа упирался, но недолго. Обычно он сидел как истукан и молчал. Случалось — пропадал по пьяному делу, но на следующее утро уже листал учебник. Зина сердилась, а он шарил параграфы наизусть.

Красивый смуглый мальчик с монгольскими глазами и ярким ртом, если бы не подлая его история... «Стоп, — говорила себе Зина, — позор! У нас разница в десять лет». Она и не заметила, как появилось у нее это «у нас»...

Зиночка была миниатюрная, но сильная и независимая женщина, привыкшая быть одна. Глаза меланхоличные, в завитках челки, а волосы — узлом, по-старинному. В то лето у нее был сарафан из посадских платков, тяжелая розовая финифть в ушах и на шейке, и вообще она была редким существом, о чем не подозревала. Зато Степа подозревал. Но он был уверен, что до него такая ни в жизнь не дотронется, ее тошнить будет после всего, что узнала...

Так они сидели над учебниками и занимались самообразованием, а тем временем лето продолжало буйствовать, липы шипели на солнце лощеной листвой, все жарело и накалялось. Ветер на балконе бил в грудь резиновой волной, обстановка была нереальная.

Азиатский взгляд исподлобья показался Зине чингисхановым. Хватая улетающие с окна занавески, они столкнулись руками и — шарах! — проскочила тайная искра... Они дернулись в стороны, но было уже бесполезно, слишком было сладко и слишком страшно, и казалось, что в последний раз он увозит ее, умыкает, и будто нарастал стук копыт, так что ударившей грозы и первого грома они уже не слышали...

Пробезумствовали три дня, потом Степа сорвался и уехал в институт, а Зиночка стиснула зубы, ушла в очередной поход. Она долго была как в горячке: кляла себя, костерила; а в зимние каникулы, когда Степа явился прищуренный и заиндевший и сразу стиснул в прихожке, просто застонала от наслаждения... И в тот же момент поняла, что ей суждено весь век ждать и ложиться «по первому свисту». И загордилась, и погнала прочь неположенную, неприличную радость. Надо было соображать: десять лет что-то да значили! Степа от обиды офонарел: «Ага, я себе еще лучше найду? Так пошел начинать, чего теряться... Ну, Зинаида Федоровна, что же вы с человеком делаете?..»

Вот приехал с девочкой и собрался жениться. Как будто не жить-не быть, надо свадьбу играть только тут, а не у себя там... Губастенькая и угластенькая Лизавета безусловно Зиночке доверяла и делилась с ней, какой Степа нежный любовник. Зина ее слушала, сдерживала дыхание и думала: «Он и это предусмотрел?..»

...В который раз шел консилиум насчет платья. Зина удивлялась — девочке не нравились многослойные юбки, воланы, фестоны, в общем, была чужда вся эта ретро-романтика.

А Степа с изуверской хитростью подстерегал, когда Зина была одна и принимался за старое. Зина, конечно, вскипала и давала волю рукам, но он только смеялся: «Захотели — спасли, захотели — погубили-с... Какая вы, Зинаида Федоровна, однако...»

Это был конец света. В одно ослепительное утро, когда Степа и Лиза еще нежились в постели, баушка Липа передала им хрустящий пакет. Там лежал тонкий белый комбинезон с атласной розочкой и кружевная накидка...

— Какое чудо, — сказала Лиза, — вот именно это я и хотела.

— Я тоже, — сказал Степа и вздохнул.

...А Зина затынула рюкзак и пошла на вокзал. Отступить было некуда, на перроне ожидала орда учеников. Думала, они один «металл» любят, а они сами предложили... Да сдались ей эти страсти, эти свадьбы с подтекстами! Пламенный привет молодоженам!

В сосновом приволье среди бликов света и щебета кипела непри- нужденная жизнь. Легко знакомились и откровенничали. Многие встречались после длинной разлуки, многие были потрепаны бытием, обросли детьми и мотоциклами, но здесь опять модели и дурачились. На Зину заглядывались, но осторожничали — вид больно заносчивый. Она мелькала в компании школяров, а от остальных отстранялась. За плечом же реял Чингисхан, усмехался. «Никогда больше такого не будет!» — жмурилась Зина в отчаянии. Чуть задумывалась — любовь хватала так, что ныли суставы, озноб пробивал. «Физиология», — не навидела себя Зина.

Неподалеку от их палатки был большой костер, который затеял рыжий из городского клуба. Днем рыжий бегал с плакатами и усилителями, что-то орал в мегафон, потом мотался к реке, гремя ложками и мис-

ками. Он кривлялся и смешил всех, светил железным зубом и был на подхвате. Негордый. На конкурсе хохмочек явно работал на публику и переборщил, шут-собачатник.

А вот вечером! Вечером у большого кострища возник нереальный образ в драной ветровке. Этакое лохматое шалое цыганье с крестиком на худой груди. Он запел неизвестную песню, от которой у Зины перехватило дых... Его должны были расстрелять наутро, и он понимал, что его разнесет в клочья чернь, за которую страдал. Если бы Зина не была твердой, как алмаз, она бы рыдала. Но странный тип тут же запел издевательскую колыбельную, где младенца хотел загрызть медведь. Вот радость — толкнул в небо и тут же наземь рожей... Что хотел, то и творил... Идиллия была разрушена и странный, засмеявшись, ушел к реке в сопровождении малолетних поклонниц. Зина видела, что лохматый и рыжий на миг скрестили взоры... Тут же рыжий отвернулся и сказал кому-то: «Когда считаешь себя выше толпы — она чувствует. И отталкивает. А тебе кажется — не понимает. Все она понимает и устраивает тебе ба-а-альшую пакость. А когда я думаю — толпа выше, толпа — за милую душу...»

Но его уже просили, протягивали гитару. И тогда этот рыжий сторбатился в своем синем ватнике, тронул струны, произнес: «...Смелым соколом не падай, соловьем не пой, не пой — не мани меня, не надо, не зови меня с собой...» Но это было про нее, про Зину! Как он угадал? Про запретную навеки радость, про самое начало разлуки, первую, обжигающую горечь...

Она даже не заметила, что рыжий пел мужским хриплым голосом абсолютно женскую нежную песню... Ласковая мелодия рекой уносила ее сердечко за поворот, туда, где все это осталось...

Зина пробралась поближе к этой компании, и ей молча дали тетрадку со словами, и никто не удивился. Потом пели такое, что знала даже Зина. «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...» Неважно — что. Сложилось заклинание, и оно помогало. Тут сидели чужие люди, у которых одинаково влажнели глаза и получалось что-то вроде рывка друг к другу... Глянула на своих школяров — они все были тут и все понимали. За спинами они показывали ей большой палец, вот тебе и «металлисты». Как же они любят ее, с ума сойти. Почему она догадалась именно в такой момент? Кстати, как звать рыжего?

Она узнала только на конкурсном прослушивании. Ах, Кондауров. Еле дождалась, пока настала его очередь. А вообще она ничего не понимала. Люди вроде те же, а все скучно. Не было лохматого с крестиком. Он ходил между кострами с камерой, а на сцену не захотел. Почему? Говорили про него, что к нему домой ездят барды из столицы, вот как он знает систему...

Как только выходили «под Никитиных» или «под Розенбаума», так все шло хорошо. Как выходил кто корявый, свежий, так начиналось: «Почему выбрали это, а не то?» Одобрили унылую особу за то, что пела Цветаеву. А тот, с крестиком, подошел к ней на пригорке и заподкалывал: «Всю жизнь будешь под Марину Ивановну работать? А где же твое?» Один бритый пацан в невыносимо зеленых штанах спел про войну, и его пустили в финал, а он там как заорет, в финале-то: «Я вам спою про ужас детства, как дням застойным верен был...» Жюри в шоке, публика в хохоте...

Зина утомилась от крика и пошла посидеть у речки, помечтать...

Рыжий Кондауров бесцеремонно выдернул ее из блаженства. Хлопнул по плечу:

— А ничего ты поешь, училка. Приходи опять к костру, покажу одну штуку — только для тебя. Ну?

— Потрясена и польщена. Сам Кондауров, дважды лауреат, оказал мне честь. — Зина не скрывала досады.

— При чем тут? Не понял. — Красный Кондауров поднял бесцветные брови, растопырил уши. И почти шепотом: — К тебе как к человеку...

— Иду. — Зина примиряюще улыбнулась.

Он показал ей изумительную вещь: «Мне сегодня снилась осень, / Но не та, не золотая, / Что хранит, лелея, озимь, / Провожает птичьи стаи... // Мне приснилась осень злая / С диким холодом ненастья, / И тоскливая такая, / Как предчувствие несчастья...» Этот стих Зина знала раньше, но то, как он теперь зазвучал в ней самой, как выпевался, было уже выстрадано, она почувствовала кожей, горлом... «Давай попробую». А Кондауров тоже «открывал Америку». Сколько раз он слышал, как пели эту «Осень» девочки из городского клуба, и все они делали верно, только очень уж красиво выводили свое трехголосие, прямо нимфы какие-то. Низкий голос Зинаиды поддевал под ребра, сдерживал волнение, срывался от подступающих слез. От своей же песни нутро замирало. Прямо, как в детстве, когда в ночном дворе раздавалось: «Девочку с распущенной косой целовал он нежными губами...» Гена Кондауров тогда вообще был человеком сентиментальным: жуков ногой давили, он рыдал...

Так уж получилось — она выступила с ним несколько раз. Но не любила Зина этот конвейер, беготню по вечерам, развлекать зубную поликлинику и юбилейный цех. Она изредка заходила в клуб смотреть, как кто-то прибегал с новой песней. Счастливца так и распирало — вот оно, выдал! Такого еще не было. Но на концертах было просто дежурство, отбываловка.

Зине было некогда в учебном году. Работала на полторы ставки, да внеклассная, да к родителям насчет условий надо было ходить. То и дело Зина звонила маме, что задержится... Но Гена сам вырисовывался возле учительской. Он писал огрызком карандаша на батарее новую песню и поглядывал хитро. Он был какой-то неистребимый. На них оглядывались. Зиночка — в ажурной самовязке, замшевой юбке, Гена — в дражном тренировочном костюме, весь в мелу. Зина с сомнением изучала его черные руки с обломанными ноггями.

— Ты кто?

— Человек... А по работе слесарь.

— Наверное, сильно устаешь?

— Почему? Видно разве? Устаю, но не так, чтобы трупом лежать.

Жизнь-то какая! Всего охота.

— А настоящим композитором стать?

— А я и так композитор, даром, что образование коридорное. Может, мои песни уже за «бугром» поют. Только вот гонораров не шлют, мерзавцы! — Он оглушительно гоготал на весь холл.

— Тише! — Зиночке было стыдно. Но она не уходила.

Однажды их вот так застала завуч.

— Зинаида Федоровна, педсовет сейчас. А личные дела отложите на вечер.

— Какие же личные? — Генка честно выпучил глаза. — Мы планируем мероприятие.

— В смысле?.. — завуч засыпала от презрения.

— В смысле вечера романа — в десятых, да? — и шмыгнул носом.

— Из городского клуба авторской песни, — пояснила Зина. — Кондауров, дважды лауреат...

— Превосходно, — прошипела завуч и зацокала прочь.

Зина засмеялась. Конечно, она не верила ни в какой вечер. Но ведь он сделал ей этот вечер, не обманул. Десятые неделю обсуждали, а потом трое клюнули и пошли в клуб. Вот так.

Когда Генка Кондауров не пел, он пил и говорил. Он столько говорил! И о чем! Не про сам концерт в деревеньке, не про то, какие были глаза у старух, которых согнали, а про то, что сломалось в автобусе, как искали воду, как курили, какие анекдоты вчерашние травили. Бабки спрашивали, нет ли акробатов. А почему ты, Кондауров, не акробат? Ты же все умеешь, ну? Он не слышал. Он ставил локоть мимо стола и проливал свою стопку.

— Нет, — важничал Кондауров, — у меня дед был гениальный портной, я в него пошел! Я всю жизнь сам себе штаны шью, да еще и баские...

Надо же, всерьез принял. Весь вечер в этих исторических гостях он шумно чавкал, скреб в затылке, ложился грудью на стол и хрустел посудой. И говорил, говорил. О, господи!..

Барды такой народ, что они на вечеринке практически не пьют. Им что стол, что костер. Но не было того родства... Разве дело в горящих ветках? К тому же дети. Они дергали бардов и бардесс за полы и требовали зрелища.

И Гена Кондауров заблеял и пошел им навстречу на четвереньках, морща новый голубой костюм. Он надел его для Зины, но коль она закаменела, он ушел от нее и стал жить на полу. И плюнул на это дело! Зину очень кольнуло. Она поговорила с девочками и стала править на выход. Где-то внутри она признавалась себе, что дети зря не любят, но себя ей было все равно жалко. Разве с этим чудищем можно выйти в люди? Станет вилкой в зубах ковырять... В передней среди сваленных пальто отыскала свое и замерла. Мечта всей жизни, ушаночка, ее жемчужная норка была скручена сапогом и торчала из рукава... Все погибло. Форма сломана, и сотни тысяч рублей пропали даром. Это он, больше никому.

Ну, теперь никакой жалости, ребята. Пошел провожать? На-прасно! Стихи читать? Просто смешно! ..

— Ты хоть понимаешь, что такое жемчужная норка?

— Не-а, — отозвался Генка. — У меня вон видишь, какая собака на голове? И ничего, живой. Да что ты, с ума сошла, о какой все хреновине думаешь...

«И это у него — хреновина?!»

— Ты никогда не сомневаешься, — бросила Зина, — в этом весь ужас. Другие должны жить по-твоему! Неужели твои мерки самые справедливые?

— Перестань мне вешать лапшу на уши. В чем дело? — Генка вытер лоб заскорузлой ладонью. — Слышь, училка. Хочу тебе штуку одну показать напоследок. Послезавтра, а?

— Хватит с меня, Гена, твоих штук. Спасибо, но...

— В шесть я за тобой приду, понятно?

Это был диктат отчаяния... Зиночка сдалась. Ну, придется потерпеть

еще разок... Пора вычеркивать из жизни лишнее... В троллейбусе ветер задувал в окно, и завитки Зинулиной прически скользнули по щеке дурака Кондаурова. Желваки заходили, но ничего... «Куда тебе, — мелькнула злорадная мысль у Зины, — ты не Чингисхан... Тот запястье поцелует — хоть в обморок падай...»

Добрались до мрачного дома, где по лестнице сновали крашенные девицы. Тесный зальчик, ящики вместо сидений. Полутьма и скрипы, приглушенный смех. Вышел усталый бледный человек в черном, похожий на Солоницына, и мягко сказал:

— Это пока не премьера, а прогон... Не совсем готово, правда, но зато вы скажете свои суждения, которые вплетутся в творческую ткань...

Понеслась карусель, почти водевильная. Вышел в подтяжках и тапках наивняк Сарафанов. Его дурили до потери сознания, а он еще вдобавок себя винил — за то, чего не делал. Сарафанов соединял немыслимое. Он хотел, чтоб с ним остались те, кого он любит... Но все расплозлось по швам... Добрый до идиотства — прощал наказуемое. Что за жизнь он прожил, не желая знать какой-то страшной правды?.. Да, это был настоящий Кондауров, Сарафанов в своей жизни. Кондауров — не реалист, а костровик со сдвигом по фазе... Зина смотрела из первого ряда, но не узнавала его. Кондауров — не шут на побегушках, а центр, к которому тянулись нити. И он был самый настоящий и простой, Нина — связанней, Бусыгин — наглей, а он как раз!.. «Плох я или хорош, но я вас люблю, это главное», — выдохнул опозоренный Кондауров, в смысле — Сарафанов...

Оглушенная Зина не осталась говорить суждение. Она сказала бы, но не залу... Она понимала, что он как главный герой не уйдет, будет ждать, пока обсуждение не кончится, но все-таки ждала, что он подойдет, он должен же, ну как... Телефон позвонил лишь к ночи.

— Разбудил, да?

— Нет. Так где ты обретался, Гена, ведь...

— Не поверишь ты, наверно, но пришлось домой Алинкиных детей тащить. К ней мать прикатила, она и поехала ее искать в аэропорт...

— Как всегда, тебе больше всех надо, и ты жутко любишь детей.

— Да ты не иронизируй. Они же хныкали и все такое.

— Мне было что сказать... — нажимая на каждое слово, проговорила она.

— Да я чувю, что упустил шанс. Ну чего там.

— Как в тебе умещается столько? Не понимаю. Я забыла, где я нахожусь...

— Ты была на ящике.

— Не пытайся меня сбивать. У меня душа разрывалась.

— «У Зинаиды чайные глаза, и вся она орехового цвета! — запел не к месту Кондауров. — В платок посадский с розами одета, На тонком пальце камень бирюза...» Зина бросила трубку, нервно улыбаясь... В принципе, если содрать с него этот поганый тренировочный костюм, эту латаную куртку с прикрученными проволокой карманами... В полутьме ночника Зина полезла в шкаф. А, вот он — с незапамятных времен отрез плащевки... Но отрез лежал и пылился, а Кондауров не шел. Нарочно! Почему? Звонила в театрик — дали адрес. Ехала с тремя пересадками с автобуса на троллейбус... В деревянных трупобных домах проживал этот сомнительный тип!

Она уже жалела, что поехала. Искомая квартира второго этажа издавала грохот и вопли. Звонков там уже никто не слышал. Зина дернула ручку и вошла... Темная и затхлая прихожка, из темноты проступало цинковое корыто, а над ухом кричали:

— Да кто ж ты такой, слизняк! Ты мне советовать вздумал! Соваться ко мне! Да я тебя угроблю, не запнусь, понимаешь?

Упало, грохнуло, завозилось. Дверь сшибла Зину, и на нее затопало что-то невообразимое, низкое и хромое...

— Иди проспись, Танька, иди. — Кондауров стоял, закрывая лицо. Мимо Зины продвинулась по стене женщина, вся выгибаясь и подпрыгивая. Жена-а?.. Зина встала с пола, и Кондауров отшатнулся.

— Вертеп, — сказала Зина. — Что с тобой? Я военнообязанная и умею перевязывать... Это жена?

— Это... Танька, сеструха, приехала из Казахстана... Дочку хочет забрать. А муж у нее этот, как его... Пьет все, мать нашу замордовал за неделю. Я милицию вызвал, а Танька боится — другого не найдет, с ногой... Зина, не смотри!

— Я вот тебе дам «не смотри». Чем это?

— Феном... О... Да нет, вода не там. Вон графин-то!..

— Не указывай... Одевайся, пошли.

— Да куда я такой?

Зина оглянулась. Ей становилось жарко в пальто, но она не могла тут раздеться.

— Если ты сейчас же со мной не пойдешь, я тебя брошу, и на этот раз навеки. Зачем они тут хлещут-то тебя? А ты и терпишь!

— Так из-за дочки Танькиной. Из-за матери...

Дома маменька Зины увидела страшного мужика с расквашенной физией и в ответ на «здрассте» немедленно юркнула к себе. Кондауров покорно сел в пальто на корточки — возле туалета.

— Встань! — осердилась Зина, — Маменька пойдет по нужде, а тут такое безобразие.

— Я отодвинусь. Есть гитара?

— Решил выступить или так, слегка сбрендил?

— Это ты сбрендила, дорогая. Ты не понимаешь, с кем связалась?

— Иди, говорю.

Кондауров прошел, сел в пальто на диван и сказал с тоской:

— У тебя тут слишком прибрано, я боюсь.

— Потерпишь... — Зина стояла перед ним, наморщив лоб.

И вдруг!

«...Мне эта женщина нужна, / не щей прошу, не полотенце, // голодным сердцем отщепенца / жду женщину, что гнать меня должна...» — с этими словами он неуклюже притянул ее к себе.

— До чего же ты странный... Тебе никогда не хотелось обнять меня раньше?

— А ты посмотри, какой я урод!.. И у меня никогда никого не было. Я даже целоваться не умею. Вот так!

— Ужас какой. В твои-то годы!

— А у тебя, наверное, был кто-то?

— Я... похожа на такую?

— Просто ты слишком красивая и... властная... Не по Сеньке шапка.

— Особенно, если Сенька с таким фонарем... Больно?

- От такого ротика на ходу заживает...
— Если я тебя брошу, ты пропадешь, Композитор Слесарь. Уж слишком бестолков!
— Да, осел... Твоя правда...

Открыв глаза, Зиночка услышала, как ветер воеет и тарыхтит водосточной трубой. За окном был собачий холод, а в плечо дышал некрасивый чужой человек, и через это плечо у нее получалось с ним общее кровообращение... Кто он такой? Почему так страшно за него? На полу громоздилось чье-то пальто... Ах, да! Зина зажмурилась и застонала.

— Что? Что? — закричал дурак Кондауров, не учитывая, что за соседней стенкой маменька.

— Да тише ты. Прямо тошнит от тебя...

— Как, уже? — он простодушно упал с дивана. — Так я же тазик принесу. Тошни на здоровье!

Всерьез принял, надо же. Что с него взять?

КАМЫШИН В ПЕРИГЕЕ

Слишком долго всплывал Леха. Отключенный, выпученный, он не соображал, почему всегда легкое и упругое тело перестало слушаться. То ли занырнул глубоко, то ли на сильное течение попал, и его тащило в сторону, но он шел по косой. А вырвавшись на поверхность, захотел глотнуть воздух, и никак. На ногах ласты, на голове маска. Понес руку к маске, но рука не шла, на ней висело очень тяжелое... Лодка затонувшая, сундук с образцами. Леха скосил глаза и не узнал руку в потеках крови. Завыла опять собака, не виолончельно, а низко, с хрипом, в три голоса. Слабое животное не могло издать такой стереофонический звук. То был зов потустороннего, звук ада... Леха Камышин вынырнул из реки в аккурат на свой диван. Времени, чтоб не окочуриться совсем, было в обрез. Коченеющими руками потащил к себе телефон и, извозив его в крови, вызвал себе «скорую».

— Да, потери крови. И большие потери вообще. И алкоголь... обязательно. Да, адрес... Адрес мой — юдоль печали. Парковая, два... Пострадавший звонит. От своей дурасти пострадавший... Девушка, биографию не надо? Ведь сдохну...

Может, он говорил так, может, не совсем, но близко к тексту. Сознание уходило. Ему потом все рассказали: как приехали медбратья на «скорой», увидели внизу нежилые двери, а сверху его запертую дверь, не долго думая взломали ее, и хорошо сделали, потому что Леха Камышин был совсем уже тепленький, уйма порезов, да и бритвы валялись неподалеку. Приедь к нему не медбратья, а медсестры, ну что бы они сделали? Дулю. Картина была унылая.

Светящийся аквариум, в котором он, видимо, так долго всплывал, остаток пира на журнальном столе, диван, пропитанный черной кровью, и поперек него атлетический бородатый мужик без признаков жизни. И тоны сердца слабые. Но сделали обработку порезов, ввинтили два укола и перевели на хирургию, и тут стало ясно, что вынырнул! Когда отверз вежды, в окно залетали алмазные капли дождя, и рядом хлопотало что-то белое в коконе.

— Это... тот свет... или еще этот?

Кокон ойкнул и засмеялся:

— Надо записать, во сколько очнулся... Надо же. Такой видный и порезался.

— Я в тот день разводился с женой, — скорбно сказал Леха.

— Надо же.

— Но это специально, чтоб увидеть вас. Пока такие бабочки-боярышницы будут порхать, можно смело разводиться...

— А неизвестно, кто бы дежурил. Но здорово. Значит, любовь. — Ко-кон поставил диагноз, воровато оглянувшись, поцеловал...

Женщины обычно сдавались Камышину в первые десять минут. Тут хватило и двух, Камышин прогрессировал. Но, конечно, это был не апогей. К вечеру появился худой практикант из следственного отдела и версию Лехиной любви забраковал.

— При осмотре обнаружена пачка лезвий «Жилетт». Сколько порезов, столько использованных лезвий. Если бы вы были в состоянии аффекта...

— Был, был в состоянии аффекта.

— ... Вы обошлись бы одним...

— Мог и не сообразить в таком состоянии.

— А почему? Вы ссорились с женой?

— Зачем ссориться? Мы обо всем уже договорились. Кто где будет жить, с кем, куда высылать деньги...

— Но Римма Камышина при разводе выступала истцом. Значит, имела претензии.

— Имела, имела. У меня... другая женщина.

— Так-так... Значит, вы разлюбили жену?

— Кто вам сказал? Женщину в высшей степени? Ни-ког-да. Просто ей было обидно, что она не единственная.

— И когда Камышина узнала об этом?

— Да все время знала. Каждая моя женщина знает об этом с самого начала. Чего тут обижаться? Но я не хотел разводиться и после развода сказал, что теперь, когда мы не женаты, начнем все сначала как любовники. Купил коньяк и привел приговор в исполнение.

— Но она же уехала. Значит, что-то случилось.

— Ну да. И я как бы... отчаялся. Отпечатки есть?

— Отпечатки ваши. К сожалению. И вы вправе настаивать на самоубийстве. Получите нехороший диагноз, печать на лоб поставят. Но не думайте, что я вам поверил, будто вы вялотекущий шизофреник. Решили выгораживать — валяйте.

Практикант следственного отдела не производил впечатление тупицы. Но и Леха Камышин, не будучи шизофреником, не пошел у него на поводу. Он слишком хорошо знал Римму, он познакомился с ней перед экспедицией и поехал в экспедицию из-за нее. И ее бешеная татарская страсть держала его столько лет и столько бы еще держала, но... Устаешь любить в боях. Конечно, тяжело только первые шестьдесят лет...

Но Альбинка ведь никогда не прыгала, не бросала громких слов: «эта шлюха», «убью»... Сынок, ты хорошо живешь среди конного табуна? Тебя увезли к татарской бабушке в степь, поди, найди там.

Камышин думал, печатывать квартиру или нет. Если печатать и Римма захочет вернуться за вещами, она все равно взломает, к ней пристанут, опять начнут ворошить... А если не печатать, кто знает, что здесь найдешь потом. Здесь столько собрано за годы странствий. Хотя бы взять

камни из последней экспедиции. Ими никто не заинтересовался, а камни теплые. И форма у них...

И эти книги с ятями, которые развалились, — из сгоревшего деревянного дома. И картины, которые создал друг Ерохин. Куда с этими картинами сейчас? Альбинкины тряпки на первом плане... Хотя неизвестно, брать ли саму Альбинку... Леха сбегал к Ерохиной, попросил заходить и хранить ключи.

— Ближе вас с Еней, тетя Ань, у меня никого.

— Да что ты, Лексей, мне нетрудно, — тонко возразила Ерохина мать. — Но вот не ухраню?

— Кому нужны мои камешки. Если Римма примчится, она все равно к вам придет. А золота там никогда не было. Можете сами ночевать, Еньке скажите, пусть живет, пусть холсты расставит и так далее...

— А ты, Лексей, неуж не вернешься?

— Не знаю... Потом когда-нибудь. Я диван вынес на помойку. Не бойтись. Да я скажусь, если надоест мотаться. Еньки нет? Попрощаться.

— На етюды отбыл Еня, говорил же... Ну ты-то после больницы... Не рано спорхался?

— Все прошло, тетя Ань. Только колотит. Почему? Никогда невротиком не был.

— У тебя, Лексей, нервный стряс. Ты тихонько смотри...

— Дайте поцелую...

Леха съездил, обчистил сберкнижку и половину перевел на аккредитив. Что ждет впереди — неизвестно.

Альбинка егошила лоскутной ковер. Перед ней лежала здоровая книга, где было описано, какой цвет к какому приставлять. Леха разложил ковровые лоскуты в своем порядке, потом взял швею и разложил на ковре. Швея была сладкой и ванильной. Ток, сотрясавший Леху, ушел в землю.

— Прости, что я так на тебя свалился.

— Я привыкла!

— Хорошая у тебя работа, Аль.

— Всегда к вашим услугам.

— Не только поэтому. Хочешь, пойду — тобой работать? Ты в одном вагончике, я в другом.

— Ты не сможешь. Это грязная работа. Скучная и грязная.

— А ты?

— Я терпеливая.

— Аль, поехали со мной.

Она молчала. Загнув руки назад, застегивала пряжку на спине, пряжка соскальзывала. Он взял двумя пальцами — щелк, готово. Какая жемчужная спина, какие белые волосы, какое все у нее — черемуха, не тело.

— Аль? Ты слышишь?

Она молчала. Кажется, любит. Но такая тугодумочка!

— Аль. Ты последние три года натерпелась. Но теперь я твой — с макушкой. Свободен.

— Ты сам не знаешь, куда едешь. А я брошу работу, дом, буду ночевать на вокзале...

— Да брось ты. Поеду на Волгу, там есть старые друзья, зацеплюсь с работкой. А то могу опять в экспедиточку.

— Какая мне разница, где ждать.

- Аль, я уеду. Подумай.
- Дал бы уволиться.
- Лишнее. Вышлют по почте.

Она опять замолчала, возясь с пуговками. Невозможно оторваться от такой.

- Ну, чего ты?
- Да устала.
- Отдайся... на волю случая.
- Да боюсь.
- Воишься — значит, хорошая.

В сильных потемках того же дня к Лехиному дому подходила запыхавшаяся женщина с чемоданом. Само то, как она шла, выдавало ее с головой — то ли дороги не знала, то ли сильно трусила. Она неуверенно пересекала парковые аллеи, пугливо озиралась и перекидывала из руки в руку свой груз. То торопилась, то топталась, словно шла на попятную. Добравшись до трех деревянных домов, хлопнула дверью и заскрипела лесенкой наверх. Позвонила. Ничего! Еще, еще. Глухо. Ну, где же он, где? Дверь молчала. Молчал черной слепотой глазок, молча скалились желтые плахи нового дверного косяка. Бывшая женщина Камышина бросилась на грудь чемодану и тихо заплакала. Растоптали черемуху.

А в это время будущая женщина Камышина, а пока еще юная девушка Лиза, шла по улице в обнимку с друзьями: мальчик из параллельного, она, потом ее сосед по парте, потом того соседа подружка и ее подружка... Все-таки Лиза в классе была выше всех и смеялась громче всех, однако это не помешало ни соседу, ни параллельному, взяли ее в кольцо. Они посмотрели в парке классный боевик про подводные ужасы, причем параллельный дал ей половину куртки — такая широкая, что мальчик и девочка влезли оба и верх сошелся, все на резинках. Лиза думала: а что, кино на улице, лето же. Но в открытом парковом кино оказался налет комаров. Лизу толкало в бок бешеное сердце мальчика из параллельного класса, но он вел себя кротко, только под курткой положил твердую руку ей на плечо, и она стала, как Геракл. Подружка адски завидовала и плохо следила за подводными страстями, а все косилась на Лизу в куртке на двоих.

Лиза хоть и высокая, но ровненькая, и волосики шелковые.

Вот такие были переживания. Десятый класс позади, поступать не скоро, а любовь — бери, вот она... Но когда Лиза пришла домой и попыталась узнать себя, такую чудную, в зеркало, за спиной раздался гром и сверкнула молния.

— Пришла, полюбуйте. Пришла домой проститутка Лиза Которгина!

В передней стояла Верховный Судья Мама.

— А чего я, чего...

— Времени сколько? — прибавляла децибелы мама.

— Не зна... Нету ча...

— Одиннадцать! А тебя нет дома! Соображаешь?

— Так мы были в кино...

— «Они»! Все понятно. Я мечусь по окнам, по стенкам, а «о-ни»... Ужас! — она снизила голос и расширила глаза.

— Ты пошла в отца, который шляется всю свою жизнь. Я уже не удивляюсь. Сегодня ты пришла ночью, завтра в подоле принесешь. Аминь.

И откинула назад вымытые волосы. И вышла. А Лиза тоже хотела голову мыть, но раз головомойка уже случилась, пошла к себе, обняла медведя и заплакала. Мягкий бархатный медведь, подаренный отцом Которгиным, с хорошую собаку ростом. Отец, как обычно шлялся, и медведя оставлял дома вместо себя.

Утром мама гордо уехала на субботнюю дачу, а отец пришел домой и тоже стал куда-то собираться.

— Почему моя ласточка такая пухлая? — спросил он рассеянно у Лизы.

— Потому что вчера ревела. Мама опять говорит, что проститутка...

— А? — отец скручивал спальник и пихал его в рюкзак.

— Проститутка, говорю.

— Надо же! Какая категоричность. А что, у тебя есть мальчик?

— Откуда! Я самая высокая в классе. А ты куда?

— На регату. В институте, понимаешь, никого, одна приемная комиссия сидит. Смотаюсь-ка на недельку.

— А почему ты на дачу не едешь?

— А? Потому что я тоже этот... Проститут.

— Ага, значит, у тебя есть девочка?

— Ага.

Лиза завздохала.

— Ну что ты, ласточка. Я с тобой, как со взрослой... Одевайся.

— А куда?

— Так кто со мной матросом пойдет? Не мама же.

— Ура, на регату пойду! Пап, давай нашу лодку назовем «Проститутка»?

— У нее и так хорошее название — «Ласточка».

Когда пришли на лодке в Ольинск, отец велел хорошо все вымыть, а сам пошел за продуктами и зарегистрироваться в яхтклубе. Лиза все выдраила, потом стало смеркаться, и она смерклась ждать, оголодала. Но как тот пионер, не могла оставить вверенный ей пост. Теплый летний вечер на воде — это совсем не жарко. Волны плескались, толкали в борт, так толкало в бок мальчишечье сердце в кино...

Отец пришел ночью, увешанный покупками, и не один. С ним рядом на палубу ступил бородатый мужик с завернутыми в белое руками. В темноте он светил зубами и этим белым.

— Ласточка, — позвал отец нетрезвым голосом, — где моя голодная ласточка? Смотри-ка кто! Мой друг! Он недавно чуть не умер, но его спасли потусторонние силы. Он сидел на пригорке и начинал жить заново. Он же планета, а планета на орбите. То апогей, то перигей...

— Ты еще меня не видишь, а кричишь на всю реку. Может, я ушла, — грустно отозвалась из ватника Лиза.

Она включила фонарь и направила на вошедших. Те зашурелись.

— Матрос не оставит судно, — оправдывался папа Которгин. — И в тебе уверен. Я долго все покупал, а потом, знаешь, всех своих ребят встретил. Это же люди какие! Как у Джека Лондона. И вот этого шалопая...

И пока он это говорил, указанный шалопай достал батон и круг колбасы, протянул в сторону фонаря.

— Ласточка, на, покушай. Где ты? — Очень хриплый, очень тоже нетрезвый голос.

— Ладно уж, пьяницы. — Лиза взяла ужин из рук незнакомца и стала вкусно жевать.

— О, простила. — Отец засмеялся. — Я говорил. Знакомьтесь — Алексей Камышин. Моя Ласточка. В смысле Лиза Которгина.

— Мы долго будем так стоять? — спросила Лиза. — Комары летят на фонарь. Можно в кубрик спуститься.

— Это невероятно, — повторял отец Которгин, роняя сетки. — Я встретил его на том же пригорке! Я сто лет назад пришел на регату один, Ласточка еще в колясках ездила, и он там сидел. Говорю: пойдешь матросом? Пойду, говорит. И пошел, без вещей. Я ему заметил потом: хорошо держишь парус, где учился? А он мне: первый раз в жизни парус держу. Все умеет. И опять я иду — он на этом же пригорке... И опять без вещей. Да я тебе рассказывал.

— Но на этот раз, Витя, у тебя уже есть матрос. Эй, матрос, возьми меня юнгой.

— Не возьму, — набычилась Лиза.

— Отчего же?

— Ни от чего. Нам таких не надо.

— А каких? Как Витя Которгин? Против Вити не тяну. Он прожил в браке семнадцать лет, я только семь.

— Так ты думаешь, это реалия? Леша, ты крепкий, может ли слабая женщина погубить твою могучую статью? Мистика.

— А как? Я раньше вообще не болел. А тут как пошли хвори мучить: и сердце ноет, и почки жуют, и спина в разлом пошла. И башка чугунная, ничего не помнит, и... Этот последний случай тоже. Я слышал, что собака воет, как сирена. «Скорую помощь» — сам не знаю, как вызвал. До «сдохнуть» оставалось совсем немного. Но она уехала, и я свой диванчик спокойно унес на помойку, еще старинный был диван, большой. Только боюсь, что сухожилия она тоже задела.

— Кто она? Ты что? — дрогнул Которгин.

— Ну, бритва, бритва прошла по сухожилию. Но парус я смогу держать, не бойся... Ласточка, дашь парус?

Ласточка сладко спала, держа в руках колбасную скобу.

— Не надо бы килограмм-то целый ребенку. Живот заболит. — Леха осторожно взял колбасу и укрыл Лизу.

Так началась регата. Так начались приключения Ласточки...

— Возмутительный случай. Как у нас говорят, стряс, — Леха взял сумки и поставил на цементный пол кафе.

— С регатой все хорошо, пора и в обратный путь. Возмутительно другое...

— Что «Ласточка» не первая пришла? — осведомилась Лиза с набитым ртом. — Или что?

— При чем тут это! Ты, ты меня невлюбила. Ты у меня единственная женщина, которая не согласилась в первые десять минут.

Лиза перестала есть.

— Я вам не подхожу. Я выше всех в классе.

— Я не собираюсь с тобой за одной партой сидеть! — Помолчал. — Вспомни, как я изгибался на палубе, досочки драил. Хотел выслужиться. А ты?

— А я вас толкнула в воду.

— Вот это и запомни. Возвратимся в яхт-клуб порознь. Я приношу поклажу, приношу извинения и еду берегом, ясно?

- Вот папа расстроится.
- Ничего, переживет. Если я останусь, то он расстроится больше.
- Как это?
- Так. Меня опасно вводить в семью... Волга большая. И по всей Волге живут у Лехи Камышина дружки... Ешь, говорю.
- Вашу замечательную лодку надо бы назвать не «Ласточка», а «Зажротка-2». У вас политика жратвы на первом плане.
- Вы, что ли, серьезно?
- Нет, нарочно.

Дядя Леша Камышин исчез с борта «Ласточки» так же вдруг, как и возник. Снялись с якоря без него. Отец вздыхал и отмалчивался. Лиза испуганно смотрелась в мутное кубриково зеркало, трогала себя за уши, за щеки, за грудь. Разве это грудь для женщины? Складка на тельняшке. Потом села на корточки, деловито порылась в продовольствии, задумчиво откусила огурец. Зажротка? И выронила все...

В Ольинске папа Которгин отпустил Лизу только в магазин — туда и назад. А Лиза нахмурила ровные бровки и взяла курс прямо на яхт-клуб. Никто не видал Камышина? Никто. Может, на баркасе? Да нет, это пивнюшка, вон там, за станцией. Да нет, не там... Отвечали лениво, спросонья, потому что было еще утро. Лиза побродила среди тех лодок, которые стояли на ремонте. Потом вышла к какой-то развалине без мачт. Интересно, как туда входят, если сходни в воде? Завернула штанцы, пошагала по воде, взобралась на ломаные сходни. Кругом был развал, и бочки катались. Войдя в полутемную конюшню, скривилась от перегарного духа. Там человек двадцать спали в разных позах. А некоторые даже по двое и в обнимку. Притон какой-то. Она постояла, постучала босой пяткой о ящик. Кто-то закашлял, кто-то зевнул.

— Доброе утро. Начинаем пионерскую зорьку, — звонко сказала смелая Лиза.

— Доброе утро, пионерка. Тебе кого?

— Дядю Лешу Камышина.

— Подъем, — засмеялся кто-то. — Ну, чей это еще может быть луч света в темном царстве? Только Лехи...

Все зашумели, затрещали досками, а через десять минут в конюшне никого не было, только Леха Камышин голый по пояс, в каком-то жутком трико, как дикий запорожец, целовал Лизу.

— Ласточка. Пионерская зорька. Господи...

Потом прервался, выбежал на палубу и закричал:

— Мужики, дайте срочно джинсы. Мне в ЗАГС надо...

На «Ласточку» Лиза приплелась только к обеду. Говорить про дядю Лешу ничего не стала. Вечером они пришли в родной городок, поставили «Ласточку» на прикол и вернулись домой. Неделя регаты кончилась. Начиналась обычная жизнь, в которой ничего хорошего не ожидалось. Папе Которгину было пора на работу, а Лизе ехать в Москву подавать документы. Мама за три дня собрала ей сумку, записала адрес тетки и проводила Лизу на самолет.

— Что ты так торопишься? Экзамены не завтра.

— На курсы пойду, — уныло ответила Лиза. — У меня с математикой фигово.

На курсы она поехала прямо после аэропорта. Курсы располагались в старом каменном доме на Красной Пресне, в коммунальной квартирке на пять хозяев. Так называемый руководитель курсов, бородастый мужчина в тельняшке, обняв абитуриентку за плечи, показал расположение удобств и объявил кухонной пожилой красотке с папироской:

— Лиза моя приехала поступать. Прошу во всем помогать! Несете личную ответственность.

Красотка томно улыбалась руководителю.

— Вам такие нравятся? Она тоже была вашей? — глупо спрашивала Лиза.

— Ни-ког-да! Зачем мне эта кастрюля?

Но он говорил так обо всех прошлых женщинах. Так что можно было не спрашивать! На другой день они отвезли документы в институт и катались на американских горках. Смотритель все перекрикивался с касиршей, потом пошел недоплату выяснять, а на Камышина оставил обслуживание. И тот не остановил эту штуку ни на минуту. Все продолжало ползти и грохотать, пока смотритель не пришел... Лиза смотрела на него, выпучив глаза. Потом поехали и они. Он пристегнул ремни намертво, а когда кабинка прошла апогей и полетела в пропасть, она крикнула дурным голосом. Услышала его веселое «не кричи» — и руку под юбкой. И от этого крикнула гораздо сильнее... Вот как подкрался этот хитрец!..

Так и понеслось вскачь. То в небо на американских горках, то на землю в дорогой ресторан. То в Сокольники — и пиво с раками, и чебуреки есть целый день, то двое суток голодом, не вылезая из постели. То в пропасть на спину, то над ним в самый потолок. То два часа мертвого молчания, неслышных девочкиных слез, то целую ночь песен, с перерывами на любовь. То перигей, то апогей. То километры по ВДНХ, по чешской ярмарке, в громкой жаркой толпе людей, то часы в пустом планетарии, где Леха нашептывал рокошущу про созвездия, а потом посадил себе на колени, прижал и... До обморока. То на ипподром в адский дождь. Тогда же, посинев от холода, они вдруг остановились как вкопанные перед финскими сапогами...

Залюбовавшись на ее нечеловеческую зависть, Камышин тихо заплатил деньги и стал мерить, присев на корточки. Подставив коробочку, он вытирал носовым платком ее красные ледяные ступни и помещал, как статуэтки, прямо в белое финское нутро. И продавщица, кутаясь в прозрачный упаковочный кокон, неслышно плакала — не то от радости, не то от внезапной прибыли, не то от привычной утраты.

И поплыла по московским улицам великолепная Лиза Которгина, в черной промокшей американской футболке и белых финских сапогах, жуя на ходу фисташки и цыпленка-гриль. И текли по ветру, как по воде, ее тонкие шелковые волосы, и, изумленные, застыли кверху ровные бровки. Что она понимала в жизни? Когда так называемый руководитель курсов, он же Леха, заглывая школьницу, как питье в жару, бормотал «жизнь моя», «пионерская зорька», — она же верила! Месяц пролетел незаметно.

Математику только сдала на три, а остальные вообще прилично, подготовка сказала. Как-никак Лиза была профессорская дочка, и аттестат у нее был без единой четверки. По всем предпосылкам она экзамены сдать не могла! Но сдала. Без курсов. Потому что ничего не учила, не стра-

дала, икру не метала. Что всплыло, то и всплыло. Лиза ошалела от безнаказанности.

— Давайте скажем папе. Маме нельзя, а папе можно. У него тоже есть девочка.

— Все равно нельзя, я не поеду, не такой я подонок. — Леха разглядывал свою записную книжку и похудевший бумажник.

— Да почему же подонок? Я же сама решила на обратной дороге...

— Потому что меня ввели в семью, а я нагадил! «Но ломать тебе жизнь я не стану... Приставать я к тебе перестану...»

— Нет, не сломали, а...

— «Нет, не к морю хочу я, не к югу, — зарокотал над гитарой Леха, — а хочу я уйти босиком! В синий край, есть холодную клюкву, чуть покрытую хрупким ледком...» Завтра мы купим тебе билет к папе Которгину, чтоб ты смогла его порадовать. А потом я поеду в город Мирный на работу, а ты останешься в Москве.

— Что же я тут буду делать? — слезы брызнули с Лизы, как дождь со смородины.

— Кружить в вихре вальса! У тебя будет много е... мальчиков.

— А в город Мирный...

— В город Мирный ты приедешь после института. Я к тому времени перестану быть перекасти-подем и начну с тобой счастливую семейную жизнь. Вот как сейчас.

— Ну... Когда это настанет...

— Скоро, жизнь пролетает незаметно. Вот не успеешь съездить к папе, как тебя отправят на картошечку. Не успеешь вернуться — экзаменки. Не успеешь сдать — институтик кончился. Не успеешь оглянуться — у тебя двое детишек.

— А у вас?

— А у нас в квартире газ. Я все успеваю. Я, Лизанька, шустрый. Включаю с экспедицией, скважины бурю, если геологи чего найдут, а то прокладываю линии вдоль дорог. Денежек заработаю. А как отпуск — у меня хождение за три моря. В Европе был, на Канарах. А в этом году у меня облегченный вариант. Круиз по Волге.

— Так всю жизнь и бурили?

— В каком-то роде да... Да! Если не считать американских горок, сапожного дела, столярки и театра.

— Какого театра? Ну, уж тут вы слишком...

— Нет, зачем. Когда у меня начиналась тихая семейная жизнь, я не мог шляться по заграницам. Я приезжал домой и шел оформляться плотником сцены. А там случилось и поиграть. Не первых любовников — эпизоды. Я фактурный, инструментом владею, видишь? А в финале, где ликует русский народ, я шел со своим сыном на шее. Супруга торжествовала... Ну ладно...

— Вы, Алексей, прожили до меня целую жизнь, — затуманилась Лиза, — и неужели ничего лучше...

— Да, не было там ничего! Ничего, кроме потерь.

— Наверно, вы слишком тратитесь... Не для себя живете.

— Ой, ради бога. Я не знаю, куда растратиться так, чтобы ничего не осталось. Уж, как только в распыл ни шел... Да все не то! Все равно что гонишься за блоковской незнакомкой, а настигнешь — весь огонь в утробу гулящей девке...

— Ой, Алексей...

— Ладно-ладно... У нас есть еще ночь. И почти два дня! Иди сюда. Глупо заниматься самокопанием, когда в твоей комнате занимается пионерская зорька... «Пять чувств кормил всю жизнь я до отвала! Шестое чувство вечно голодало!» Гийом дю Вентре — не слыхала такого, Ласточка?

— Поэт какой-нибудь? Как вы их запоминаете?

— Из-за метели. Метель долго не кончалась, а кроме Гийома, никого не было в вагончике. Это такой ехидный француз. Он выдавал себя за приятеля Генриха Наваррского, а на самом деле...

— Ну подождите. Когда вы так делаете, я же ничего уже не понимаю... Ой...

— Да и черт с ним, с дю Вентре... Ты вот так подвинься...

Пари, пари, как ласточка...

Они парили и плыли, из апогея в перигей, и обратно, и дальше по кругу, ведь когда есть орбита — это неостановимо, их обнимала вода времени, как на водохранилище в Химках, где они готовились к экзаменам, питаясь случайными пирожками и пивом. И они питались друг другом, пропитывались насквозь, потому что после пива не хотелось пива, а после друг друга этого хотелось сильнее.

Лиза даже не успевала подумать, что у нее должен быть стыд, она только помнила, что спихнула, спихнула его тогда с лодки и могла бы в жизни больше никогда не увидеть. Поэтому она торопилась исправить ошибку и, исправляя ее, чувствовала радость, как прощенная двоечника. И шрамы на его руках хотелось целовать, казалось, так быстрее заживут. Но она, конечно, не знала, что от нее у Лехи заживают не только порезы на руках, но и вообще все... А порезанный бритвой Камышин вел себя хорошо, особенно, если исходить из кодекса «ни одной не упускать» и из шестого чувства дю Вентре — тоже. Это самое шестое чувство уже потихоньку тянуло его в синий край, есть холодную клюкву и кормить комарье. Но пока он, выплывший из смертной глубины, лежал на солнечной глади, качался и вертелся в ней мячом. Ему казалось — вот он, апогей радости, он всплыл и теперь на самом вершине жизни. А что это за поверхность, что это за жизнь, если он «всплывал» из одних трусов в другие, — над этим думать не хотелось. Он давал то, что просили, хотя и чувствовал, что в общем-то бабы — народ ограниченный, а то, что оставалось в нем, не востребовано никем — он про то и сам не знал... Было ли оно вообще?

Когда тебя солнце палит и сжигает, а потом дорвешься до прохладной толщи: качка — будь здоров. И выползешь пьяный совсем, но такой чистый и гулкий, что слышно шум крови в каждой жилке. У него много крови утекло в диван, в никуда, может, в Риммулю. Конечно, она не могла его отпустить, она же питалась им; ну вот и оказался сухим до доньшка, так что ничего удивительного, что, начерпав новой крови в Волге и в Химках, он услышал посвист ласточки. Ничего не спросила ученица десятого класса, ничего не испугалась. Она такая же природная и водяная, как он, рак речной, только в водной среде и может жить. Это же прекрасно, что она ничего не понимает, что не подходят друг другу, что разница в росте и возрасте, что перекаати-поле не мед, что придется в лучшем случае обживать деревянный дом на Парковой, травить тараканов и знакомиться с таежными камнями, черемуховой Альбинкой или даже черненьким, как жук, сыном Ерусланом... Бабка же даст его хоть на месяц обнять... Нет, нельзя этого ничего... Там была Риммуля, это

все ее зона, она еще вернется... Ведь был же случай, когда она нашла их за городом, раздувая тонкие ноздри от гнева. И стояла перед шалашом и чехостила их с Ерохиным за побег и бутылки! Они трое суток лазали по лесу, прикинувшись грибниками, это был повод поговорить раз в год основательно про камни из экспедиции, про тяжелые пророческие сны, про Енькины картины и болезни, про Лехины уходящие силы и космическую подпитку, про то, как все это связано. А пока Римма проверяла, нет ли баб, они с Енькой моментально вырубались и заснули. Вот как она умела качать энергетiku. Ласточке туда нельзя никак... Ее вообще некуда девать.

— Смотри-ка, уже ночь. Мы опять в магазин не сходили.

Ласточка засмеялась.

— Скоро утро, светло будет. Сходим.

Он вздохнул.

— А пока не открыли, я в ванную, а?

— Что ты все бегаешь в эту ванную...

— Так вся же мокрая...

— Дай поцелую мокрохвостую. Только не кричи, если сильно...

Лиза зажмурилась, выгнулась... Ой, невозможно, слишком сильно достал... Неужели она вытерпит? А когда через полчаса вернулась из ванной и никого в комнате не увидела, то уже правда не вытерпела, закричала. Достал... сильно.

* * *

— ...Знатного бурильщика, бригадира шестьдесят третьей бригады Камышина Алексея Матвеевича. И прошу поддержать мое предложение, потому что у него доверенных лиц пока еще нет, а два участка на трассе уже за него проголосовали. Не мне за него агитировать, поскольку он с вами проработал не одну экспедицию и человек безотказный. Вы его знаете ой-ей-ей.

Красный как рак Леха Камышин, в дорогом костюме, смотрел в черное окно барака и молчал. Лес рук! Главное, все заодно, а?

— Мы, конечно, за. Но как же проходка? Не закончили проходку, Алексан Сеич.

— С Перепечко кончите.

— С ним кончишь. Наутро после семидневного запоя.

— Может, пока идет предвыборная кампания, он еще поработает?

— А не надо, мужики, меня выбирать, — востепенулся Леха. — Я по коридорам не могу ползать, какой я депутат. А трансформатор старый, ломается. А я новый достану.

— Нет, Алексей Матвейч, не дергайся. Ты привык смотреть не дальше носа. Смотри шире. Сейчас какое положение в области? Никаких ресурсов. Договоры не заключены. Развал. В магазинах ничего. Мэр с губернатором в полной дисгармонии. Нам надо Думу усилить такими, как ты.

— Кому вам?

— Нам всем, народу. — И поправил благородные седины.

— Вы, Алексан Сеич, хоть и главный инженер управления, но еще не весь народ.

— Чего ерепенишься? Народ свое слово уже сказал. Поздравляю. Еще два участка, и половина голосов твои.

— А вы?

— А я по другому округу. И не первый раз замужем.

Бригады, трещка хлипкими креслами и грохоча матерными анекдотами, стали расходиться. Леха вздохнул и тоже встал. Идти одному, без страховки, через болото, да на ночь глядя? Вот, кажется, увяз, как никогда... Картины недавних таежных будней заслонили от Лехи стол с красным бархатом, бригады...

Бульдозерист у них был пожилой и совершенно железный человек. У них все ребята были железные, но в тот момент все уехали на праздники в поселок, остался бульдозерист, его молодой напарник и мастер. Быстро все выпили, и пришло в лихие башки все то, что приходит людям, когда не хватило: надо сгонять в поселок и затариться. Бульдозерист с мастером стали спорить, кто меньше пьяный; мастер сказал: щас принесу тебе то, что ты днем искал, не нашел, я впотьмах найду. И вышел. А бульдозериста заело такое, он выскочил, завел бульдозер, развернулся и погнал. И очень радовался, что сейчас, пока мастер шарится в кондейке, дурак, уже и спирт привезен. Будет за что выпить... Приехал затаренный, напарник спит, а мастера нет. Ну и хрен с ним! Выпили, попели. Где же мастер-то, неужто допустит, чтоб без него все выпили? Вышли с напарником на территорию, глаза продрали, светать уж начало, а мастера нет нигде. Напарник говорит: «А что там у нас валяется у леса, опять стекловата, что ли?» А бульдозерист: «Подумаешь, стекловата, студентов на практику пришлют — они приберут». Пошел, а это куски мастера растянулись на том месте, где он разворачивал бульдозер. Выбежал мастер до ветру, а назад не пришел. Так они сели, сидели, пока день не настал, пока радист не приехал из поселка да милицию не вызвал. Бульдозериста увезли, от мастера что осталось — схоронили, Леху поставили за обоих, несколько смен за них отмахал, чтобы дело не встало. Леха сел на бульдозер, самому же пришлось и за горючим отправляться. Пока ездил, оказалось, что надо вместо мастера в управление по сырью-материалам. А там главный инженер: ты, мол, нам и нужен... В конце концов, что он сделал не так? Он, по крайней мере, никого бульдозером не крошил. Наоборот, ложился пластом, чтоб помочь. Допомогался! Идешь людям навстречу. Заходишь очень далеко... Ну, если вы хотите так, пошел во власть. Слышали, н-народ?

Неизвестный художник Еня Ерохин был в неловкости, потому что оставил у Лехи в квартире много холстов, бутылок и разного барахла. Он поднял к ушам остренькие плечики и обхватил себя длинными ладонями за голову. Он был, как лемур, маленький, большеголовый, с глазами в разные стороны. И он не знал, что сказать Лехе, который уехал навсегда и вдруг зашел...

— Ты что, Енька, заболел? Или ты меня не узнал? Я так изменился за какие-то два года?

— Нет, Алексей, почему не узнал. Да я вот насорил там, у тебя, а теперь настал ночной мрак. Ты оставайся у нас нынче, я утром там все... улажу.

— Чем ты мог насорить? Красками? Ерунда.

— Нет, я нехорошо насорил. Давай оставайся. Я, правда, унес туда свой тюфяк, мы ляжем на полу, мама постелет. Иди на кухню. О, да у тебя в сундучке-то. Ты стал богатый?

— Я разве был бедный когда? Ни-ког-да. Енька, ты там бордель устроил, признавайся?

— Ну... немножко. А ты... совсем вернулся?

— Да вроде. Наливаю... На площади буду сидеть, на пятом этаже.

— Ух, ты. Вкусное... Но там же правители.

— Да я нечаянно, Еня, я не хотел. Веришь, весь, как в дерьме, в этих выборах. Народ вроде выбрал.

— Так это я, что, за тебя, выходит, голосовал?

— Енька! Ведь ты знаешь, как меня звать-то. И биография там была.

— Да ведь я не читал. Я думал, вот друга моего лучшего так звали. Только не знал, так ли тебя по отчеству.

— Енька! Мне хреново совсем. Надо помочь, говорят. А меня выворачивает, противно... Я ж другим — всегда готов в лепешку. В чем дело?

— А если тебя просят невозможное? — Еня мягко, ласково улыбался. — Ты же не свят Бог, чтобы все уметь? Невозможное даже.

— Да нет такого.

— Как же нет. Вот я хочу картину нарисовать небывалую. Какой нет еще на свете. Значит, я хочу того, чего нет. А я того сильнее жажду. Остается ждать да молиться.

— Так что ж, мне тоже молиться? Не вкалывать? Само упадет?

— Зачем же кричать с такой злостью? Эдак ты не просишь, а требуешь. Оттого еще хуже будет.

— Еня, а ты никогда не злишься? Я вообще-то тебя знаю, ты добрый. Но неужели никогда?

— Нет, не злюсь. Если озлюсь, меня карать начнет и я не вынесу... мук.

— Значит, у тебя смирение. И ты ничего, кроме картин, не хочешь. И тебе дается... свыше?

— Не знаю. Я при своем здоровье давно бы умер, но живу непонятно как. И рисую еще чего-то. А мог бы всю жизни в койке пролежать прикованный. Милость какая ко мне! И к тебе, Леша, милость. Не помнишь?

— Да было вообще-то. Ну я, наверно, просто везун.

— Да нет, не так просто. Ты из тайги камни нес, не умер неделю без еды. Так? Так. На шатуна напоролся, он тебя не тронул. Кровью истек на своем диване, а спасли тебя. Ты ведь должен радоваться. Девчата любят тебя, хотя, может, это тоже испытание...

— Тебе бы таких испытаний, а, Енька? На Волге одну встретил, Еня, друг мой сердечный... Это не девушка, а росное утро.

— Да ведь ты и ее бросил, Леша. Плачет небось тоже. Ты бы ее с собой взял, приголубил...

— Где, в Мирном? Или в тайге возле буровой вышки? Среди матюгов? Хотя саднит нутро. Я писал ей, не ответила...

Пришла хмурая Енькина мать с дежурства в больнице.

— Опять пьешь, Еня? Бог накажет, гляди. Я не в силах... Настало время каяться, а ты, Еня, все пуще грешить... Опять некуды ложить в больницу! Некому вступить за нас, грешных. А это кто с тобой? Снова спонсор какой, прости Господи, зашел?

— Мама! Да глянь же ты!

— Теть Ань, это я.

Она встала, заперевирала губами. Мотнула головой.

— Лексей, миленькой. Со спины широкий ты, как спонсор, — тонко

произнесла, сдавленно. И обнимать его, как травинка вокруг пня. — Ить как начнет Енька квасить, так все, никшни. Мол, спонсор это, угождай. А они заберут картины, напоят и геть отседова.

— Деньги-то давали?

— Куды деньги! На спертизу, мол, сначала надо, а где она, спертизы нет у нас.

— Не плачь, тетя Ань. Чего-ничего придумаю. Я в апогей вхожу. А, Енька?

— О, я не знаю. Если тебе слишком трудно, значит, не так, не туда пошел. Всевышний тобой правит, а ты не слушаешь...

Леха Камышин еще долго не мог зайти домой и посмотреть, чем насорил Енька. Он, как депутат, сразу поехал по районам смотреть телефонные сети, потому что ему достались печать и связь, а в администрацию пришла угрожающая нота от иностранной фирмы по поводу ухнувших средств. Сидел три часа у мэра, мэр про что угодно говорил, только не про сети. Тем временем Леха сходил к директору музея и спросил заключение о работах Ерохина Е.Д. Директор оказался в курсе и сказал, что это редкий автор с неканоническим цветоощущением, только эклектичный. Трудно жанр определить. Что две картины уже музей приобрел, но денег больше нет, вот если бы отдел культуры вмешался... Леха пришел в отдел культуры, а там сидели хорошо одетые высокомерные женщины. Он понял, что тут будет работать как рыба в воде. Он сказал им пятиминутную речь о народном творчестве и плотно закрыл дверь к начальнице. Как и чем он ее убедил, в приемной не видели, не слышали, но зато деньги для музея были перечислены. Через неделю там открылась персональная выставка, и робкого Еню в белой косоворотке снимало телевидение. С больницей оказалось хуже. Сданный несколько лет назад роскошный корпус пошел под реабилитационный центр афганско-чернобыльских дел, а вся областная система томила в клетушках. И пока Леха ужимал центр до одного отделения, а хирургию и кардиологию переселял из клетушек, на него стеной пошли афганцы. Они написали ряд статей и собрали подписи. Много подписей. Ночью кто-то поджег дом на Парковой, и тут Лехе пришлось поехать посмотреть, как он живет. Самое странное оказалось в том, что дом весь почти сгорел, а лестница наверх и Лехина хата остались. Леха с Енькой аккуратно туда вошли и все перенесли к Еньке. Особенно камни. Но это неважно. Он и тогда в экспедиции еду выбросил, камни понес. Из-за них и он цел, и хата цела... Один самый маленький камень он положил в карман. Отобрали двухкомнатную квартиру у скромного труженика коммунального хозяйства, отдали Лехе. Тут же пошли жалобы, посыпались анонимки... Леха отказался от квартиры и заночевал в гостинице. После визита на переговорную станцию взорвалась во дворе Лехина машина, административная «Нива», еще даже не оплаченная. С мэром утомительно было возиться.

Добился после долгих мытарств приема у губернатора. С пеной у рта рассказал о том, кто и как принимал участие в реализации иностранного проекта. Часть ухнувших денег он обнаружил, а часть могла просочиться в госструктуру, ведь проект размещали на уровне администрации. У губернатора сидел тот мэр и первые люди Думы. Вопрос был ясный как белый день, и губернатор вздохнул.

— Ничего нового вы нам, Алексей Матвейч, не сообщили. Коммер-

ческие структуры будут наказаны. А в остальном ваши домыслы не поддерживают никакой критики. Что значит «могли просочиться»? Документируйте как-то свои слова.

Леха видел, что у него нет ничего против переговорной и это счастье для губернатора. И если начать документировать, то будет что-то страшное.

— Хорошо, я привлеку соответствующие органы.

— Увы. Для этого нужны основания.

— А машина? Вы, что, не понимаете, что это силовое давление?

— Это всего лишь личный вопрос.

Алексей Матвейч вышел из кабинета губернатора и пошел вниз по коридорам власти. Его корежило во все стороны. Он же бурильщик. Но он никак не ожидал, наивный, что его глубокое бурение тут ни к чему. Его народ, видите ли, попросил. Ну, н-народ... Лучше бы тогда поехал доставать трансформатор. А? Он бы достал его, привез, они бы обмыли его всей бригадой и за несколько дней закончили проходку. И как бы тогда на душе было легко, а то ведь, Господи, как проститут какой идешь. Баб тут у них полный дом, только заходи, бери на выбор. Бордель устроили на высшем уровне, ничего не скажешь, не придерешься. Одеты, благоухают, завитки-ноготки, все в высшей степени... И ни одной похожей на девочку с Волги. Легкая моя девочка, воздушная, ненакрашенная. Волна речная, пионерская зорька. Не после нее ли он потерял ориентацию и сорвал резьбу? «Моя дорогая, не ты ли, не ты ли последнею каплей была...» Показался себе всеильным и полетел с катушек долой... Может, Еня прав, и он полез не в свое дело?

Алексей Матвейч понял, что опять тонет, но уже не во сне. Что тот сон или бред был предупреждением. У него все получалось всегда просто. А тут не получилось ничего, кроме позора. И он потерял равновесие. За ним беда прямо по пяткам пошла. Еще недавно собирался в «деревяшке» ремонт сделать, а она уже сгорела. Только сел на сиденье «Нивы», а уж она распалась на детали. Что касается личного... Пришла пора проведать Альбинку. Он раньше подсознательно себя накалял, не боялся съехать крышей, ведь она всегда была рядом. Она его всегда понимала. Он отлежится у нее, не в гостинице, не в новой хате, где его любой найдет, не крикнешь. А у нее, в задрипанном частном секторе, в заросшем сиренями дворе... Вошел со своим ключом, как когда-то, на кухне обнял сзади и целовать, целовать. Она всегда дома, когда требуется, всегда разнеженная, сонная, бело-розовая, черемухка такая... Сколько бы лет ни прошло! Вот на какой жениться нужно... С такой яростью ее целовал, так судорожно прижимал к себе, что не заметил, что она, как ни дико, сопротивлялась. Что такое, реветь? Еще новости.

— Ты чего, черемуха?

— Любила... — шепотом.

— А теперь? Попрошло? Забыла?

Не ответила. Он пошел в комнатку и увидел. Там была картина с голлой смешной Альбинкой, которая ехала на крыше вагона на своем лоскутном покрывалке. Недалеко она уедет. Так ей и позволили...

— Это Енина работа? Чего молчишь?

— Боюсь.

— Боишься, хорошо. Он тоже боялся, что я пойду к себе домой в тот вечер.

Это и был мусор, который он прибрать не успел. Понятно.

— В общем, я останусь у тебя пока, а завтра придумаю, что с вами делать, ага?

Но он понял, что ничего с ними не сделаешь. Он даже не лег в Альбинку — пуховую перинку, а на топчан в кладовке, где она белье гладила.

Никогда не задумывался Камышин, что стало с теми, кого он бросил. А тут задумался, и оказалось, что, когда он их наконец бросает, начинается у них нормальная жизнь. Альбинка, конечно, пошла потом к нему на Парковую, а там Еня такой блаженный, весь в картинах, в молитвах... Она была в горе, а он ее приголубил.

— Так или нет было дело? — окликнул он в темноте Альбинку. И она опять ничего не сказала. Плакала, плакала, как ненормальная. Только зацвела, опять заломали. Он утром опять поехал на новую АТС, куда пошли страшные миллионы и миллиарды. Толстый веселый начальник по фамилии Вэн рассказал ему много интересного о том, как приходили контейнеры с импортом, а ставить надо было сразу, прямо ночью занимались монтажом, иначе наутро уже нечего было монтировать. Сначала даже прошляпил несколько контейнеров, подписал накладные, а ящики тю-тю. Сказали — в районы, только в какие? Хотели из него перевалочную базу сделать.

— Слушай, Вэн, давай мы тебя посадим. Для сохранности.

— Не надо. Я им тут нужен. Да ты пока убедишь их всех. Это тысяча и одна ночь. Губернатор не разрешит никому против.

— А что так? Уверен в честности междугородки?

— Его без нас уверили — будь здоров. Как будто сам не знаешь.

Камышин не знал. Вьетнамский добрый начальник опять вернул Алексею Матвейчу веру в людей. Посмотри-ка, не все ведь такие бульдозеры... Есть нормальные мужики, которые не делают из тебя идиота, не пинают, им нечего скрывать, даже папки с документами в руки дают... Даже началось какое-то просветление. Все везде было глухо, ватно, и на тебе — забрезжило. Камышин пошел проникаться движением основных средств — и за голову схватился. Это ж месяц надо сидеть, да не одному, с бухгалтером. Неужели губернатор не в курсе?

Через два дня начальник строящейся АТС — веселый Вэн — скончался от сердечного тромба. Камышин оцепенело поехал на похороны и ему казалось, что все родственники, дети, друзья, — все смотрели на него, как на фашиста. Зря поехал хоронить! Никому не помог и сам засветился. Белый свет перевернулся в глазах Алексея Матвейча. Мелкий дробный дождичек делал лица и землю свинцовыми, жирно блестящими. По вьетнамскому обычаю в грязь густо сыпали мелкие деньги. Духовой оркестр сдавливал уши и горло, хотелось орать от этой сдавливающей боли, но все онемело.

И вот когда он вышел с кладбища, два низкорослых восточных мальчика в очках его достали и насовали рожей в глину, ногой в пах. Видно, было указание не убирать, просто извалить — типа «не лезь, куда не надо». Он приполз на карачках в гостиницу и долго лежал без движения, зажав в кулаке свой камень. После побоев, от пульсирующей боли сверху — ему стало легко внутри. Вскоре областная газета напечатала мелкое извещение о лишении Камышина А.М. депутатских полномочий. Мол, собрались трудовые коллективы такой-то трассы и отозвали товарища, который не

оправдал их надежд. Всего полгода жевали коридоры власти. Наконец выплюнули.

Тогда Алексей Матвейч в полном недоумении взял водку «Московскую», пошел на городской рынок, сел у забора на ящик рядом с седеньким нищим в соломе и стал петь под гитару. Ему казалось — так переполнен, что рванет, ой, как рванет. Хотел успеть что-то выкричать. «То скользну под горку юзом, — вспомнилось ему, — то по рытвинам, ну куда с таким-то грузом, может, выкинуть? Широка душа бродяжья, без обочины. Так и сгину мимо каждых, между прочими...»

— Глянь, е-мое, депутат.

— Да вот, мы его выбирали, верили, а он...

— Столько обещал, падла, ничо не сделал. Все они такие. — Стали кидать в него огрызками да всякой дрянью. Он подумал, а что, долго будут кидать? Отряхнулся. И дальше запел. У него под глазами были мешки после кладбища, но он бодро держался. Отхлебнул из пузыречка — и дальше. «И губы от имени бога устали, и воля смертельно больна... Моя дорогая, тогда не тебя ли я выпил из фляжки до дна...» И пояснял походу дела:

— Это сочинил не я. Это парень один на трассе Уренгой, звали Андрюша. Двадцать почти песен его знаю, сразу схватил, а фамилию — нет, не помню. Может, слышали?

Услышали или нет, но перестали кидать. Он дальше пел. Часов шесть. Он много песен знал, голос был, инструмент тоже. Стало темнеть, осенью подуло. А он в костюме... Кто разошелся, кто стоял, человек пятьдесят, может, сто. Сторожу ворота рынка не дали закрыть. Это родной ведь город. Был. Его тут все знали. Ну на что он надеялся? Что придут «супруги Ерохины», тетя Аня, Алексан Сеич, плотники из театра... И что? Обнимут за плечи и уведут? Но никто никогда не скажет тебе спасибо, даже если сделал что хорошее. Ведь ты не ради этого рвался. А ничего хорошего Камышин и не сделал, не успел! Хотел, видите ли, но хотеть мало. Теперь поздно. Куда теперь? Есть только одно место на земном шаре, куда бы он приполз перед смертью. Это не какой-то райский оазис, это просто бетонная московская общага... Там живет одна пионерка, которая умеет ездить на американских горках в финских белых сапогах. Она ему дверь фанерную откроет и закричит, а он ей скажет, что вот и все. Мол, правда, я быстро сходил в магазин?..

«Мне не выплыть, — думалось ему. — Я уже не на плаву, на дне. Уже не поднимусь». В окрестных дворах завывла собака нечеловечьим голосом. Совсем так же трубно, как тогда, когда умирал после развода... Над его головой колыхалось что-то темное. Надо наверх. Ведь рак же водяной, плавучий...

— Пьяный вроде... — говорили зеваки. — Может, вытрезвуху вызвать?

«Прощай, вот уж кровь загустела, как камень, — беззаботно пел Леха, — и я, холодея, пойму, что там, где до дна не достанешь руками, последний глоток ни к чему...» И смотрел, кидают мусор или нет. Но нет, утихли. Денег зато — как нищему накидали. Полный целлофановый мешок смятых денег. Ну, кто его поймет, народ этот? Н-ну, народ...

Так с этим мешком, с песнями, избитый и ушел. И больше его здесь никто не видел. Даже Ерохин, его близкий друг, приголубивший чужое счастье. Ведь для него Леха Камышин оказался слаб в своих мыслях, а

потому и в своих деяниях. Успех, как казалось теперь Еньке, все равно пришел бы к художнику своим путем, никакой Леха Камышин судьбу не заменит...

Путь же самого Камышина неисповедим, как бы его душа ни принадлежала Господу. В тот момент, когда он решил, что пропал, его уже уносило в иные сферы. Его высшие силы уводили от этого места, от этих людей — к себе... Упование на добро легко оборачивается злом. А дух еще не окреп, а молодость бушует, и «партбилет любви оказывается пробит навывлет», и наши ласточки витают в кругах ада... И приходится вспоминать старые старты, даже если сгорело все, кроме лестницы. Но пускай хоть она-то цела, хоть одна ступенька, шагни. Это и будет начало подъема. Выход из перигея.

***Валерий Владимирович Голев** родился в 1961 году в городе Эртиль Воронежской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское училище. Служил штурманом на подводных лодках на Тихоокеанском флоте. Капитан-лейтенант запаса. Ведет большую военно-патриотическую, воспитательную работу. Поэт, прозаик. Печатался в региональных изданиях и альманахах. Автор многих книг прозы и поэзии. Живет в Чебоксарах.*

Валерий Голев

ТАКАЯ ЖИЗНЬ

Рассказы

“У Фазиля Искандера — юбилей. Его перестроечную повесть «Кролики и удавы» сразу же разобрали на цитаты»...

Слушаю новости по радио, пью негазированную минеральную воду и пытаюсь работать с текстом, который начал писать сразу, как только пришел в сознание.

Пока с цитатами плоховато выходит. В народном употреблении их до обидного мало. Узок круг их счастливых пользователей. И в уме сейчас всплывает только: «Что такое генерал-лейтенант по сравнению с величием природы!» Это — Ярослав Гашек.

Кстати, генерал-лейтенант — сухопутное звание. Оно соответствует морскому званию вице-адмирал. Вот с этого, пожалуй, и начну свой рассказ, который так и просится с кончика пера.

Вице-адмирал Рязанцев командовал отдельной дивизией подводных лодок Военно-Морского Флота. Дивизия запряталась в укромном медвежьем уголке, среди мысов Японского моря, сопки и тайги, напротив острова Хоккайдо.

— Жаль, штурман, что уходишь на гражданку. Поверь, тебя там никто не ждет. Здесь ты — один из лучших специалистов, уважаемый человек с безукоризненным послужным списком, с репутацией высочайшей пробы. А на гражданке

тебя никто не знает. Все нужно начинать с нуля. Здесь мы тебе поможем с учебой — на высших офицерских классах, в академии. Будешь флагманским штурманом. Получишь очередные воинские звания. Все — предсказуемо, все — по плану.

— Товарищ комдив. Спасибо вам на добром слове. На берегу я служить не умею и не люблю: все эти годы я из морей не вылезал. Если в море уже нельзя, то такая служба мне ни к чему. Да и долго я не протяну. А рядом с родными, может, и приду в меридиан.

— Что ж, прощай!

— Прощайте, товарищ адмирал!

Командир дивизии подводных лодок вице-адмирал Рязанцев и гвардии капитан-лейтенант Сергей Доронин отдали друг другу честь и расстались. Навсегда...

Доронин закрыл дверь малосемейки, убедился в надежности замка.

Было около шести часов утра. У соседей мог спать младенец, поэтому Сергей постучал, а не позвонил.

Дверь открылась довольно скоро. Усатый мужчина лет тридцати пяти, одетый в спортивный квази-аидасовский костюм, видимо, все-таки спал.

— Здравствуй, Саша. Извини, что разбудил, — тихо сказал Доронин. — Пожалуйста, передай ключи хозяевам. Доктор через месяц из отпуска вернется. Мою форму возьми себе, знаю, что она тебе нравится.

— Спасибо, Сережа! Это же питерский пошив! Ай, спасибо!

— А вот этого «краба» передай Константинову. На память. От земляка.

— А чего не на родину едешь?

— Сутьпа такой...

— Ну, счастья тебе на гражданке. Говорят, на адаптацию бывшим военным лет пятнадцать требуется.

— У всех по-разному получается.

Доронин нацепил на плечо почти пустую дорожную сумку и тихо направился в новую жизнь.

Поселок подводников состоял из девяти жилых домов. Сергей шел от самого дальнего из них к КПП, где уже стоял рейсовый автобус. «Пазик» завелся. Сергей, держась рукой за живот, с трудом побегал к нему.

Солнце висело над морем и брызгалось лучами в тайгу. Сопки играли светом и тенью. Дорога уводила Доронина от прошлого. Он жадно впитывал напоследок насыщенный запах, цвет тайги, наслаждался феерическим световым представлением, устроенным июньским солнцем, яркой летней зеленью и Японским морем.

Погода была изумительной, а значит — летней. Як-40 взлетел с грунтового аэродрома районного центра Ольга и менее чем через час приземлился в аэропорту города Владивосток.

Рейс «на материк», в Москву, билет на который лежал у Доронина в кармане, ожидался только через восемь часов. «Успею еще проститься со столицей Приморского края, — подумал Сергей и сел в автобус. — Надо бы привезти подарки с Дальнего Востока».

В ювелирном магазине он купил для мамы золотые серьги, а в ателье мод приобрел два мужских костюма. С братом, который всего на три с половиной года младше, Сергей по габаритам — один к одному.

За годы службы в Приморье Доронин ни разу не прокатился на фуникулере. Все некогда было. А сейчас представился случай. Билет ока-

зался обыкновенным, трамвайным. И стоил столько же — три копейки. Особых ощущений Сергей не испытал, хотя и ожидал их. Зато поставил галочку, сделал дело, выполнил план. Чтобы не опоздать на самолет, он вернулся в аэропорт заблаговременно. Когда Доронин входил в здание аэровокзала, диктор объявила о прибытии рейса из Москвы.

«Интересно, прилетел ли кто-нибудь знакомый?» — Сергей слился с толпой встречающих; внимательно всматривался в лица людей, входящих с летного поля в аэровокзал. Доронину, уезжающему «на материк», возможно, навсегда, очень хотелось увидеть напоследок кого-нибудь из уходящей в прошлое жизни. И судьба улыбнулась.

Бывшего сослуживца со своей первой подлодки Сергей узнал сразу. И пошел навстречу.

— Ба! Доронин! В отпуск?

— Нет. Совсем. На гражданку.

— Ну, брат, мне это и грустно и радостно. Пойдем-ка на часок в ресторан. Поговорим. Попрощаемся.

— Пойдем. На полчаса. У меня скоро вылет.

Они сидели вдвоем за столиком ресторана аэропорта. Людей было полно.

— Сколько раз я здесь сиживал! Придется ли еще побывать в этих краях?!

— Сколько ты отслужил?

— Пять лет одиннадцать месяцев.

— Мальчишка! Я оттрубил на атомододах восемнадцать лет. Два раза был капитаном третьего ранга, сейчас — второго ранга. Второй раз... Командир БЧ-5. Наконец-то. Заметь, тоже во второй раз.

— За что разжаловали?

— Да за ерунду. Ты же мой характер знаешь. Сволочной, но безобидный. Если б не флот, парился бы я, сам понимаешь где... А так — Родине польза... Помнишь, штурман, как мы познакомились? Не думал, что провожать тебя выпадет. По такому случаю я, как старший товарищ, в свое время принявший тебя под опеку и через то невинно пострадавший, даю тебе последние наставления.

— Давай.

— Только правду. Готов?

— Говори.

— У тебя, штурман — не обижайся — характер мягкий. А как говорят в близких мне кругах, лучше иметь твердый шанкр, чем мягкий характер.

— Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное.

— Из личного опыта общения с тобой знаю это. И всяких твоих философов-гуманистов и даосистов с конфуциями тоже читал. Только мы ведь не в Китае... В тебе интеллигентности, даже аристократичности, много. Это, пожалуй, плохо. Ты лучше уж обругай всяко. Оно роднее и понятнее. А не «извините» да «пожалуйста». Это, брат, издержки воспитания. Когда ты в экипаж пришел, тебя за глаза так и звали: «Лейтенант Пожалуйста». До того случая, когда ты нашего механенка спас, а рецидивиста отделал и в кутузку сдал. Кто тебя не знает, чего доброго, за слабака примет. Через то могут выйти неприятности... Хотя, с моей точки зрения, ты — настоящий мужик... Я себе еще налью. Потому что уже на земле... Хорошо, что ты у всех учишься. Может, это специфика характера или возраста. А может, незрелость твоя житейская. Я вот к земле бли-

же. От сохи. Ты же в облаках витаешь. Доколе, спрашиваю, ты там парить будешь?

— Не знаю. Может, вечно.

— Ну и х...херувимы с тобой. В смысле, счастливого пути! Выздоровливай, Серега, береги себя и не поминай лихом раба божьего Сашку Иванаыча Михайлова из Москвы... За тебя! Официант! Счет!

— Всего доброго, мех!.. — Доронин оставил на столе деньги, крепко пожал руку бывшему сослуживцу и пошел на объявленную уже посадку. Механик заулыбался.

Первым делом Сергей отмок в ванной, смыл с себя всю дорожную грязь; наелся досыта домашней еды, наговорился от души с матерью. Потом долго отсыпался. Со следующего дня пошел оформлять гражданские документы. Начал с военкомата. И сразу же понял, что одну проблему он нажил себе уже самим только приездом сюда...

По несколько раз в день Сергея скручивала боль. Он хватался за живот и падал на пол, перемогая ее.

Пришлось признаться самому себе, что он все-таки инвалид.

Он часами умирал приступы, справляясь с болью. Старался обойтись без лекарств.

Надо было искать работу по силам.

В местной газете прочел заметку о конкурсе руководителей в административном учреждении. Наивный, он пришел на конкурс. Собеседование прошло как по маслу, и Доронин не сомневался в успехе. В результате взяли того человека, который принимал в кабинете перед собеседованием всех кандидатов. Чиновник, ничуть не смущаясь, сказал:

— Не местных у нас уже достаточно. Квоту выбрали. Вы могли бы и не приходить.

Доронин еле сдержался, чтобы не ударить чиновника.

Подобные ситуации повторились несколько раз.

— Слушай, Сережа! Тут организуется школа юнг, — сообщил Ваня Плотников.

Ваню Сергей воспринимал как друга-опекуна, знающего все о местной жизни. Между прочим, результаты собеседований он предсказал сразу. Получалось, что он, Доронин, — это Гринев из «Капитанской дочки» Пушкина. А Плотников не дает ему пропасть. То в баньку к родственникам сводит, то к родителям в деревню повезет подышать свежим воздухом, проникнуться пониманием местного менталитета и насладиться народным колоритом.

...С первого же взгляда Доронин понял, что директор так называемой школы юнг видел море только на картинках, в лучшем случае — с берега. И Сергей в авантюру не полез. Ноги сами привели его в ДОСААФ, и оно стало на много лет его крестом.

— Нам нужен зам по учебно-воспитательной работе в морскую школу и мастер производственного обучения в подростковый морской клуб, — энергично сообщил и.о. начальника школы ДОСААФ.

— Выбираю клуб.

— Это с первого сентября. А пока сочини уж нам учебную программу по борьбе за живучесть, нарисуй чертежик учебно-тренировочной станции по отработке вышеупомянутых навыков, — попросил новоиспеченного коллегу морской полковник.

Доронина предложение устраивало. Во-первых, дом рядом. В случае плохоты можно прийти домой и отлежаться. Опять же, качественно и вовремя поесть. Во-вторых, программу и чертеж он быстро сварганит; еще и для себя время останется. В-третьих, в освободившееся время можно будет лечиться, читать, самосовершенствоваться и писать.

На гражданке Доронин обживался с трудом. Непривычно мизерной была и зарплата. По сравнению с денежным довольствием офицера-подводника.

— Натуральный инвалид, — говорила Марфа Гавриловна.

— Мам, попытаюсь выкарабкаться. Я молодой и сильный. У меня есть план реабилитации.

Но не прошло и полугода, как Сергеем сделали третью операцию. По оперативным показаниям. А через полгода после нее — еще одну. Четвертую. И тоже по оперативным показаниям.

Сергей очнулся оттого, что на его лицо что-то капало. Он открыл глаза.

— Мама, родная... Как ты?

Мать показала жестом: не беспокойся.

— А я?

Марфа Гавриловна зарыдала.

— Плохо, сыночек. Все очень плохо...

Вокруг его кровати в реанимации стояло полно народу: Марфа Гавриловна работала в той же больнице. Сергей узнавал лица. «Значит, я очнулся от слез?» — думал он, закрыв глаза. Вновь услышал мамин шепот и опять почувствовал влагу на лице: «Как она сильно плачет...»

Сергей с трудом поднял свинцовые веки. Марфа Гавриловна брызгала на него водой из баночки и шептала молитву:

— Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь...

— Мам, ты ж неверующая, — удивился сын, медленно произнося слова слабым голосом.

— Я сейчас самая верующая на свете, сыночек.

Сергей услышал рыдания и провалился в беспамятство.

«Все очень плохо...» — говорила мама. Она молилась? И кропила меня святой водой... В храме была...»

Сергей почувствовал слабое шевеление мыслей: «Столько народу пропустили в реанимацию... Они что ж, думают, что я умираю? Проститься пришли? Но я-то ведь никакого приближения смерти не чувствую. Просто отхожу от очередной операции».

Он решил встать. Взялся за «вожжи» — ремни, привязанные к кровати, и поднялся. К удивлению, сил почти не было. Как в кошмарном сне: кричишь, а звуков не слышно, убегаешь от опасности, а ни с места, бьешь врага, а удары не причиняют ему никакого вреда и будто уходят в пустоту, в никуда.

Сергей напрягся и, чуть не потеряв сознание, застонал. Но сел, удержался, не упал.

Прибежал санитар, позвал врача. Сергея уложили в постель. Вскоре пришла Марфа Гавриловна.

— Кто мне делал операцию?

— Кудрянов. Ему ассистировали Игнатьев и Иванов. Они и в прошлый раз тебя оперировали.

— Да, помню. Что-то их пока никого не было.

— Сынок, как ты себя чувствуешь здесь? — Марфа Гавриловна осторожно положила руку на живот.

— Боль. Ничего, кроме нее.

— Очень сильно болит?

— Горит. Терпимо.

— Я в собор съездила, за здравие свечи поставила, службу заказала. Водички святой привезла. Попей. Из этой ложки. Она серебряная. Старинное столовое серебро. Фамильное. Мне Евгенийч подарил.

— Мама, ты меня, пожалуйста, прости. За то, что я тебе такое Восьмое марта устроил.

— Лишь бы с тобой все хорошо было. Пей, сыночек. Пей...

Через пять дней Доронина перевезли из реанимации в отделение общей хирургии. В одноместную палату. Мама и брат Юрий, сменяя друг друга, дежурили в палате первые несколько ночей.

Однажды к нему пришли сразу пятеро мальчишек из клуба. Они принесли сок и конфеты.

— Сергей Владимирович, мы на разведку. Нас вообще-то не пускали, но мы у знакомых взяли халаты и прошли. Завтра наведаются другие. Нас предупредили, что вас утомлять нельзя. Выздоровливайте.

На следующий день пришел директор клуба и трое мальчишек. Несколько человек остались возле входа в больницу. Делегация принесла фрукты и телевизор.

Через неделю Доронин стал потихоньку вставать. Марфа Гавриловна заново учила сына ходить.

— Вот так. Потихонечку. Помаленечку. Сейчас уж как-нибудь. Ходить надо побольше, Сереженька... Сынок, я тут тебе на листочке написала... молитву «Отче наш». Я и сама ее пока не знаю. Давай вместе выучим. Повторяй за мной: «Отче наш...»

— Отче наш...

— Иже еси на небесех...

— Иже еси на небесех...

— Да придет царствие Твое...

— Да придет царствие Твое...

— Да буде воля Твоя...

— Да буде воля Твоя...

— Яко на небеси...

— Яко на небеси...

— И на земли...

— И на земли...

Потихоньку Доронин стал самостоятельно «выползать» в коридор и ходить вдоль стеночки. Это были уже дальние путешествия.

У Сергея появилось достаточно времени, чтобы поразмышлять обо всем на свете. Его даже посетили рифмы:

В смытом времени, от звезды к звезде —
Совершаю путь, новый странник.
Снова мир узнаю во всем. И везде —
То ли данник я, то ли избранник.
Обо всем понемногу спрошу.
Обо всем — помаленьку.
Ветром завтрашним подышу,
Поднимусь на одну ступеньку.

Мудрый выслушаю совет
(Кто их нынче мне не дает?),
И не буду загадывать, нет, —
Просто сделаю шаг вперед.
Обо всем помаленьку скажу.
Обо всем — помаленьку.
На ступеньке у края сажу.
На последней ступеньке...

Пока еще Доронин ничего не ел. Он получал питание через капельницу. Но мало-помалу уже появлялось желание покушать.

Заведующий хирургическим отделением доктор Нейч кормить больного запретил строго-настрого.

Боль заполняла Сергея всего целиком; он знал, что значит «скрутить в дугу». Иногда это случалось под капельницей, и из его глаз невольно текли слезы. Если при этом присутствовали родные, он шептал:

— Это лишние лекарства вытекают.

На недостаток внимания и посетителей Сергей пожаловаться не мог. У его кровати всегда стояли цветы. В этой больнице его знали многие, потому что он был сыном Марфы Гавриловны и лечился здесь уже не первый раз.

Однажды к Доронину зашла заведующая гинекологическим отделением Эмма Ефимовна Гомберг.

— Сереженька, если бы вы лежали в моем отделении, я бы давно поставила вас на ноги. И накормила бы. Под свою ответственность. Эх, была бы я помоложе, я бы вас не упустила...

И она кокетливо, но очень правдоподобно изобразила студентку. Хотя годилась Сергею в бабушки.

Через пару часов Эмма Ефимовна принесла котлетку.

— Только жуйте тщательнее... Жених, — заведующая-гинеколог подмигнула, улыбнулась и ушла работать.

Очень скоро Доронину стало хуже. Внутри живота горел адский огонь. Губы спеклись. Медсестра смачивала их деревянной палочкой, обернутой бинтом.

Прибежала мама, приехал брат Юра, собрались врачи.

Нейч внимательно осмотрел больного, пошуршал бумагами с результатами анализов.

Вышли все, кроме Юры. Брат взял Сергея за руку, сосредоточился:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Вскоре вернулась Марфа Гавриловна.

— Это кризис, — прошептала она Юре. — Сегодня все решится.

Извечный вопрос «Быть или не быть?» решался восемнадцать суток.

За это время Сергея посетило множество различных видений. Видал он и свет в конце темного спиралевидного тоннеля; слышал голоса; ощущал, уже было, неимоверную, манящую сладость чего-то запредельного.

Но кто-то решительно отправил Доронина обратно: «Не время!»

Очнулся он с ощущением легкости, внутренней свободы, kloкочущей жизненной силы, весны в душе, а также с могучей жаждой жизни и... зверским аппетитом. Рядом сидел брат.

— О, привет! Хорошая новость: тебе есть разрешили. Ты же очнулся. Мама вот простоквашку приготовила.

— Я бы сейчас слона съел. Или, на худой конец, быка. А что еще подают?

— Тебе сейчас и кузнечика-то не дадут. А простоквашки попей. Еще есть овсяночка. Минут через двадцать после простокваши подам.

Сергей медленно и с удовольствием выпил половину стакана. Брат придержал руку.

— Довольно для первого раза.

— А солнце-то какое яркое!

— Весна, брат, на дворе. Старое отмечаем, новое начинаем.

— Тогда, Юра, принеси мне бумагу и ручку. И книгу... о море.

— Вот тебе бумага и ручка. А книгу вечером мама принесет.

— Э, да у тебя ведь скоро госэкзамены?

— Да.

— Готовишься?

— Нет. Но сдам.

Вечером Марфа Гавриловна принесла маленькую книжицу — повесть Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». Это было то, что нужно.

— Знаешь, сын, трудно объяснить то, что происходит. Я часто вспоминаю своих родителей — маму, отца. Они не смеялись и не ругались, когда я, комсомолка, говорила им об атеизме. Сейчас я твердо знаю: Бог есть! Потому что пришло время это понять. Родители мне так и говорили: «Всему свое время. Оно придет, и ты поймешь...»

— Я помню, — это из Екклесиаста: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать; время разбрасывать камни и время собирать камни... время обнимать и время уклоняться от объятий; время любить и время ненавидеть»...

— Сегодня вдруг, — продолжила Марфа Гавриловна, — зашла ко мне в кабинет одна наша медсестра. «Можно, говорит, вам два слова сказать?» — «Пожалуйста», — отвечаю. — «Кто мне тут один дедушка зашел. Из нашей деревни. Недалеко от города живет. Дедушка он хороший. Так вот, пришел он ко мне и говорит: «Вот пришел, Серафима, по надобности. А к кому — пока и сам не знаю. Человек здесь молодой. На краю Жизни и Смерти. Меня Бог послал передать ему, чтобы жил. Не знаешь такого?» Я сразу о вашем сыне и подумала... Дедушка этот сейчас у нас в отделении. Может, позвать?..»

Сергей слушал, затаив дыхание.

— Ну и?...

— Ну и зашел ко мне этот дедушка. Глаза такие... насквозь видят. Местный ведун. Говорят, здесь колдунов разных много. Но этот — человек приятный, сразу доверие и уважение вызывает. Понравился он мне.

— И что он сказал, мама?

— Твою фотографию попросил. У меня ведь всегда с собой ваши карточки — и твоя, и Юрина. Я обе достала, а он сразу твою взял. Внимательно так посмотрел и сказал: «К нему я пришел... Не убивайся, мать. Сын выживет. Ему помочь надо. Много у него здесь дел...»

— А про Юру что сказал?

— Посмотрел на Юрину фотографию бегло: «У этого все хорошо, мать. За него не переживай. Я ведь о другом сказать приходил...»

Сергея сильно взволновал рассказ матери. Он укрепился в вере в жизнь и в Бога, горячо и искренне молился. Думая о словах странного старика-ведуна, соглашался с ним в том, что выживет и еще очень многое сделает в этой жизни.

Счастья хотелось всей душой.

Доктор Нейч советовал ему больше ходить, двигаться, шевелиться.

Уже не было нужды дежурить в палате Сергея. Он много спал, набирался сил. За окном таял снег, долгая зима уходила. Уже наступил апрель. Днем жизнеутверждающе звенела капель с крыши, сосульки весело таяли, а ручьи проворно прокладывали себе путь в спрессованных с грязью снегах. Они были бесшабашными, как детство, и несли в своих бурлящих, холодных водах бесстрашные щепки-кораблики.

— Будем жить! — не удержался от восторга Сергей, наблюдавший за всем этим из окна шестого этажа больничного комплекса.

Доронин взял в руки тоненькую книжечку Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». На обложке зевсоподобный Старик сражался за жизнь. На черно-белых облаках столбиком — фраза из повести: «...Солнце вставало уже в третий раз с тех пор, как он вышел в море»... На титульном листе строго выведено: Ленинград, «Судостроение».

Сергей вспомнил, как покупал эту книжечку в почтовом отделении своего военно-морского училища. Тогда он как раз перешел на второй курс. Сейчас, как и тогда, он начал чтение с аннотации.

«Повесть «Старик и море» была написана Э.Хемингуэем в 1952 году. За нее известный американский писатель был удостоен Нобелевской премии».

Он любил творчество Хемингуэя, его свободный дух. В выпускном классе читал его «Острова в океане» и был захвачен необычайной и сладкой свободой, вольностью. И поражен тем, что этот человек застрелился.

«Я попытался дать настоящего старика и настоящего мальчика, настоящее море и настоящую рыбу, и настоящих акул. И если мне это удалось сделать достаточно хорошо и достаточно правдиво, они могут быть истолкованы по-разному. Что по-настоящему трудно, — это создать нечто действительно правдивое, а иной раз и более правдивое, чем сама правда».

Э. Хемингуэй, 1954».

— Я сейчас в состоянии, сочетающем и мальчика, и старика, — рассуждал Доронин. — Я познал нечто запредельное и впитал в себя надежды мальчика, только что вступающего в самостоятельную жизнь.

«Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдаётся».

— Как это похоже на меня, — думал Сергей, разглядывая свои глаза в зеркале. — Я не хочу сдаваться! Я не сдаюсь! Я хочу жить! Красиво! Насыщенно!

«Он был слишком простодушен, чтобы задуматься о том, когда к нему пришло смирение.

Но он знал, что смирение пришло, не принеся с собой ни позора, ни утраты человеческого достоинства».

— И это тоже про меня! И как глубоко! Как верно!

Наблюдая человеческие страдания в течение последних трех лет в различных госпиталях и больницах, Сергей приобрел новые для себя качества, новое ощущение мира и людей, окружающих его. Иногда он думал, что все это — и есть *всепрощение*, о котором он читал у великого Достоевского. Но это было, скорее, *смирение*. В тот момент слово «смирение» более полно отражало смысл перемен, произошедших в душе Сергея.

А еще он думал о *примирении*. О примирении его, Сергея Доронина, со всем этим миром — агрессивным, несправедливым, жестоким, подчас некрасивым.

Он заново, с новой силой увидел величие и красоту окружающего мира. И по-новому любил его весь. И не только все прекрасное в нем.

Сергей осознал гармоничность сочетания в бытии хорошего и плохого. Он смирился с существующим порядком вещей и примирился с мыслью об обязательном присутствии плохого в жизни. Доронин следовал естественным путем человечества. Об этом толковала Библия. Об этом говорил Шекспир:

«Нет ничего хорошего или плохого, это наши мысли делают все таковым...» Не в один день, не в одну ночь, не вдруг пришло к Сергею Доронину столь важное понимание. Но как только боль вошла в него «на постоянное жительство» — во владивостокском госпитале — он уже начал привыкать к минусам, к их плавному сочетанию с плюсами (например, когда боль отпускала, становилась чуть слабее). Доронин стал понимать гармонию позитивного и негативного: то и иное должно присутствовать в бытии.

Он это понял и принял. И ему стало легче.

Он вспомнил свои стихи, родившиеся во владивостокском госпитале, во время перемен и нового осознания — себя, жизни, всего бытия:

Мне не спится которую ночь:
Друг на друга они так похожи.
В них — бесплотная, тайная мощь.
Я же в них — лишь случайный прохожий.
Бельмо окна, умытого туманом,
Мне дарит свет рассеянных огней.
Через фрамугу гостем нежеланным
Вползает пустота минувших дней.
Пробрал озноб. Озябли руки, ноги,
Продрогли оба жидких одеяльца.
Но в сердце жгут костер желаний боги,
Что греет душу странного скитальца.

Доронин явственно вспомнил, будто пережил второй раз, то состояние; то, как легко вошли в него эти стихи. Будто спустились с небес, выкристаллизовались из воздуха, вошли через ту же фрамугу госпитальной палаты и легли на чистый лист бумаги. Сергей живо вспомнил и ту ночь, и тот рассеянный в тумане свет, исходящий от луны, пирсовых фонарей и кораблей, заполнивших огромное пространство бухты Золотой Рог. И лунную дорожку на воде.

Сергей в который раз раскрыл повесть «Старик и море». Его взгляд упал на строчку: «*Я ведь живу среди хороших людей*».

Доронин заулыбался. Это был добрый знак. Сергей был уже готов к новой жизни. Он уже находил и открывал грани гармонии в еще недавно совершенно враждебном, жестоком, больном мире. Острее почувствовал природу, людей, свою природу. И обрел с самим собой согласие.

Снова вспомнился глубокоуважаемый Федор Михайлович Достоевский, и, расхаживая по палате, Сергей произнес вслух:

— Я прошел очищение болью. И через нее понял, что страдание имеет смысл: когда меняет человека к лучшему. Я стал лучше! В «Подростке» Достоевского есть такая молитва: «Боже! Милостив буди всем тем, за кого некому помолиться!» Мне теперь даже нравится с собой разговаривать — таким умным и хорошим человеком! — и Доронин улыбнулся себе в зеркало.

Вряд ли есть смысл описывать каждый день жизни Сергея Дорони-на. Даже не все, что тем или иным образом зарождало в нем перемены, следует упоминать.

В больнице было время перечитать несколько произведений Достоевского: «Братьев Карамазовых», «Подростка», «Бесов». Он прочел также роман Валентина Пикуля «Честь имею», получил удовольствие от поэзии «серебряного века», шекспировских сонетов и «Гамлета».

Из окон своей палаты Доронин наблюдал за медленным наступлени-ем поздней весны. Он замечал, как уменьшались в размерах, а после со-всем исчезли сугробы. Днем солнце не просто дольше и ярче светило, но и ласкало все вокруг своими теплыми, животворными лучами. Кошки, собаки, птички грелись на солнышке, а по утрам он просыпался под оп-тимистичное пение пернатых.

Во всем Сергею виделось обновление жизни, чудились грядущие и уже происходящие в нем перемены.

По ночам бывало еще довольно холодно. Приходилось кутаться в два одеяла, а ноги согреть в электрическом валенке-обогревателе, который принесла из дома мама.

Ежедневно к Доронину приходило много посетителей. В конце кон-цов, доктору Нейчу пришлось строго-настроено наказать дежурным мед-сестрам — ограничить посещения: больной нуждался в сохранении и ук-реплении сил — физических и эмоциональных.

В больнице Сергей прожил более месяца. Наконец настал день выпис-ки. Юра забрал вещи и отвез их к Марфе Гавриловне. Сергей же, полу-чив выписной эпикриз у доктора Нейча, спустился на третий этаж — по-благодарить доктора Кудрянова. В общей хирургии он уже поблагодарил дежурный персонал стихами, тортом, шоколадом и цветами.

— Выздоровливайте, набирайтесь сил и больше к нам не попадайте, — напутствовали своего недавнего подопечного медики.

— Договорились!

Марфа Гавриловна принесла традиционный в таких случаях набор: коньяк, коробку конфет и большой букет. Отдав все сыну, она и Эмма Ефимовна пошли поговорить в кабинет к Гомбергу. Сергей постучал в дверь заведующего отделением.

— Валентин Григорьевич! Разрешите войти!

Хирург поднял лицо от бумаг, которые он просматривал с каранда-шом в руке. Оно побледнело, а руки задрожали. Карандаш упал.

— Валентин Григорьевич! Я пришел поблагодарить вас за то, что вы спасли меня...

— Молчи, Сережа! Христом-Богом прошу: ты прости меня!

Кудрянов упал на колени перед вошедшим, протянул к нему руки и заплакал.

— Ты прости меня, старого дурака. Я ведь не приходил к тебе после операции, потому что каждый день ждал сообщения о твоей смерти...

— Валентин Григорьевич! Что вы такое говорите?! Вы меня удачно прооперировали и тем самым спасли!

— Я угробил тебя. И не понимаю, почему ты жив. Мне уже шестьдесят лет! Но в моей практике не было ничего подобного. Я передержал тебя до операции и этим погубил. Я понял это, когда вскрыл полость и увидел картину внутри: от самого желудка — мертвый, черный кишечник. Много! Мне уже нечего было делать. Автоматически спайки рассек, непроходимость устранил... Безо всякой надежды. Тебя и зашили-то... в морг... Абы как. Я твоей матери в глаза смотреть не могу. И тебе...

— Валентин Григорьевич! Успокойтесь! Встаньте! Выпейте коньяку!

— Да-да...

Сергей бросился помогать Кудрянову.

— Ты не напрягайся. Тебе нельзя...

Доронин налил доктору коньяк в рюмку, которую взял из серванта.

— И себе.

— Мне же нельзя!

— Я уже не знаю, что тебе можно, а чего нельзя. Я не знаю, почему ты жив! В моей практике не было случая, чтобы после такого... выживали... Как выйдешь из больницы, ступай в храм. Я же не дам тебе и года жизни... Будь!

Доктор выпил коньяк, снова наполнил рюмку и выпил. Закусил конфетой и снова налил.

— Поживи, Сережа, в удовольствие. Сколько сможешь... Пей, гуляй, ешь что хочешь... Без тормозов... Год. Не больше... И прости меня. Прости...

— Если это так важно для вас — прощаю.

Доронин залпом выпил коньяк и ушел.

Доктор плакал.

... Доронин спустился в метро. Его поезд только что ушел. Лицо Сергея светилось от радости. Еще бы — Доронин только что подписал договор на издание его книги в известном московском издательстве и теперь направляется в другое известное столичное издательство для того, чтобы тоже подписать договор на издание уже другой книги!

День начался успешно! Но, видимо, не для всех — по перрону в разных направлениях двигалась разноликая пестрая людская масса. Кто-то в ней был весел и счастлив, а кто-то холодно угрюм и даже зол.

Подошел состав. Открылись автоматические двери. Людские потоки хлынули навстречу друг другу.

Раздался взрыв.

Сознание Доронина выкарабкалось из темноты и ринулось к знакомому манящему свету в длинной и извилистой трубе. Как хорошо там, где свет! Он настойчиво зовет, неумолимо тянет к себе, этот желанный свет!

Вот он на огромной скорости приближается к расширенному горлу трубы и уже предвкушает слияние с радостным и так любимым светом!

Вдруг весь проем заслонило лицо старца с седой бородой.

— Тебе сюда нельзя! — строго сказал дедушка.

— А-а, это вы, — узнал Доронин ведуна из маминого рассказа. Как будто они виделись когда-то... — Здравствуйте, — бессильным голосом поздоровался Доронин.

— Давай, давай отсюда, мил человек! Не видишь, работы сколько! Не мешай, Бога ради! Не до тебя сейчас! Мне людей принимать надо! Смотри, какая очередь!

— А я? Мне тоже надо!
— Все здесь будут! Но каждый — в свое время!
— Вот я пришел... Прилетел...
— Без очереди не пущу! Сказал же! И не проси! Мало ли что знакоми... заочно... Сам за кумовство и протекционирование критикуешь! И не проси! Или забыл о предназначении? Вот когда исполнишь его, тогда и поговорим! Следующий!..

И хлипкий на вид дедушка с огромной силой бесцеремонно отшвырнул Доронина обратно. Навстречу потоку тех, кого ждали по ту сторону волшебной трубы.

— Здесь мужчина живой! Доктор! Скорее сюда! Носилки!

Сознание медленно возвращалось к Сергею. Он закашлял. Вокруг стоял сильный запах гари, пыли и... крови. Над ним склонился человек. Взял за руку. Сергеем показалось, что это брат.

— Братишка, — прошептал Доронин. — Я что, снова куда-то влип? Невезучий я человек...

— Наоборот — везучий! Невезучих, брат, сейчас в морг увозят... А тебе, считай, очень повезло. Взрыв произошел всего в семи метрах отсюда.

Сергей увидел смутное белое пятно. Теперь Доронину показалось, что с Сергеем разговаривает тот мудрый седой дедушка.

— Отче... наш...

Доктор в медицинской робе сделал Доронину укол.

— Счастливчик! Легко отделался! Будет жить!

Доронина положили на носилки и понесли к выходу из метро.

Свет улицы ударил по глазам. Шум взбудораженного города отошел на задний план, когда какая-то бабушка прикоснулась к Доронину и сказала:

— Держись, сынок! Господи, помилуй!

Она перекрестила Сергея и стала читать молитву:

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
Да придет Царствие Твое,
Да будет воля Твоя,
Яко на небеси и на земли...

Карета «скорой помощи» включила сирену, мигалку и помчалась по улице, раздвигая машины.

Петр Тихонович Кузнецов родился в 1947 году в Казахстане. Окончил Целиноградский государственный педагогический институт. В 1994-2001 годах работал директором и учителем русского языка и литературы Первомайской средней школы Эртильского района. Прозаик. Член Союза писателей России. Проживает в Подмоскowie.

Петр Кузнецов

ТРИ ГРАЦИИ

Рассказы

*Нет больше той любви, как если кто
положит душу свою за друзей своих.*

Евангелие от Иоанна

Кто их так назвал — «Три грации», неведомо. Но, видно, что человек просвещенный, с великим искусством знакомый. И уж точно знает работу знаменитого мастера. От себя такое придумать нельзя. В шутку, по-доброму их называли по-разному: «Тройственный союз», «Три богатыря», «Три желания». Но именно прозвище «Три грации» укоренилось, осталось, все к нему привыкли.

Уже три года они жили вместе или, как все говорили, коммуной. Все у них было общее: и коза, и огород, и куры. Они знали, как все их кличут, но значения слова «грация» не понимали. Только более начитанная Кузьминична подруг успокоила и объяснила: «Я точно не знаю, но слово это неплохое». Ее дом стоял напротив, через дорогу от домов Прокопьевны и Макаровны. Так что, если все три дома соединить отрезками, то получился бы равнобедренный, а может, и равносторонний треугольник. Кузьминична была бригадиром. Она верховодила с самого начала. Это она предложила жить вместе. Распределила роли, обозначила права и обязанности. А начиналось все так:

— Вот ты, Прокопьевна, держишь курочек. Так?

— Ну, так, — в тон отвечала Прокопьевна.

— Твои курочки приносят тебе десяток яичек кажинный день?

— Приносят! — удивлялась Прокопьевна, не понимая, куда клонит Кузьминична.

— Так вот ты, Прокопьевна, кажинный день даешь три яйца мне и три яйца Макарихе.

— Ну, а мне какой прок? — стала в позу Прокопьевна, Макаровна тоже наострила уши.

— Слушайте дальше и не перечьте мне, пока я доклад не довершу. Потом говорить будете, — она сделала паузу, наморщила сильнее лоб, шевелила беззвучно губами, что-то подсчитывая. Подруги сидели рядом в неведении. И когда молчание стало неловким, Кузьминична продолжила:

— У тебя, Макаровна, козочка есть.

— Есть, — в тон отвечала Макаровна.

— Три литра молочка в день дает?

— Бывает больше, бывает меньше, — Макаровна отвечала независимым тоном, давая понять, что ее козочка и ее молоко никак не связаны с курочками и яйцами Прокопьевны. А Кузьминична невозмутимо продолжала: — Ты, Макаровна, через два дня на третий по одному литру молока нам с Прокопьевной давать будешь, — и уточнила, — не кажин день, как Прокопьевна с яйцами, а через два дня на третий. Например, первого числа, четвертого, седьмого. Поняла?

Опять наступила долгая пауза. Прокопьевна прокручивала в голове убытки: «Шесть яиц кажин день отдай. Десяток в деревне идет по двадцатке, а городские иногда сдачи не берут, смеются, мол, в городе дороже, так что бывает и по тридцатке получается». Она пробовала считать глубже: какие потери понесет в неделю, месяц, сезон, но мысли путались, и она сделала вывод без всяких расчетов: «С какой стати буду отдавать шесть яиц кажин день?» Это она подумала, а в голос сказала: «Ну, мне то какой прок?» Кузьминична отвечать не стала, прижала палец к губам и устремила взгляд на Макаровну. Та мучительно соображала, что затеяла Кузьминична, к чему она клонит. В ее голове родилась нехорошая мысль: «У Кузьминичны курочек нет, козочки, как у меня, нет. Хочет и молочко пить, и яйца всмятку есть». Это она подумала, а в голос сказала: «Ну, а ты, Кузьминична, что в общий котел положишь?»

Кузьминична была в самом выгодном положении. Так думали подруги. У нее здесь же, в деревне, с семьей жил сын Виктор. И сноха Надя, по словам самой Кузьминичны, запустила хозяйство, перестала ухаживать за мужем, то есть сыном ее, превратила усадьбу в свинарник. Это она так говорила, но как мудрая женщина понимала, почему у Нади, такой домовитой и расторопной раньше, теперь опустились руки. Ее сын Витька зачастил к Вальке Шестопаловой, да так сукин сын зачастил, что и ночевать иной раз не приходил. Это она так думала и при словах «сукин сын» вздрагивала, оглядывалась по сторонам, боясь, чтобы никто не угадал ее мысли. А у Витьки двое детишек. Дочка Катя, умница, отличница в школе, помощница в доме. У Кати тоже руки упали, да и не могла она потянуть и кур, и гусей, и свиней, и корову. Один огород чего стоит: сорняк прет, как на дрожжах. А внук, тоже Витя, недавно пальца лишился. Поспорили с Андрюшкой Литвиновым. Внук говорит: «Не посмеешь отрубить палец». А Литвин: «Ты, Витек, струсишь, сам уберешь». Один кричит: «Не посмеешь!» Другой кричит: «Струсишь!» Так

Литвин и отхватил топором указательный палец на правой руке. Один, выходит, посмел, а другой не струсил. Теперь все в деревне смеются: «Хорошо тебе, Витек, без указательного на правой в армию не возьмут, стрелять как будешь?» А Кузьминична как-то бессонной ночью подумала: «Ладно, что тринадцать лет, а то б еще за членовредительство посадили». А вчера Кузьминична призвала через Катю сына Витьку к себе домой. Витька пришел. Первый удар грязной и мокрой тряпкой пришелся прямо по Витькиному изумленному лицу. От второго Витька увернулся, и тряпка шлепнула его по спине и захлестнулась на груди. На футболке остались грязные неровные разводы. И вдогонку Кузьминична прокричала: «Не касайся грязными ногами порога отчего дома, пока в семье не будет лад и согласие». Так что Кузьминичне от сына помощи не было, одни хлопоты.

У Прокопьевны в городе жила дочка Валентина. Прокопьевна подробно описала дочке, что и как. Валентина примчалась через неделю: продавай, мол, дом, кур, и покатаем жить в город. Когда Прокопьевна пришла за советом к подругам, то после долгого молчания Кузьминична достала письмо Катерины Боковой: «На, читай». Письмо это было читано-перечитано. Они все трое плакали, когда читали: «Господи, кабы довелось водички из своего колодца испить да яблочко в руках подержать, ужо поднялась бы я». Имя Создателя прозвучало для них, как последний выдох. Недавно похоронили Катерину Яковлевну Бокову на деревенском погосте. В городе у сына и года не прожила, хоть и уход был хорошим. Прокопьевне никто ничего не говорил, они долго молчали, склонив свои седые головы в тяжелой думе. А с дочкой Валентиной вышел скандал. Мать знала, что дочери деньги нужны, чтобы дачу достроить. Правда, про деньги никто словом не обмолвился. Только Валентина на слова матери: «Пока могу сама себя обеспечить и обиходить, буду жить в своем доме», — зло заметила: «А когда не сможешь, то куда? Я два раза не зову», — хлопнула дверью и пошла на автобусную остановку. Мать стояла у окна и плакала, не могла унять слезы. Хотелось побежать следом, отдать дочери деньги, отложенные на похороны, согласиться продать усадьбу и ради дочери ехать в этот проклятый город. Но глаза ничего не видели, руки упали плетью, ноги сделались неподвижными колотушками. Успокоилась, умылась и пошла к дороге. Подошел автобус. Дочь не оглянулась. Автобус тронулся. У дороги одиноко стояла старая женщина и протщально махала вслед иссохшей жилистой рукой.

Скоро три грации опять собрались вместе. Про дочь Прокопьевны Валентину — ни слова. Всем троим все было ясно, потому как события развивались на виду. Долго молчали. Лицо Прокопьевны осунулось, почернело. От крыльев носа, обрамляя рот, пролегли глубокие черные впадины. Сидела она неподвижно и походила на икону. Теперь ответ держала Кузьминична. Она хорошо подготовилась:

— Вы знаете, что я содержу огород. Помидоры, огурцы, капуста, картошка. Вдобавок я буду покупать или печь хлеб. То уже не ваша забота.

Все поговорились в тяжелую думу. Однако предложение Кузьминичны каждая из подруг прокручивала в голове так: «Кузьминична и правда мастерица и соленья, и варенья готовить. И хлеб целый год за ее счет — тоже немалая трата. «А мои курочки, — думала Прокопьевна, — не круглый год яички несут. У них перерыв в зиму бывает». «А моя козочка, — думала Макаровна, — не круглый год молочко дает». Тяжелая и решающая минута молчания воцарилась в комнате.

У Макаровны никого не было: ни детей, ни близких, ни дальних родственников. Замужем была, но деток Бог не послал. После войны сразу в 15 годков по спецнабору загремела на торфяные болота под Тверью. Тяжело работали все лето 46 года до глубокой осени. По колени в воде. Ночь в холодном бараке. Простудилась насквозь. Как выжила, до сих пор понять не может. Когда муж умер, осталась одна в большом и пустом доме. День проходил быстро в делах и заботах. Тоска подступала в долгие зимние вечера. В холодную постель не хотелось. Она накрывалась большим старым пледом, опускала босые ноги в теплые с лежанки валенки и, как старый филин, нахохлившись, подолгу сидела у окна. За окном шуршал ветер, бросал в стекла россыпи снега, завывал в трубе и уносился в неведомый простор. Затухала печь, исчезали огненные блики на потолке, по полу от двери тянуло холодом. Не раздеваясь, не снимая валенок, она падала на скрипучий диван и забывалась с едва уловимой мыслью о легкой смерти во сне.

Подступала осень. Опустели огороды. Давно сгорела картофельная ботва. Отлетела паутина. Только сады млели от обилия яблок, в пожелтевших листьях сизовели мясистые сливы и, как большие желтые лампочки, светились груши. Они перезревали, глухо падали на землю, вокруг них беспрерывно гудели ненасытные пчелы и осы.

Солнышко опускалось все ниже и ниже, а тучи все чаще заволакивали небо. Приближалось время дождей, время скучное и унылое. Холодов еще не было, но в избу проникала прохлада, и хоть один раз в три дня печь приходилось протапливать. Скоро зачастили дожди, мелкие, обложные. Они совсем не похожи на летние грозовые ливни с яростными громами и сверкающими молниями. Летние грозы желанны. Их ждут, и когда они приходят, ликует крестьянское сердце. Осенние дожди приходят всегда неожиданно и надолго. Они неделями висят в воздухе, даже бывает непонятно: то ли с неба на землю, то ли с земли на небо льется вода. Наступает серое и унылое время.

Самый крепкий и добротный дом был у Кузьминичны. Муж Михаил три года, не разгибаясь, рубил его. Каждое бревно облизывал. Жили в землянке рядом. Дом был готов. «Жена, еще баню срублю, и будем жить-поживать». Это были его последние слова. Машина с бревнами перевернулась, и улетел Михаил к Богу. Так осталась Кузьминична одна в большом деревянном доме. Первой перешла к ней Прокопьевна. Слова дочери: «Я два раза не зову» застряли в сердце. Ныло в груди, покалывало под левой лопаткой, немели пальцы рук. Одиночество угнетало ее. «Принимай, Кузьминична, не могу больше, стены гнетут», — она виновато отводила глаза, хотя знала, что Кузьминична сама предложила жить вместе. Но то было давно, еще жарким летом. Может, передумала Кузьминична. И сын с внучком навещают: в семье вроде порядок воцарился. Кузьминична не выказала никакого интереса и внимания, продолжала резать зимние яблоки, и четвертины закладывать в банки. Она молча кивнула и показала рукой на длинную лавку у стены. Прокопьевна присела.

— Ты чего уселась как царевна. Раздевайся, ставь кипяток. Я что, одна на всех заготовки делать буду? — Кузьминична сердилась, будто Прокопьевна давно здесь живет и обленилась совсем за спиной у нее, Кузьминичны. Прокопьевна по-молодому вскочила, и работа закипела в четыре руки. На дымок из трубы в этот же день пришла и Макариха. Она ничего не говорила и, молча, легко вписалась в работу. За нею обед значился. Козочка еще доилась, Макариха сбежала за молочком, перелила его в

кастрюлю и поставила на плиту, насыпала туда пшена, быстро нарезала кубиками тыкву, и когда молочко запенилось, но не закипело, опустила тыквенные желтые кубики. За процессом постоянно следить надо, а то молоко убежать может. Она постоянно мешала большой деревянной ложкой варево, подсыпала с горсточки сахарок для лучшего вкуса. Операция вроде несложная, но каждый эпизод необходимо выполнить вовремя и точно рассчитать порцию и пшена, и молочка, и тыквы. Только сахарок и соль по вкусу. Лучше Макарихи во всем поселке никто не мог готовить тыквенную кашу. Она то ли по виду, то ли по запаху точно определяла готовность продукта. Снимала с плиты, накрывала кастрюлю крышкой, укутывала своим пуховым платком, и уже готовая каша млела в «бане».

Обед удался. Душистая теплая каша отсвечивала медовым блеском. Надтреснутые от распарки зернышки пшена таяли во рту.

— Ты, Макаровна, давай по-барски, кажин из своей тарелки, а не с общего котла.

Макариха засуетилась, достала тарелки, разложила порции. Все трое повернулись к святому углу, где висела икона Николая Угодника, перекрестились трижды и приступили к трапезе.

Постепенно вся живность переселилась в добротные катухи-сарай Кузьминичны, втрое выросла поленница дров. А катухи ожили: бляяла козочка, кудахтали куры, особенно гордо и радостно пел свою раннюю песню петух. Просыпались все трое. Лежали в темноте молча. Может, подруги и осуждали петуха за раннюю побудку, но Прокопьевна гордилась им очень. Петух каждый день напоминал всем о ее вкладе в общее дело. Она вставала тихо, одевалась и шла в сарай. Сначала, как только они обобществились, каждая шла убирать свою живность: Макариха — к козочке, Прокопьевна — к курочкам. Кузьминична только посмеивалась. Распределение обязанностей произошло само по себе. Макариха засела в катухах, Прокопьевна убиралась в доме. Вдвоем они готовили обед. Кузьминична верховодила, но не как хозяйка дома, а как главный снабженец: она бегала по магазинам, навевывалась в медпункт, коли кто занеможет.

Один раз в неделю она пекла хлеб. Это был особенный, можно сказать, святой день. Подруги старались не мешать и задерживались на подворье. Кузьминична колдовала. Первым делом надо заготовить дрожжи. Никаких рецептов она не знала, весовыми категориями не владела. Все делалось по наитию. Раньше она пекла хлеб в русской печи на капустных листьях. Теперь печи не было, была духовка, и формы сын с хлебозавода привез. Так вот, форма заполнялась наполовину и ставилась на теплое до подъема в уровень с краями — и в духовку. Тесто Кузьминична месила с запасом. Оставшееся — на пирожки с капустой. Эту работу она могла доверить подругам. Те в четыре руки брались за дело. Прокопьевна секла и поджаривала капусту, Макаровна лепила и укладывала на сковородку. Пока хлеб дозревал в духовке, пирожки уже готовые стояли в большой чашке посреди стола. Рядом стояла банка с вареньем, фарфоровые чашки и чайные ложечки. К трапезе никто не приступал, пока Кузьминична хлеб из духовки не вынет. Кузьминична доставала одну форму, сгибала в локте руку, так что пальцы касались плеча, и голым локтем прикладывалась к буханке. Если локоть терпит, значит, хлеб дозрел. Легкие, душистые буханки вытряхивались на чистую скатерть, и Кузьминична бережно накрывала их полотенцем. И начиналась трапеза. Кузьминична закатывала глаза: «Прокопьевна, давай по-барски, каждой — розеточки.

Не с общей банки варенье черпать». Кузьминична видела, как привечает гостей сноха Надя, и внедряла в коммуны красивые манеры. Этим она доказывала свое главенство-превосходство над подругами. Прокопьевна проворно, по-молодому вскакивала, открывала дверцу старинного буфета, доставала маленькие блюдца для варенья. Пирожки нежные, мягкие. Тесто раскатывалось тонко. Это не магазинные, где одно тесто толстым куском, а где-то в уголочке щепотка капусты. Домашние — совсем другое дело. И теста, и капусты в меру.

— Вот ты, Прокопьевна, скажи, что в чае самое главное? — Кузьминична хитро сощурила глаза.

Прокопьевна морщит лоб, думает.

— А ты, Макариха, как думаешь? — Кузьминична повернулась к Макаровне.

— Молочко козочки, — не раздумывая, сострила хозяйка козочки.

Все трое засмеялись, потому как поняли, на что намекала Макаровна. Однако открыто уже никто не разделял хозяйство. Все уже давно было общим: и дом, и козочка, и огород, и куры. Тремя пенсиями владела Кузьминична. Она и продолжила разговор:

— Вот вы не знаете, я знаю: главное в чае — вода. Ладно, разливай, Макаровна.

Макаровна уже знала: сперва заварка, потом молочко, за ним кипяток. Чай похож на светлый шоколадный напиток. Варенье в чай класть нельзя: молочко сварится. Такой чай сахарком заправляют и с пирожками — вкуснятина! Можно и с вареньем, но вприкуску. Чай пьют не спеша, долго. В долгие зимние вечера подруг заводила Кузьминична:

— Вот ты, Прокопьевна, помнишь, в молодые года все умела: и спеть, и сплясать, и частушку соорудить. А про твоего Ивана тогда все пели.

Кузьминична отставила чашку с чаем и запела вполголоса:

Говорила я соседу:
Не ходи ты под крыльцо,
А не то тебе я в среду
Отсеку одно яйцо.

Глаза у всех по-молодому заблестели. Засмеялись. А Кузьминична продолжила: «Он, Ванька, тогда в среду и посватался. Помнишь? Точно, тогда среда была: я хорошо помню. Кажется, совсем недавно все было, — она на минуту задумалась и продолжила, — да, конечно, недавно, прошло то всего каких-нибудь пятьдесят лет». Загрустили. Каждая вспомнила свою юность и молодость. Вдруг Прокопьевна распрямил плечи, поправила волосы и чистым молодым голосом запела:

В одном прекрасном месте,
На берегу реки,
Стоял красивый домик.
В нем жили рыбаки.

Подруги подхватили, и песня поплыла, закружилась, заполнила комнату светлой печалью, далекой, а им казалось, такой близкой молодостью. Шел неторопливый рассказ о трех братьях:

Один любил крестьянку,
Второй любил княжну,
А третий, самый младший —
Охотника жену.

Дальше шел сказ о тайной сильной любви, а «цыганка молодая», раскинув карты, поведала охотнику о неверности жены. «И свой кинжал булатный / жене он в грудь вонзил. / Жена его упала / на тело рыбака / и тихо прошептала: / «Люблю, рыбак, тебя».

Они долго молчали, раскачиваясь в такт затихшей мелодии. Кажется, из самого сердца глаза наполнились слезами. Слезами печали и радости. Печаль — в трудном крестьянском труде, быстротечности жизни, в утрате любимых. Радость — в общности и единстве душ, в доверии и бескорыстии каждой, в уверенности, что завтра взойдет солнце и зачнетсЯ еще один день.

Первой встрепенулась Кузьминична: «Что запечалились, сестры? А ну-ка, Прокопьевна, сооруди частушку, а то я заснуть не сумею». Прокопьевна вздрогнула: так захватили ее воспоминания. Сняла платок, поправила волосы и стала шевелить губами, рождалась частушка:

А мы, русские девчата —
Лучше нету нации.
Кто мог думать, что когда-то
Будут здесь три грации.

Все трое весело засмеялись и стали готовиться ко сну.

Первой занемогла Макаровна. Враз отнялись ноги. Утром сильно заболели суставы в коленях и ступнях. К вечеру боль исчезла, ноги потеряли чувствительность и повисли как плети. Кузьминична понеслась по врачам. Давно, при Советах, в поселке была больница на 50 коек. Врачи, медсестры — все как надо. Теперь, при олигархах, — медпункт и медсестра Таня. Врач Федор Иванович бился за больницу с начальством насмерть. Битву проиграл, запил было, потом, видно, опомнился и уехал. Куда? Никто не знает.

Пока Танечка осматривала Макаровну, Кузьминична с врачом приехала на «скорой» из райцентра. Как она уговаривала, какие доводы выдвигала, неизвестно. Но приехал врач, высокий, сутулый, совершенно лысый и с жесткими седыми усами, и сестричка, маленькая худенькая девочка. Она очень быстро выполняла указания врача: сделала укол, стала растирать ноги какой-то вонючей мазью. Доктор долго заполнял историю болезни и в конце сказал: «Положим в стационар на неделю-другую. Дальше видно будет...» — «Что видно?» — встряла Кузьминична. Врач вывел Кузьминичну в сени и как с равной держал совет. Он так и сказал: «Проведем с вами консилиум». Кузьминична долго о чем-то толковала с врачом, а когда вошла в комнату и уже хотела сказать: «Собирайся, Макаровна», — увидела полные слез глаза подруги.

Так плакала собака перед ружейным дулом. Она была старая-старая, без чутья, слуха и зрения. Михаил решил пристрелить, чтоб не мучилась. Как она почуяла близость смерти, неведомо. Но только муж положил палец на курок, она открыла глаза. Эти полные слез глаза навек запали в душу и сердце. Тогда Кузьминична остановила выстрел. Дней через десять собака сама околела. Давно-давно это было, кличка собаки забылась. Слезы в собачьих глазах не забылись.

Кузьминична повернулась к доктору: «Отбой, доктур. Назначенье сделай. Танечка наша будет делать уколы, мы — мази втирать, отвары делать — выходим». Прокопьевна держала руку Макаровны и ласково гладила ее другой рукой. А врач даже обрадовался такому повороту, написал рецепт, и «скорая» укатила.

Была середина осени. Солнечные дни перемежались с пасмурными. Солнышко в свои дни было особенно ласковым и желанным. Подруги выносили Макаровну на завалинку. Расстилали одеяло, ноги укладывали на стулья. Листья опали, редкая паутина пролетала через дорогу. Воздух стал прозрачным и звонким. Поселок весь будто оголился и просматривался насквозь. Макаровна глядела на свой дом наискосок через дорогу, подставляла лицо солнцу, о чем-то думала и шевелила губами. Она уже плохо выговаривала слова. Ее понимали по жестам. Однажды под вечер она попросила пить. Прокопьевна подала стакан. Макаровна замотала головой и показала ослабевшей рукой на свой колодец через дорогу. Кузьминична на своем колодце отвязала веревку, вскрыла давно забитый гвоздями колодец, принесла ведро и поставила у ног больной подруги. Вода колыхалась в ведре, прощально переливаясь маленькими зеркальцами. «Холодная, пить тебе нельзя!» — запретила Прокопьевна. Макаровна умоляюще замычала. Кузьминична набрала воды и поднесла ко рту. Руки стакан не держали, вода стекала на кофту по уголкам рта. Лицо Макаровны преобразилось, еле заметная тень блаженства мелькнула на нем.

Ночью Макаровна умерла. Умерла тихо, во сне, как и мечтала долгими зимними вечерами.

Загрустили после похорон Кузьминична и Прокопьевна. Особенно тоскливо было ночью, под утро.

— Как жить дальше будем, подруга? — спросила Прокопьевна.

— Как жили, так и будем жить, — уверенно ответила Кузьминична.

А в катухе пропел свою вечную песню петух, разом закудахтали куры и заблеяла козочка.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

*Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветь и умереть.*

Сергей Есенин

Тетя Катя слабела. Усадьба от наседавших зарослей вишни и клена сжималась. Грядки овощей заметно оскудели, уменьшились. Среди них там и сям виднелись молодые вишневые побеги. В палисаднике не было цветов.

Последняя курица от недогляда переметнулась к соседям. Тетя Катя не в обиде на хохлатку: «Кажин к обществу льнет», — говорила она, когда приходила ко мне, опираясь на отшлифованную до стеклянного блеска палку, и всякий раз спрашивала: «Дык ты бежанец али прябешшик?»

Я поначалу на «прябешшика» обижался, потом раскусил лукавую насмешку, привык и даже научился подхватывать ее интонацию. «Бежанец я, бежанец! У меня статус!» — орал я ей на ухо нарочно громко, будто обижаясь. Она на верхнем конце палки скрещивала ладони, опиралась на них острым подбородком и беззвучно смеялась, сотрясаясь всем телом. Потом выпрямлялась, клала мне на плечо тяжеленную костлявую руку с узловатыми, корявыми пальцами.

Тете Кате 82 года. Она отставляла в сторону палку, с треском разгибала спину. Глаза ее светились, морщины разглаживались. Она разводила плечи, вскидывала голову и вела станом. «Какая она была красивая лет шестьдесят назад», — с сожалением подумал я. В садах наливались яблоки и груши. Дул легкий ветер.

Ситцевая широкая кофта в белый горошек и черная юбка в складку обрисовали ее сухое жилистое тело. Я угадал его стройным и сильным в пору молодости. Юная красавица с тонкой талией, сильными бедрами, гордо посаженной головой на высокой открытой шее представилась мне. Тетя Катя поняла мое состояние и передернула плечами. Она опустилась на палку, в полколеса согнув спину, и, будто выполнив тяжелую работу, шумно выдохнула.

— Дык вот, Валянтине письмо напясала. А ты ня прядумав?

Я покачал головой.

— Тады на, чатай, патом запячатай.

Письмо было в незаклеенном конверте, и адрес не написан. «Валянтине здрастуй стара я стала моци нету агарот зарастае ня магу управица куры разбжалис в паселке живе пряселенец гаварит семью друзей вы заве ка мне и мяня даглядять до смерти но дом патом им». В этом месте неожиданно стояла точка, а ниже большими буквами было дописано: «Преержай». Мы отправили письмо. Через десять дней Валентина приехала, продала дом и увезла тетю Катю в Воронеж. Я будто осиротел и чувствовал: нам обоим неловко за нашу затею. Среди зимы я получил письмо. Адрес на конверте был написан красивым женским почерком. Я заволновался. Тетрадный листок затрепетал в руке. Тетя Катя! От нее весточка! Четыре года назад, когда я с семьей после долгих мытарств поселился в собственном доме, она навестила нас первой.

— Пайду, думаю, пагляжу, што за люди.

И сразу спросила:

— Аتكель?

Я в свои 45 лет первый раз в жизни пробовал растопить печь. Тетя Катя проворно сбегала домой и принесла гусиное крыло:

— Будяшь смятать мусар всякий с печки, вазьми.

Я бросил возиться с печью и стал рассказывать, кто мы, откуда, почему оказались здесь. Открывал крышку пианино, бестолково бил по клавишам. Она цокала языком и говорила: «Па тялявизору видала».

Мы сразу понравились друг другу, а когда она ушла, я наконец-то растопил печь. Огонь заволновался, будто желая вырваться из плена. Я обрадовался и выбежал во двор, чтобы посмотреть на трубу и позвать жену.

— Нина, горит, пойдём посмотрим! — и показал на трубу, откуда валит дым.

Мы открыли дверь, в нос ударил запах горелых перьев, весь дом был в дыму: гусиное перо горело пламенем на плите. Я вспомнил тетю Катю, улыбнулся и стал читать письмо:

«Сасет здрастуй». —

Я разволновался. Буквы запрыгали перед глазами:

«Ты ня абижайси, што так вышла живу я ня плоха устаю (встаю, значит) кали все уйдуть патом адна да вечера усе есть внучка лутший кусок мене дае дом высаченый акон баюсь а уборна как ты гаварил рядам с кухней срам...»

Я чувствовал невыносимую тоску за каждым ее словом. От меня ничего она не могла скрыть.

«Целай день плачю вытти некуды ня магу здесь жить ня хачю а деццы некуды яблчка бы с нашего сада госпади».

У меня заколотилось сердце. Я услышал, как на выдохе произнесла она имя Создателя, и понял: конец ее близок. Ей не хватало дома и сада, восхода солнца и росной травы, тумана над прудом и зовущей тропинки к нему. Она не могла привыкнуть к воде из трубы.

Тетя Катя умерла летом, через год. Ее привезли из Воронежа, выполнив волю усопшей: похоронить рядом с мужем. Гроб с телом поставили во дворе ее бывшего дома. В нем она прожила тридцать лет с мужем и двенадцать — одна. Усадьбу купил беженец из Чечни, человек еще молодой, с деньгами, военный. Он разобрал и за зиму сжег в печке старые деревянные катухи (сарай), на их месте был залит бетонный фундамент, сложены штабеля красного и белого кирпича. Здесь же лежали металлические пакеты будущего забора. Все старые деревья и кустарники выкорчеваны, насажены новые молодые деревца. Они зазеленели, затрепетали первыми листочками и смело потянулись вверх. Красиво и крепко было сработано новое крыльцо. Усадьба ожила, преобразилась. Хозяйин согласилась, чтобы гроб с телом поставили во дворе или занесли в дом. Семья на время прощания тети Кати с домом и садом ушла к соседям. Вокруг гроба собрались люди. Старикам вынесли стулья, кто-то достал из колодца воды и поставил стакан у изголовья покойницы. Я поднялся на крыльцо и вошел в сени. Окно на чердак было открыто, как и год назад. Я засмеялся неожиданно и громко. Опомился, левой рукой закрыл рот и незаметно перекрестился. Тем прошлым летом я случайно оказался возле дома и зашел. Взгляд ее карих глаз поймал сразу. Она большой серой мышью глядела на меня сверху, через чердачный лаз. Лестница валялась на полу. Я все понял. Она лезла на чердак за луком и, когда руками уже ухватилась за обвязку окна, лестница поехала и упала. Тетя Катя повисла. Дороги назад не было: высота больше двух метров. Она еле-еле вскарабкалась на чердак. Стучи — не достучишься. Кричи — не докричишься. Я быстро приставил лестницу, наступил ногой на основание, и вынужденная пленница крыши спустилась вниз.

— Я только на тебе рашшитывала. Ждала, кали скучисся, — сказала она, неуклюже топая ногами и потирая руки. Мы весело рассмеялись. Я снова улыбнулся. Воспоминания захватили меня.

— Ох, пярядумала я многа за энти три дня и две ночи. Вот ты мне скажи: Коль — друг али нет.

Я отстранялся, таращил на нее глаза:

— Ты чо, теть Кать, того, что ли, за двое суток? Кому друг-то?

Она хитро улыбалась, лукаво подмигивая.

— А кто яво другом заве? Тялявизор глядишь?

— Ельцин?

Тетя Катя прикладывала узловатый палец к губам, вертела головой и зыркала глазами:

— У мяня падруга жива ишшо пака. Вона, за пасатками село. Пади спраси у нее: Коль друг? Я была у нее надясь.

Скоро тети Катину подругу Марию Астапову местная администрация определила в дом престарелых, и я побывал у нее дома. Изможденная женщина содрогалась от рыданий. Ржавая железная кровать вторила ей жалобным скрипом. Душно. Несчастливая была накрыта застиранным пододеяльником, плотно облежавшим ее тощее тело. Правая нога не проглядывалась: она потеряла ее на той проклятой войне. В избе гуляла бедность. Только старый «Рекорд-В-312», подаренный хозяйке властями к 40-летию Победы и стоявший как раз напротив изголовья, оживлял комнату.

Я пожалел, что послушал тетю Катю и спросил о Коле. Мария задыхнулась, стала надрывно кашлять, проворно повернулась и сплюнула в таз на полу. Полежала тихо, свесив голову, и приняла прежнее положение. Лицо от натуги было красным, в глазах — слезы. Она подняла взгляд на меня:

— Будь они все прокляты!

Сказано это было с такой ненавистью, что я содрогнулся.

Одинокую женщину положили в «скорую» и увезли в больницу оформлять документы. Я сидел у изголовья, но ни о чем не решался спрашивать: так сурово было лицо ее. В этот же день у тети Кати расспросил про Марию.

— Да она детишков своих усех трех халодными из калодца вынула. В Нижегородском раене пад акупацией была. Бабы тады с ума па-схадили.

Мы долго молчали. В дальний залив пруда садилось красное солнце. Ревели не встреченные в стаде редкие коровы. Село затихало.

— И я гаварю: будь ани прокляты!

Я смотрел на нее сверху вниз. Лицо сделалось черным. От худобы его и горбатости тела большой гнутый нос, кажется, перекрывал рот. Углы рта провисли.

— Теть Кать, времени прошло — пропасть. Может, забыть и простить? — тихо и вкрадчиво спросил я.

Она срезала меня без запинки:

— Люди живут памятью о плохом и хорошем. Нет памяти — нет людей.

Она, когда злилась на меня, переходила на чистый литературный язык, хотя считала это барством, всегда кривляла односельчан, говоривших без диалекта.

— А ты говоришь: забыть.

Глянула на меня строгим мудрым взглядом и отвернулась.

Мне вспомнилась древняя мудрость: «Чтобы уничтожить народ, надо украсть у него прошлое». Тетя Катя, конечно же, не знала ее, но вывела сама из богатого опыта многострадальной жизни.

А теперь она лежала в гробу, безучастная, равнодушная ко всему вокруг. Будто весь мир летит мимо, а она вне его. Ни беды, ни радости — ничто больше не тревожит и не волнует — так мудра она от поглотившей ее вечности. Стояла хрустальная тишина. Сад застыл в неподвижности.

«Веч-на-а-й-а па-мя-а-ать, — протяжно-грустно пропел квартет местных старушек. Все замерли. Даже снующие везде дети притихли. — Веч-на-а-й-а па-мя-а-ать и-и ве-эч-най па-ко-о-ой...»

Все встали, склонили головы. Люди прощались с великой труженицей, замечательным человеком, мудрецом и философом — Боковой Екатериной Яковлевной. Она безмолвно и навеки прощалась со всем и всеми.

— Теперь на кладбище, — тихо проговорила дочь Валентина.

Я держался от нее подальше: вроде и нет моей вины, «но все же, все же, все же», как сказал поэт. У могилы стали прощаться по очереди и степени родства. Толпа глазела. Я успокоился, отвлекся. Ну, умер человек, прожив 83 года. Может, в своем доме она и прожила бы чуть дольше. Годом больше, годом меньше, что изменилось бы? Ничего. Есть тетя Катя, нет тети Кати — пройдут годы, что останется, кто будет знать?..

Мысли бестолково роились, сталкивались, разлетались вдребезги. Но ведь и тебя может не быть, и его, и ее, и всех! Я повел глазами по головам

людей. Взгляд мой остановился и замер. К гробу подошла юная женщина. Платье строгого покроя хорошо облегло ладную фигуру. Проглядывались ровные красивые ноги, высокая талия, покатые плечи, открытая белая шея. Яркие с приподнятыми уголками губы что-то шептали. Она повернулась ко мне в профиль. Нос с еле заметной горбинкой, чистый открытый лоб и маленький подбородок показались мне удивительно знакомыми: «Это же тетя Катя шестьдесят лет назад!» Я спросил у пожилой женщины рядом:

— Кто это?

— Внучка Катина. Валина дочка. Тоже Катей зовут, — был ответ.

Я заволновался, вспомнил адрес на конверте, «лутший кусок мене дае», и грустные мысли улетучились, смятение исчезло. Внучка Катя стояла над гробом бабушки Кати. Внучка, как ветка плакучей ивы, изогнулась, губы ее коснулись бледного сухого лба.

Склоненная, она поправила платок на голове бабушки, открытой ладонью провела по убору покойницы, выпрямилась. Красотой и силой дышало тело девушки.

«И правда, — подумалось мне, — смерти нет!»

Смерть, с плотно сжатыми губами, крючковатым большим носом на худом без щек лице, глубоко запавшими глазами, резко обозначенными костями вокруг них лежала в гробу. Жизнь, с открытым лицом, теплыми карими глазами, сочными полураскрытыми губами, молодым здоровым телом в полном цветении, стояла над смертью. Горе не сломило ее. Она торжествовала.

Застучали молотки. Гроб качнулся над ямой и медленно поплыл вниз, в никуда.

Вечерело. Уставшее за день солнце катилось к закату. Умиротворенная тишина одела пространство.

Около кладбища накрыли длинный, специально сделанный для поминальной трапезы стол. Люди подходили, говорили, вспоминая, хорошие слова о покойнице, пили чарку, закусывали, нюхая хлеб, отходили.

Ко мне подошла внучка Катя: ей указали односельчане.

— Бабушка любила вас, вспоминала, называла «пярэбешшыком» и смеялась.

Я глупо улыбался, забыв, где нахожусь. Она, то ли почувствовала мой взгляд, то ли подумала, что я не слышу ее, сделала два шага навстречу, поправила волосы и повела плечами. Движения ног и рук, покачивание всего тела сливались с изгибом шеи, наклоном головы, взмахом ресниц — красота и гармония во всей своей силе открылись моему взору.

«Я все магла. Мяня на все гулянки звали. И страдания, и матания, и барыню плясала. А частушек знала — пропасть!» — вспомнились мне слова тети Кати. Если раньше они никак не вязались с дряхлым обликом, то теперь я понял: она во всем была первой.

Я будто оцепенел, и внучка Катя, наверное, не поняв моего состояния, повернулась и пошла прочь.

* * *

Теперь зима. Выпал глубокий снег. Замерли от удивления сады. Снег накрыл землю ослепительным полотном. Скоро следы людей и машин обозначили рельеф местности, и только кладбище оставалось нетронутым белым.

Я заглядываю к тете Кате, и мой одинокий след петляет среди могил. Подхожу. Кладу руки на крестовину. Слова вспоминаются в точности, образ — нет.

«Бывалоча, зимой аткроем кагаты, а ана ляжить адна к адной, розовая, красивая...»

Это тетя Катя о свекле. И кагаты они зимой открывали, чтобы дышала «радимая». Теперь никто ничего не открывает, и самая крупная свекла бракуется, потому что по величине своей не подходит в сажалку.

«Руки атарвать изабретателю. Мы ее, радимую, вручную сажали, мяшки на себе на полю таскали. Семяна были — во!» — в моей голове звучит даже ее интонация.

Я долго стою, стремлюсь воссоздать внешность покойной, но перед глазами неотвязно... взмах длинных ресниц, теплые, полные слез карие глаза, перевязанные черной косынкой русые шелковистые волосы... Тряхну головой, отгону видение... и ясно вижу мелкий шаг мне навстречу, движение руки, поправляющей волосы.

— Вечная память вам, Екатерина Яковлевна, — говорю я, сильно волнуясь и быстро, ступая в свои же следы, иду домой.

Павел Владимирович Коваленко родился в 1968 году. Окончил Эртильскую среднюю школу №2, факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал в редакции Эртильской районной газеты «Трудовая слава». Печатался в региональных изданиях. В настоящее время живет и работает в Воронеже.

Павел Коваленко

НЕЖНОСТЬ В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Повесть

Если долго-долго смотреть на секундную стрелку, то начинаешь понимать, как бездарно уходит время. Сначала секунды сбиваются в минуты. Затем минуты складываются в часы. Часы набегают в дни. А дни — в седину волос, паутину морщин и кардинальную дезориентацию в жизни.

И вся эта невыносимая тяжесть бытия долбит тебе голову, и ты отчетливо начинаешь понимать, что тебе уже никогда не развить такой скорости, чтобы догнать свою молодость. Зато крейсерская скорость твоей глупости — именно та роскошь, которую ты еще можешь позволить своему немолодому сердцу.

У нее не было имени. Вернее, оно было. И оно было столь же восхитительным и прекрасным, как и она сама. Но для нее у него не было имени. А то, что было удивительным и очень ей подходящим, он никак не решался произнести вслух.

Поэтому он звал ее — Тимоша. Это было мужское имя, но обволакивающий слух кончик «ша» делал его интригующим, кошачьим и домашним.

Журнальный вариант

Так ему, по крайней мере, казалось.

Тимоша появилась в его жизни, словно из сна. Она вдруг возникла из прохлады и деликатности солнечных лучей летнего утра. Она появилась из ниспадающих прядей волос. Из запаха, который, казалось, не имел аналогов на этой планете. Из нереальности обручального кольца на ее пальце.

— Привет! — ее не имеющие ни малейшего намека на дно глаза пылливо изучали его.

— Привет, — во всяком случае, это его еще ни к чему не обязывало. Простая демонстрация хороших манер. И не более.

Их жизни уже пересекались в этом веке. Это было, казалось, только вчера. Но время беспристрастно прибавило к этому «вчера» еще пять лет, и в сумме оказалось, что с момента их последней встречи минуло столетие.

Они отражались в глазах друг друга. Он видел в своем отражении немолодого мужчину, она — интерес. Они ради приличия совершенно обыденно обменялись номерами телефонов, заверяя друг друга, что обязательно созвонятся. Еще в этой жизни.

А эту жизнь они уже проживали по сценариям, написанным в соавторстве со своими вторыми половинами и многочисленными родственниками. В их жизнях нашлось место своим семьям, детям, небольшому количеству любви, чуть большему — обмана и огромному желанию быть счастливыми по-настоящему.

МОЛОКО И ШАФРАН

Она пригласила его к себе в гости. Ею двигали любопытство и желание. Он понимал, что навещать замужнюю женщину — это, по крайней мере, неприлично. Но она настаивала. И он уступил. В конце концов, в том, чтобы неспешность беседы разбавить чашкой-другой чаю, он не видел ничего предосудительного.

На лестничной площадке, обделенной освещением, он набрал номер ее телефона. И через мгновение полоса яркого света указала ему путь. В этом контрольном свете, который словно ждал утраты бдительности и наконец-то вырвался на свободу из-за двери ее квартиры, он угадывал женский силуэт. Это была Тимоша. Необыкновенно домашняя, совершенно непохожая на ту, которую он помнил по встречам на улице. Он еще не видел ее такой. Он хотел ее такой запомнить.

Она отступила в глубину коридора, и он, набрав в легкие как можно больше воздуха, перенес свои немного отнимающиеся от волнения ноги через порог. Он преодолевал этот порог так, как будто прыгал в рокочущие и непредсказуемые океанские волны. Так и есть. Для него ее мир мало чем отличался от неизведанного океана. Целая жизнь из повседневности быта, зародившихся традиций и алгоритмов отношений. Весомость далее происходящего уступила месту зыбкости сновидения. То ли от простуды, то ли от волнения у него вдруг пропал голос.

— Идем, покажу тебе, как я живу, — она повесила в нишу его куртку и повела по своим чертогам.

Дом встретил его уютом, а еще порядком и чистотой, близкими к помешательству. Он украдкой взглянул на ее руки и понял: в этом дворце она — не принцесса.

Он обвел взглядом периметры ее семейного счастья: целеустремлен-

ность коридора, одиночество зала, энергичность детской, таинственность спальни.

— Господи, все, что нужно человеку для нормальной жизни — у тебя уже есть. Чего же тебе не хватает? — почему-то именно этот текст непроизвольно сорвался с его губ.

Каким мог быть ее ответ на его вопрос? Как она могла сейчас доверить ему терзания, которые на протяжении всей жизни так и не переставали терзать ее сердце? Как она могла признаться в том, что отлаженный быт для нее, конечно же, важен. Но ей всегда было необходимо гораздо большее. Вот и теперь ей нужна его любовь. Именно здесь и именно сейчас.

— Пошли пить чай, — вынырнула она из своего замешательства и повела его на кухню.

Кухня была и его любимым местом в доме. На просторах любой комнаты всегда есть вероятность затеряться. Кухня — это тепло очага и очень близкое общение. На этой кухне можно было поведать о самом сокровенном и запросто выпить чашку чая. Здесь готовы были раскрыться не только кулинарные таланты хозяйки. Здесь предоставлялась возможность узнать человека ближе. Здесь чувствовалась особая магия. Под ее чарами чопорный гость в процессе кормления утрачивал свое внутреннее напряжение и превращался почти в родного человека. Когда мужчина ест, он не ждет нападения. Вот так незаметно, но абсолютно безальтернативно он увязает во власти женщины. Теперь это происходило и с ним.

Тимоша перемещалась по кухне с особой грацией. В этом изученном пространстве была заключена ее свобода. Она скользила по полу, не отрывая глаз, смотрела на него, а ее руки привычно извлекали все необходимое для чайной церемонии из прохладного сумрака кухонных шкафов.

— А что с голосом? Простыл? — она источала флюиды заботы и участия.

— У тебя есть молоко? Должно помочь, — его сдавленный то ли простудой, то ли волнением голос незнакомо отозвался под сводами кухни.

— Ты любишь кипяченое молоко? — ее удивлению в этот миг по-детски не было предела. — А вот я терпеть его не могу! И пенка сверху там всегда плавает такая противная! Фу!

— Что делать, лечиться-то надо, — он так и не привык к своему новому тембру.

Он звучал как безнадежно простуженный скипер, буквально на днях вернувшийся из очередного плавания. Но не его голос был сегодня для нее приманкой. Она просто доверилась своей интуиции. Она так же, как и он, не могла поверить в реальность происходящего. Она впитывала в себя мимику его лица, додумывала контуры его тела, непростительно скрытые одеждой, провожала взглядом каждый жест его рук и ловила его запах.

Именно по запаху в этот момент она пыталась принять окончательное решение. Так мог пахнуть только ее мужчина!

— Знаешь, у меня есть шафран. Хочешь попробовать? Он сделает молоко вкуснее, — она продолжала заботиться о нем, как о самом близком и родном человеке.

— Давай, хуже ведь не будет! — в этот момент он был готов принять из ее рук даже яд.

Возможно, он сам подписал себе этот приговор. Но ведь это были только высохшие частицы растения, погруженные в кипяченое молоко. Ни намек на колдовство, ни тени магии. Обыкновенная народная медици-

на. Простое желание хоть чем-то помочь человеку, стремительно становящемуся близким.

Он сделал всего пару глотков. Питье начало обволакивать его горло и потихонечку расслаблять голосовые связки. Была выпита еще одна кружка. И, о чудо, он зазвучал! Прежний тембр голоса уверенно занимал позиции, оставленные ненадолго под натиском то ли простуды, то ли волнения.

В такие мгновенья люди обычно не следят за безжалостностью минутной стрелки. До нее им нет дела. Они просто живут. Не могут наглядеться друг на друга. Не могут послушаться друг друга. Не могут насладиться друг другом. Вот, собственно, и все.

— Большое спасибо за молоко с шафраном. Я обязательно запомню этот рецепт и этот вечер. Мне уже пора идти, — она ждала неотвратимости произнесенных им слов с момента его появления в ее доме.

Они не знали, как себя вести. Какие слова должны быть произнесены и какие движения должны быть сделаны в этом ритуале прощания. Она просто в отчаянии прильнула к его щеке, а он неумело обхватил ее рукою. Они могли бы стоять так вечность. На пороге ее дома. В последние дни прожитой осени. И непосвященным до конца в эту историю рождения новой любви так и не было бы понятно, они только что встретились или уже расстаются?

КРЕЩЕНСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

— Влюбленные люди чаще встречаются! — из ее уст это прозвучало как ультиматум. — И телефоны, между прочим, пока продолжают работать!

Их влекло друг к другу. Но их желание быть все время вместе сдерживалось их семейным статусом, полным отсутствием территории для встреч и каждодневными домашними заботами. А душе хотелось праздника! Хотелось совсем ненадолго отключиться от реальности и впасть в фазу кратковременного счастья.

Боже, как все-таки мало нужно человеку для счастья. И как это счастье часто бывает из-за этой самой малости недостижимым.

Им повезло. В их полулегальной жизни случались такие вечера, которые они могли проводить вместе. И они гуляли. Болтали без умолку, радовались, словно малые дети, и иногда лишь замолкали, чтобы услышать, как бешено бьются их сердца.

— Я думаю, ты классно целуешься, — Тимоша не высказывала предположения. Ей просто надоело ждать, когда он наконец-то проявит себя как мужчина.

— Курс ускоренной подготовки на помидорах я благополучно завалил в юности, — его слова невозможно было расценить как маневр уклонения, в них было с избытком иронии.

— Ой, а я губы забыла накрасить, — как бы о своем, женском, продолжала она.

До Крещения было подать рукой. Порывы ветра пускались во все тяжкие, чтобы разлучить их и не дать им познать вкуса друг друга. Окружающая температура норовила остудить их пыл. Словом, природа упиралась, как могла. Но они же были сумасшедшими влюбленными. Каверзы стихии уже не могли остановить их на пути друг к другу.

Увязая в глубоком снегу, они добрались до странного архитектурно-

го сооружения, которое на время защитило их от ветра и скрыло от любопытства посторонних. Они шумно дышали и не отрывали глаз друг от друга. Облаченные в зимние одежды, они больше походили на неповоротливых гигантских кукол. Тех, в костюмы которых наряжаются пока непризнанные таланты и веселят честной народ во время концертных выступлений и безудержных народных гуляний.

Козырек своей кепки он лихо сдвинул на затылок. Она не закрывала глаз. Ее лицо так близко он никогда еще не видел. В свете луны оно было прекрасно.

— Жаль, что ты видишь меня лишь вечером, когда я уже уставшая и некрасивая, — его достиг жар ее дыхания. И в этот миг их губы оказались так близко, что ответить он уже не успевал.

Их обоих накрыла горячая волна страсти. В это первое касание у них перехватило дыхание. Трудно было даже понять вкус губ. В долгожданном и выстраданном первом поцелуе они были неумолимы, ненасытны и одержимы. Они пришли в себя только тогда, когда осознали, что им обоим нужен кислород. Они ведь могли просто задохнуться от своей страсти.

Они оторвались от губ друг друга и жадно вдохнули в себя морозный воздух полной грудью. Словно ловцы жемчуга, ловко сбросившие груз и буквально вытолкнутые толщей воды на поверхность с драгоценной добычей. Их добычу нельзя было увидеть глазом или подержать в руках, но ее можно было оценить. Потому что прекраснее жемчуга может быть только поцелуй.

ДВАДЦАТЬ ДВА

В конце концов, это должно было с ними когда-нибудь произойти. Наверное, это могло случиться еще вечером, пахнущим молоком и шафраном. Могло, но все бы испортило. Не так, чтобы «все» и «окончательно». Но им нужно было еще время, чтобы узнать друг друга лучше, научиться друг друга чувствовать, а главное — вырастить дерево взаимного доверия. И такой день в их жизни настал. Это был двадцать второй день обычного весеннего месяца.

Близость — это всегда пик. Те, кто торопятся и стремительно добиваются до этой вершины, не находят в ее покорении ничего примечательного. Те же, кто вносят коррективы в свой маршрут и правильно рассчитывают душевные силы и фазы восхождения, бывают вознаграждены и любовью, и терзаниями.

Каждый из них внутри своего сознания уже не один раз проживал варианты того, как это будет происходить. И всякий раз ошибался. Теперь, когда они отыскивали друг к другу правильные тропы, их чувство ждало новое испытание.

Они избавляли друг друга от одежды, не потому что так принято у людей в подобные моменты. Они обнажали сути друг друга. Они боялись, что в складках материала могут затаиться нерешительность и старые обязательства. Они хотели в этот миг просто принадлежать друг другу. И не могли позволить, чтобы в их, пусть и украденную на время, сказку внедрилась разрушительная сила реальности.

Он догадывался, что, лишённая тайнства покровов, она еще более ослепительна. А она просто теряла рассудок от его долгожданной близости, запаха его тела и водопада его жаркого шепота. За них все решила природа...

— Знаешь, у тебя пушистые ресницы, — Тимоша из забытья постепенно возвращалась в себя. Перевернувшись на живот, она внимательно изучала его лицо, словно оно было дорожной картой ее любви. — Представляешь, какой бы красивой была девочка с твоими ресницами?

Он нашелся бы, что ответить, если бы не тонкий латекс, отделявший их от идеального момента для зарождения новой жизни. Если бы.

— Ты хоть сказки умеешь рассказывать? — серьезно морща носик, спросила она.

— О том, как мы будем жить с тобой «долго и счастливо»? — отозвался он.

— Сказки. Маленьким деткам. На ночь! — ее голос звучал требовательно.

— Ты хочешь сказку? Про кого?

— Про лисичку, — игриво капризничая, заявила она.

— Хорошо. Пусть будет про лисичку, — он легко согласился. — Припасена у меня для тебя одна маленькая сказочка... Так вот. В жизни каждой удивительной лисички наступает такой момент, когда на ее пути попадает милый только ее сердцу... Кто бы это мог быть?

— Зайчик? — с детской хитринкой спросила она.

— А почему зайчик-то? Что, разве зверя в лесу достойнее мы не сыщем?

— Хм, волк, что ли? — Тимоша начала подбрасывать варианты.

— Ни за что не отгадаешь! Не мучайся уже, это еж!

— Еж? — удивилась она.

— Ты уже выбрала себе зверя. Теперь — моя очередь. Я подумал, еж ничем не хуже.

— Ладно, давай рассказывай, — милостиво позволила ему она.

— Итак, лисичке встретился ежик! Ах, что же делать?! Лисичка в смятении, лисичка в затмении, лисичка в очаровании и путей жизненных искании! И, надо тебе сказать, какую бы аппетитную курочку она бы ни несла в этот момент в своих острых и не лишенных привлекательности зубах, лисичка очень интеллигентно отпускает ее на свободу.

— У нее аппетит пропал из-за ежика? — Тимоша не ожидала такого поворота событий.

— Тут ей уже не до еды. Теперь, дружок, все ее помыслы сосредоточены лишь на одном беззаботном лесном персонаже. На ком? Правильно, на ежике! А ежик — мелкий, коротконогий, натурально, не бегун. Он обреченно тащит на своих иголках груз добровольных обязательств семейной жизни и свою нерастраченную любовь. И тут вдруг: бац, шмяк, бум! Ходи сюда, мой сладкий ежик!

— Это ему так лисичка говорит, что ли? — радостно вторглась в повествование Тимоша.

— Ага! А он у нее так, между прочим, и интересуется: а ты будешь щекотать мне брюшко и катить в сторону ближайшей речки? «Да!» — так отвечает изумительная лисичка. «Боже мой!» — это так воскликнул ежик. Дескать, делай со мной все, что тебе только придет в твою дикую и изобретательную голову! Только не бросай меня никогда! Лисичка улыбнулась ежу так, как только любимая девушка может одарить своим взглядом бесконечно любимого мужчину! И стали они жить-поживать, и было им хорошо в их необъятной, но очень вовремя случившейся с ними любви! Тут и сказка истончилась и под лавку закопалась!

— Хорошая сказочка. Жизненная, — Тимоша одобрительно зевнула и с удовольствием потянулась.

Иссякал двадцать второй день обычного весеннего месяца. Таяли зажженные им свечи. Они лежали, прижавшись друг к другу, обессиленные, но наполненные счастьем. В пространстве своей любви они были абсолютно беззащитны. Теперь их не защищал даже плед, стилизованный под шкуру хищника. Его художественная агрессия не могла скрыть нежности настоящих чувств. И их счастье было видно невооруженным глазом. Они были уязвимы, словно мишени. И если бы они только на мгновение утратили свою любовь, осознание этого расстреляло бы их сердца в упор. Если бы.

ДВАЖДЫ БОЛЬ

Тимоша была готова снова стать матерью. Это состояние мятежного ожидания чувствуется в женщине так же отчетливо, как готовность пашни принять в свое прогретое весенними лучами лоно проросшее зернышко или семечко. Это было видно по ее глазам. Это звучало в ее словах. Это было главным желанием всей ее жизни. И ее истомленное ожидание он ощущал каждой клеточкой своего естества.

Труднее всего для него было увязать несовместимое. В этой жизни она любит его. Все более-менее логично. В другой жизни — новорожденный становится продолжением отношений с ее законным мужем. И это тоже — любовь. И тут тоже все ясно. Но как это совмещается в одной и той же женщине? Его разуму так и не удалось постигнуть!

Настал такой день, когда Тимоша затаилась. Она так поступала и раньше. И именно так вдруг вырывался на всеобщее обозрение ее неподарочный характер. Но он принимал и любил ее такой, какая она есть. Она была дорога ему без переделок и поправок. Они виделись непростоительно редко. А выудить из ее молчания по телефону ничего обнадеживающего он не мог.

Но в нем жила любовь, помноженная на упорство. И в одном из телефонных разговоров ему все-таки удалось вывести ее на эту закрытую для их совместного обсуждения тему. Она призналась, что казнила себя уже четыре долгих дня. Она извела себя и не знала, как сказать ему об этом. Он был ей очень дорог. И от присутствия в ее сознании одной только мысли, что она может его потерять, она не думала больше ни о чем.

— Прости, я не могла тебя больше ждать! — она достала это признание из глубины соленых слез и недр сокровенного. — Я — беременна!

Он предчувствовал, это должно было когда-нибудь случиться. Но он не был к этому готов. Внизу живота что-то предательски оборвалось. Мысли в голове неслись, одна обгоняя другую. Было невыносимо больно.

— Не плачь, упорная ты моя. Я люблю тебя! — кто-то вовремя написал ему именно этот текст. — Это здорово! Ты так хотела этого ребенка! Чего же ты теперь льешь свои слезки? Малышу сейчас нужна твоя радость, а не раскаяние.

— Я думала, ты меня бросишь, — слезы Тимоши в этот момент помогли бы выполнить годовой план не одной фабрике по выпуску носовых платков.

— Я тебя удивил? — он уже почувствовал появление этой угрожающей трещины в фундаменте их отношений. От необратимого разрушения чувства их ничто уже не спасало. Она сделала свой ход. Теперь настал и

его черед. Но он слишком трепетно ее любил, для того чтобы попроситься и решительно положить трубку. И теперь она это тоже знала.

— Наверное, я у тебя — ненормальная? — она хотела знать всю правду о себе. — Люблю — тебя, а ребенка жду — от мужа. Он любит меня, и я должна быть ему благодарна.

Она никому и ничего не была должна в этой жизни. Она еще об этом просто не знала. Ее всегда вело по жизни горячее сердце, а не холодный расчет.

Прошло немного времени, и вся эта история удачно имплантировалась в их полулегальную жизнь. Он так и продолжал любить ее всем сердцем, а она с нежностью и терпением носила под своим сердцем ребенка от другого мужчины. Овал ее лица начинал приобретать уже заметную округлость. От процесса женского преобразования не отставали грудь и начинающий немного выпирать вперед животик. Иногда в его голову проникали мысли о том, что в ней хватит любви на всех. Это чувство и подвигло ее дать жизнь еще одному человечку. Она была без ума от детей. И, может быть, это помогло бы восстановить что-то утраченное в их отношениях с мужем, занятым почти круглосуточной добычей денег.

Вроде бы все сходилось. Но он так и не смог понять, что же он тогда делает в ее жизни? Было ясно, ей нужна эмоциональная поддержка. И выходит, что дать ее мог только он. Ей всегда не хватало его слов. Из них возникал ее мир, состояла жизнь и черпала силы ее любовь.

Его просто выхватило из сна. Он проснулся от необъяснимой тревоги. Посмотрел на часы. Половина четвертого утра. За окном летний рассвет уже жадно допивал прохладный сумрак. Он поворочался, попытался отыскать причину своего беспокойства. Все тщетно. Кое-как он забылся тяжелым сном.

Утро не принесло ему облегчения. Он сразу понял: что-то произошло. Он научился чувствовать ее даже на расстоянии. Казалось, их души были прочно связаны незримыми нитями. И сейчас тревога дергала за них просто с остервенением. На его бесчисленные телефонные звонки она не отвечала.

Почему человек так устроен, что ему обязательно надо думать о плохом? Он извел себя вариантами самых жутких и неправдоподобных догадок. Причем, две из них лидировали в списке его предположений. Первая — она его бросила! Обычно эта мысль в головах сумасшедших влюбленных занимает главенствующую позицию по навязчивости. Вторая — что-то случилось! Хрен редьки не слаще.

— Она в больнице, — это будничное сообщение ее коллеги по работе обожгло его сознание.

В последнее время Тимоша жаловалась на боли в области живота. И вообще очень тяжело переносила первые недели своей беременности. Она была мужественна, потому что желание иметь этого ребенка было сильнее всех болей. Но в те долгие часы, когда она оставалась с собой наедине, только она одна знала, откуда у нее берутся силы.

Тимоша не отвечала на его sms и не откликнулась на его звонки. И только на следующее утро, полное отсутствием ясности, его телефон вдруг откликнулся радостным сигналом полученного от нее sms-сообщения: «Как ты?».

Что значит, «как он»? Главное — как она! Что происходит? И где она сейчас?

Он стремительно набрал ее номер.

— Девочка моя! Как ты? Что случилось? В каком ты отделении? — строчил он словно из пулемета, боясь, что желанная связь с ней из реальности вдруг превратится в наваждение.

— Не волнуйся. Теперь уже все позади, — Тимоша говорила отрешенно, загоня вглубь себя плач. — Я в гинекологии. Мое окошко — четвертое.

— Я буду там! — он не просто к ней спешил. Он старался догнать свое сердце, которое уже устремилось в сторону городского родильного дома.

Он разглядел ее за пыльным стеклом больничной палаты. Он видел ее такой впервые. Бледность осунувшегося лица, краснота выпланных глаз, несуразность больничного халата.

— Ты пройди внутрь. Туда можно, — она говорила в створку приоткрытого окна и слабым движением руки указывала ему направление.

Он взлетел по ступенькам. Распахнул дверь, следом — другую. В скудном освещении старых ламп она, будто призрак, парила перед ним.

Он обнял ее и очень трепетно прижал к своей груди. Мир вокруг них завертелся так, словно они стояли в центре карусели. Мимо неслась болотная зелень больничных стен, бесцеремонные санитарки с огромными кастрюлями, назидательные и обветшалые стенды с какой-то медицинской информацией. Но он видел только ее испуганные глаза. Осознание невосполнимой утраты в них соседствовало с его всклокоченным отражением.

— Я потеряла ребенка, — она выдохнула куда-то в пространство между его плечом и шеей.

Он бережно коснулся своей правой рукой ее живота. И замер. У него в запасе всегда были десятки слов, которые могли поддержать ее в любой ситуации. Но сейчас он не нашелся, что ей сказать. У него просто перехватило горло.

БЕЛКАМ ТОЖЕ НУЖНА ЛЮБОВЬ

В этой жизни каждому человеку достаточно постигнуть две простые дисциплины. Химию любви и географию понимания. Казалось, он знал наизусть все элементы периодической системы любви. Они помогали ему любить ее так, как никто больше не делал этого на всем белом свете.

Жизнь удивительна уже тем, что она имеет непотопляемое качество продолжаться. Судьба то ли проверяла силу их чувств, то ли отчаянно сигнализировала, что им не стоит быть вместе. Но пока их полные любви взгляды были устремлены друг на друга, они не замечали подсказок.

После той утраты, что постигла их минувшим летом, они держались вместе и не давали хандре завладеть их душами. Каждая их встреча, каждый разговор превращались в маленькие праздники жизни.

— А давай сегодня пойдем кормить белок? — он предложил Тимоше легкую прогулку по осеннему парку.

— Я их боюсь, — в ее глазах промелькнул испуг.

— А мы наберем с собой орехов. Белки увидят, что мы пришли к ним с добрыми намерениями и не с пустыми руками. Они и не будут грызть наши пальцы.

— Не смешно. Хорошо, давай их накормим, — она решительно согласилась.

Они неспешно шли по выметенным от обреченно опавшей хвои дорожкам. Она взяла его под левую руку и припала к нему всем телом, чтобы лучше слышать, как бьется его сердце. Он чувствовал ее тепло. Он

ловил ее запах. Он бережно отогревал ее озябшую ладошку в своей руке. И, наверное, все это и называлось счастьем.

— В твоей жизни было много женщин? — Тимоша задала один из тех вопросов, которые так и вертятся порой на языке.

Дон Жуан не был его кумиром. И неистовый любовный фанатизм Казановы его не манил. Он просто всю жизнь учился так понимать женщин, чтобы потом помочь им понять самих себя. Он не хотел лукавить. Она ждала от него правду.

— Знаешь, даже не считал. Ведь каждая женщина приходила в мою жизнь в свое время. И каждая была будто моим отражением. Они проживали со мной часть жизни и выводили меня на новый виток развития чувства. Благодаря этому я и стал таким, каким я тебе сейчас дорог. С этими женщинами я учился искренне любить. Правда, не со всеми и не всегда это получалось. И было их, куда намного меньше, чем арахиса в нашем кульке.

— Гордишься собой? — она прощупывала его самомнение.

— Я не коллекционирую сраженные моей любовью сердца. Я просто люблю.

— Ты не жалеешь, что это случилось с нами? — она пристально посмотрела на него. Ему показалось, что ее взгляд проник в укромный уголок его сознания, отвечающий за правду.

— Судьба преподнесла мне тебя как удивительный дар. Как можно от него отказаться?

— Да, уж. Ничего себе «подарочек», — очевидно, в этот момент она вспомнила особенности своего местами вздорного характера и улыбнулась.

— Смотри, а вон и белки!

Две рыжие бестии, словно языки пламени, скользили по стволам сосен. Они или так грелись, или так играли друг с другом. Сколько грации и изящества было в радостном хаосе их движения! Белки то карабкались наперегонки по шершавым стволам деревьев, то застывали в причудливых позах между веток, то зигзагами неслись по опавшей хвое, то деловито рыли в земле свои тайные погребки.

— Самое время доставать наши орехи!

— Ой, а мне страшно. Вдруг они кусаются? Давай, ты их будешь кормить? — в голосе Тимоши звучал струнный квартет беспокойства и интереса.

Он достал из кармана куртки кулечек с арахисом, высыпал на ладонь немного орехов и присел на корточки.

Белок надо было еще подманить. И он стал издавать языком частые клацающие звуки. Один из зверьков явно заинтересовался.

— Гляди-гляди, одна идет прямо к нам, — произнесла с восхищением Тимоша и бесшумно опустилась рядом с ним. Она, словно охотница, затаила дыхание и стала ждать. Ее глаза замороженно следили за беличьими маневрами, а кончик языка от нетерпения был слегка прикушен зубами.

Белка короткими перебежками приближалась к своему арахисовому счастью. Но не торопилась стать его безраздельным обладателем. В нескольких метрах от них она выжидающе застыла. Он осторожно вытянул вперед ладонь, на которой в гордом одиночестве вызывающе покоился орех.

— Она, наверное, есть не хочет, — шептала Тимоша.

— Не переживай. Инстинкт и любопытство победят ее страх. В этом она очень похожа на тебя.

— А ты — на вот этот твердый и немного пригоревший орешек? — она уловила аналогию и озорным взглядом указала на его ладонь.

Орех лежал в центре ладони. Для того чтобы его достать, белке надо было передними маленькими и когтистыми лапками встать на краешки пальцев. Так и получилось. Довольная и невредимая белка стремительно уносила свой съедобный трофей вглубь парка.

— Попробуешь?

— А коготки у нее острые? — опасливо спросила она.

Тимоша взяла один орешек. И с серьезным выражением лица зацокала язычком. Белка осторожно протянула свои хваткие лапки к арахису. Наконец, и этот орех был буквально сметен с ладони.

Тимоша веселилась как ребенок. Закормленные белки радостно гонялись друг за другом.

— Жалко, что у нас нет с собой фотоаппарата, — Тимоша немного укоризненно посмотрела на него.

— Давай будем хранить такие моменты в памяти.

Он знал, что ни одному снимку не удастся передать всю полноту их ощущений. Остановленная лишь на мгновение фотоаппаратом жизнь так и останется нереальной. А память бережно сохранит все. Зрительные образы, настроение и даже запахи.

БОМЖ И СКАМЕЙКА

Любовь — это вирус. Любовь — это недуг. Но, странное дело, они стремились переболеть ею осознанно и добровольно. Сначала они ощутили необычайный взлет душевных сил и необъяснимость совершаемых поступков. Вроде бы вчера для них светило то же солнце, что и сегодня. Но именно с этого дня вселенское светило к ним было как-то особенно расположено. А зайчики, которые так и норовили сорваться с гладких зеркальных поверхностей, именно сегодня делали это на удивление изобретательно и феерично.

Так привычный мир вокруг мужчины и женщины начинает меняться, стоит им только попасть в фазу любви. Энергетические напитки и наркотические вещества здесь абсолютно ни при чем. Это их любовь пробудила в них желание жить именно так.

Любовь была беспощадна, изобретательна и неистребима. Ее не останавливали ни их оглушительная разница в возрасте, ни их обреченный семейный статус, ни повод, который они давали общественному мнению на агрессивное вторжение в их личную жизнь.

Чуть позже любовь заставила их пережить ревность и эгоизм, чтобы они научились понимать и прощать друг друга. Правда, потом они еще долго пытались себе объяснить, откуда это вдруг на них навалились уничтожающая пустота, сжимающееся в кольцо одиночество и разрушительность обмана. Потом они сполна заплатят за все. И даже с процентами. Это и будет плата за кратковременность их счастья. Счастья, которое они получили от судьбы в кредит.

Кому придет на ум ставить знак равенства между социальным статусом человека и его высочайшим чувством? Нелепо и провокационно сравнивать мироощущение бомжа и любовь. Но и в том, и в другом случае мы имеем дело с попытками проявления внутренней свободы.

Да, вот такая она, чья-то внутренняя свобода. Пьяная, грязная, дурно пахнущая, не обустроенная и одинокая. Такой она и бывает у людей без прописки в паспорте. А чем же тогда отличаются счастливые обладатели заветного штампа? У них ведь тоже зачастую не бывает душевного покоя. Кто-то собирает бутылки. А кто-то опустошенные и, к сожалению, собственноручно разбитые любовью сердца.

Они сидели на выцветшей и изрезанной чьими-то безжалостными автографами скамейке, склонив головы друг к другу. Они укрылись в городском сквере от мирской суеты лоскутным пледом, сотканным из утратившей цвет жизни листвы и теплых нитей своего чувства. Это и было их тихое счастье. И скамейке нравилась исходившая от них умиротворенность.

— Богоугодным делом занимаетесь, молодые люди, — из звона пустых бутылок и шелеста разнокалиберных и нещадно смятых полиэтиленовых пакетов вдруг возник человек. Внешне он был грязен, оборван, нечесан и нелеп. Но то, как он строил свою речь, никак не вязалось с его жизненным амплуа отщепенца.

— Вы смотрите друг на друга как влюбленные голубки. И Богу это видно. И Бог внутри каждого из вас. Он в тайнстве ваших взглядов. Он в нежности ваших прикосновений. Он в созвучности ваших мыслей и в трепете ваших сердец. Это он зажигает их огнем любви. Любви, которая подарит жизнь вашему ребенку. Добрые люди, дайте десять рублей, а?

Они оба были в замешательстве. Скамейку, на которой они примостились, этот текст не удивил. Даже в скоротечности своей скамеечной жизни она успевала выслушивать и не такое.

Может, этот бомж действительно увидел их чувство, которое они так самоотверженно укрывали от посторонних? А может быть, он просто подыгрывал им? Так или иначе, но именно он произнес самые главные слова. Те, которые они так и не решались до этого дня сказать друг другу. Как замороженный, он протянул ему деньги.

Бомж, боясь спугнуть удачу, осторожно, кончиками грязных пальцев взял купюру и ловко сунул ее в один из своих пакетов. Одарил их в ответ своей извиняющейся улыбкой и пошел шаркающей походкой по направлению к другой лавочке. Там сидела еще одна пара. Бомж снова деловито осмотрел содержимое урны и завел свой разговор. Слов не было слышно. Но из мимики и жестов было совершенно понятно, что этот бомж тот еще психолог. Он снова просил денег. Скамейку это почему-то ни досточки не удивило.

— Боже мой, как я люблю тебя! — Тимоша смотрела куда-то поверх его головы. — Как я хочу проснуться утром в твоих объятьях. Я хочу поцеловать тебя и сказать, как я счастлива. Я хочу заняться с тобой любовью, когда я хочу, а не когда «все удачно складывается». Я хочу нашего ребенка, который похож на нас и которого мы любим до безумия. Боюсь, жизнь пройдет гораздо быстрее, чем все это произойдет. Очень боюсь. Ну, хотя бы обмани. Ну, скажи, что так все и будет!

Обманывать затуманенное любовью сознание легко, а вот говорить правду любящему сердцу — непросто! У их чувства не было будущего. И они оба знали об этом. Только признаться в этом друг другу им не хватало душевных сил.

А он переживал. Он делал что-то очень важное с ее сердцем, и ее жизнь преображалась. Он делал что-то очень подлое с жизнями тех, кто ее окружал, и их судьбы разрушались. И еще он хотел быть честным с нею

всегда. Но это было трудно. Слова потянули бы за собой поступки, а расставания именно сейчас они бы просто не пережили.

— Твое молчание не может огорчить, — обреченно произнесла Тимоша. — Я и так все понимаю. Знаешь, бывают такие минуты, что, кажется, все еще может измениться. Я просто хотела еще раз... Когда знаешь, на что можешь рассчитывать, когда знаешь свое место в чьей-то жизни. И это уже хорошо. И я все так же сильно люблю тебя, и я все так же безумно скучаю. И все так же...

Скамейке вдруг стало грустно. Она пыталась сберечь в своих деревянных недрах остывающее тепло, оставленное их телами. Она провожала их своим печальным скамеечным взглядом, пока они окончательно не скрылись из вида. И вместе с их исчезновением она утратила зыбкую надежду на то, что еще хоть когда-нибудь их здесь увидит.

ТВЕРДЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Прогресс облегчает нам жизнь и, тем самым, губит нашу любовь. Нужны доказательства? Они — в каждом мобильном телефоне. В шаблонах разработчиками уже заложено послание «я тебя люблю». Порыв каждого влюбленного сердца уже предвосхищен. И никаких мук творчества. Надо лишь знать, где именно ты можешь отыскать эту фразу. В телефоне, а не в сердце! Вот странная примета нашего времени.

Он не терпел пользоваться шаблонами. Он предпочитал делать это по старинке. Ведь, чтобы написать «я тебя люблю», он должен был всякий раз заново пережить это состояние влюбленности. И эти душевные переживания рождали точные эпитеты, а классический стиль любовного признания приобретал черты его индивидуальности. Тимоша дорожила этими посланиями. Она хранила их в своем телефоне ровно в таком объеме, в котором позволяла это делать его встроенная память.

Когда тоска, ревность и невозможность делить ни с кем своего любимого мужчину в ней обострялись и пытались брать верх, она перечитывала их и так постепенно укрощала свой бунтующий разум. Благодаря этим словам она чувствовала, как сильно и нежно он ее любит.

Так она выживала. И так коротала свое душевное одиночество. Муж приходил домой только спать. Круг ее общения складывался из редких подруг, родственников и ребенка. Но теперь в ее жизни был еще один мужчина. Тот, кто понимал ее, поддерживал и даже смешил.

Он предчувствовал, что рано или поздно это их и погубит. И он говорил ей об этом. Она все слышала, но не принимала сказанное им всерьез. Влюбленность всегда недооценивает необратимость последствий. Он продолжал писать ей послания. А она продолжала оставлять самые трогательные и нежные из них. Так было вплоть до того утра. Утра, которое рассчитывало быть добрым. Пока нелепое стечение обстоятельств не вложило в руки ее мужа мобильное хранилище ее женских секретов.

Как может чувствовать себя мужчина, которому изменила женщина? Та, которой он еще до момента ее неожиданного разоблачения мог доверять. Наверное, паскудно.

Что стало причиной ее обмана? Ее женские инстинкты или его равнодушие к ней? Чего не хватало женщине, которую он, как ему казалось, знал? И причем знал уже всю свою жизнь. Нагромождение вопросов и ни намека на просвет ответов.

Лишить ее жизни? Нет! Уж лучше найти того, другого, и отнять жизнь

у него! Во что теперь верить и как можно теперь любить? Ведь их уже связывали годы совместной жизни и их ребенок. Он хотел второго. Она не была против. Ну, не получилось! Она потеряла их ребенка! Ну, разве он виноват? Что теперь? Его жена отвернулась от него и нашла ему замену.

Легко предугадать, что мужчину в такие мгновенья редко посещают мысли о том, что он сам сделал что-то не то и не так. Скорее, он винит во всем женщину и ее природное непостоянство. Как ему теперь со всем этим жить? Эту занозу так просто не вытащить. Кто станет сочувствовать и в чьих глазах он теперь превратится в посмешище?

Простить ее сейчас, чтобы потом попрекать всю жизнь? Или быть выше всего и просто продолжать любить ее и делать ее счастливой?

Может, надо просто ей самой предоставить право выбора? Да, вот верное решение! Пусть она все решает сама. А он будет ждать. От такой тактики еще тлела лучина надежды, что она выберет их ребенка, их дом, спокойствие родственников, а значит, и его.

Может, он просто боялся остаться без нее? Он ведь к ней уже привык. Что же, опять заводить новые отношения? К чему завоевывать новую женщину и обустраивать новую жизнь? А вдруг она будет более непредсказуема, чем эта?

Конечно, мужчины устроены несколько примитивнее. Но если слепую ярость, бешеный стук сердца и молниеносное желание уничтожить соперника разложить на составляющие, то не исключено, что в мужском сознании могут возникнуть контуры именно этого множества вопросов. Теперь бы найти того, кто дал бы на них исчерпывающие ответы.

Когда муж в сердцах хлопнул входной дверью, она бросилась звонить тому, другому.

— Все случилось так, как ты и говорил, — он услышал потерянный голос Тимоши в телефонной трубке.

— Привет, что случилось?

— Мой муж прочитал твои сообщения, — она говорила отрешенным голосом так, как будто весь этот позор разоблачения происходил сейчас не в ее жизни. — Он очень больно хватал меня за руки. Говорил, что не хочет быть дураком, что сам воспитает ребенка. А потом он сказал, чтобы я уходила из дома.

Он начал гореть от стыда. Как будто, взяв то, что ему не принадлежало, он был уличен в воровстве. Да, он украл ее сердце. И ему казалось, что он горит не только внутри. Огонь перекинулся и на его кожу. Он смотрит через хищные языки дрожащего пламени на тех, кто его окружает. Люди видят огонь и не спешат его тушить. Они бросаются в стороны. Боятся, что от пламени его позора могут воспламениться и они. Они ведь сделаны из того же горючего материала. Имя которому — порок.

— Теперь я, как героиня Островского в «Бесприданнице», — произнесла она с горечью. — Может быть, хоть кто-то меня возьмет?

— Дай мне немного времени, хорошо? Я что-нибудь придумаю!

Он не был готов к тому, чтобы разрушить ее семью. Хотя разве не этим самым он только что занимался? В ее жизни сейчас рушилось все. Он стоял в стороне и видел, как откуда-то с небес прямо на грешную землю низвергаются обломки придуманного ею семейного счастья. Разрушения, которые коснулись ее жизни, должны были затронуть и его. Почему именно эта мысль пришла в его голову?

— Ты должна объяснить ему, что это неправда. Ты хотела, чтобы эти послания рано или поздно попались ему на глаза. Он должен понять, что

ты и ребенок — это не просто члены его семьи, которым нужны его деньги. Вам нужна его любовь и внимание. Расскажи ему, что иначе заставить пересмотреть его отношения к тебе было нельзя! Хочешь, я встречу с ним и все объясню?

— Не стоит этого делать, — упавшим голосом произнесла Тимоша. Она ведь ждала от него совсем иного. — Не бросай меня сейчас, хорошо?

— Ты же знаешь, я не сделаю этого!

Вот и все. Реальность жизни кормой эскадренного миноносца сокрушительно ударила в утлую лодочку их счастья. И пустила ее на дно. Он знал, что она ненавидела обман. Знал, но уговаривал ее сделать все именно так. Он уже видел финал их отношений, и он не мог поступить иначе.

УБИТЬ ЛЮБОВЬ

Они убили свою любовь. В этой ситуации спасти ее было уже нелепо. Звонки стали реже, послания суше, а встречи мимолетнее. Жизнь продолжала свое движение и делала вид, что их никогда не было друг у друга.

Муж с Тимошей так и не разговаривал. Напряженность в ее доме сама собой перешла в фазу тягостного выжидания. Так больше не могло продолжаться. Оправдываться она не хотела. А для того, чтобы попытаться озвучить версию, которая была шита белыми нитками, подходящего момента не представлялось.

Что-то большое, необыкновенно нежное и любящее умирало в ней. Она менялась день ото дня. Стала задумчива и молчалива.

Она хотела поговорить со своим любимым мужчиной спокойно. Она хотела, чтобы он был счастлив. Даже без нее. Где-то на уровне подсознания она чувствовала себя отвергнутой. Почему он заставил ее лгать? Ведь она была готова сказать мужу правду. Она была готова оставить семью ради своего любимого. Но он не позвал ее с собой.

В ней не было презрения и не было ненависти. Она начала думать, что он просто ее никогда не любил. Он выдумал эту любовь и убедил себя в ее существовании. А ведь они могли быть по-настоящему счастливы. У них мог быть их ребенок. Она научилась бы некоторым кулинарным тонкостям и следила бы за тем, чтобы ее длинные волосы не попадались ему в расческе.

Но ей незачем было так поступать. Он ведь не сказал ей самого главного: «Тимоша, я люблю тебя! Давай будем вместе!»

Да, еще вот это мужское имя. Тимоша! У нее ведь было свое! Зачем ей чужое? Вот из этих, казалось, ничего не значащих нитей рассуждений и ткалось ее неприятие.

А он продолжал ей звонить. Он настаивал на встречах. Он не мог оставить ее наедине с душевным разладом. Он искренне хотел ей помочь сохранить себя. Хотя он понимал, что вернуть главное ему уже не по силам. Поэтому он честно, но безжалостно расставлял для нее приоритеты. Ей нужна семья. А что может дать ей он? Только боль. Она и сама понимала, что не может быть одинока. Ее пугало одиночество. Пусть уж лучше так. Через сжигающий стыд и несмываемый позор.

Женщина обладает редким талантом убеждать мужчину в том, чего даже не было. Она убедила мужа в своей любви. Она не стала оправдываться. Они лежали без света. И она просто говорила о том, что он ей необходим и как сильно она его любит. Она знала, что эти слова были предназначены

другому мужчине. Но какая теперь разница! Она говорила, что всегда любила его. Того, с кем сейчас была укрыта одним одеялом. Просто он о ней почему-то забыл. И она решила о себе напомнить. Да, именно таким неординарным способом. Да, ей помог ее приятель. Зачем ему это было нужно? Слава Богу, муж не задавал ей этого вопроса. Он и сам, наверное, хотел обмануться. И если бы на нее случайно в момент этого разговора упал свет, то она вспыхнула и мгновенно сгорела бы от стыда. И еще ото лжи.

Буря недавнего скандала постепенно улеглась. Муж теперь стал больше проводить времени дома вместе с ней и ребенком. Сбывалось то, чего она когда-то давно добивалась. С ее мнением наконец-то стали считаться. Но сейчас это признание ей было меньше всего нужно. Муж ведь так долго приучал ее к одиночеству. Теперь она не была одинока, но и хорошего настроения ей это не прибавляло. Ее раздражало все вокруг. И в редкие минуты просветления разума она желала тому, другому мужчине, счастья.

Она хотела для него счастья, потому что еще его любила. Но жить рядом с отвергнувшей тебя мечтой, ходить по одним и тем же улицам, знать номер телефона, по которому ты можешь услышать его до боли родной голос, — все это было выше ее сил.

Она не могла его представить несчастным без нее так же, как и счастливым рядом с другой женщиной. Это был только ее мужчина! И как раз именно этого мужчины у нее и не было. Она не хотела его ни с кем делить. Она не могла его от себя отпустить. И у нее не было ни малейшего шанса прожить оставшуюся часть своей жизни с ним рядом. Судьба загнала ее в ловушку и оставила для нее только один выход. И в этом она сама убедилась.

Она так сильно любила, что готова была даже убить его. Освободить их обоих от невыносимости жизни в предложенных условиях.

В пухлой газете с рекламными объявлениями даже отвергнутая женщина всегда найдет то, благодаря чему она почувствует себя отмытой. Она нашла объявление: «Уборка. Индивидуальный подход к клиенту. Качество гарантируем». Ниже был номер телефона. Смятение и неприятие ситуации двигало ее пальцами, набирающими эти роковые цифры.

Ей назначили встречу. От нее многого и не требовалось. Ее решимость, осознание невозвратимости любви, номер его мобильного телефона и задаток. Она откладывала деньги для себя. Она надеялась его удивить. Теперь это уже не имело смысла. То, что она задумала, в каком-то роде для него тоже станет сюрпризом.

— Только не делайте ему больно, — Тимоша почему-то напоследок произнесла именно эту фразу.

Она хотела взять у него жизнь, но так, чтобы он не мучился. Это должно было произойти мгновенно. Агония была бы ни к чему. Так она ведь поступила с ним раньше. Просто теперь она хотела об этом забыть.

Такой странной клиентки у этих парней еще не было. У ее денег был дерзкий запах мести.

БЛИЖЕ К ЗВЕЗДАМ

До Нового года оставалось совсем немного. Но в душе она не чувствовала приближения праздника. Она хотела отвлечься от дурных мыслей и угрызений совести. Машинальная борьба за чистоту в квартире должна была ей в этом помочь. Муж — на работе, ребенок — у ее родителей. Почему-то ей захотелось обратиться везде. Даже в компьютере.

Она включила машину и модем, набрала логин, свой пароль и вошла в почтовую службу. Жирные буквы в почтовом ящике привлекли ее внимание. Новое письмо. От неожиданности она вздрогнула. В сердце что-то больно шевельнулось. Потому что она знала его отправителя.

Тимоша боялась читать. Но интерес победил страх. И она кликнула на жирной строке курсором. Перед ней раскрылся текст.

«Боже мой!!! Сколько же твоих слез утекло с той поры, когда я в последний раз писал тебе. Наверное, кубометры! А ведь совсем недавно заглянуть в свой почтовый ящик для тебя не казалось дурным тоном. Правда, это всегда напоминало подвиг разведчика. Однако и у профессионалов разведки случаются проколы. Так вышло и у нас.

Мы дали себя раскрыть и заплатились. Провалены все каналы нашей связи. И остался нераскрытым лишь этот. У нас есть своя почта. Ты о ней помнишь? Она, конечно, не голубиная. Но все еще годится, чтобы отправить нежное послание и получить краткое подтверждение чувства. А что еще нужно сумасшедшим влюбленным?

Что еще? До боя курантов осталось совсем немного. Мы прожили этот год вместе. День за днем, месяц за месяцем. Многого случилось, многому еще предстоит случиться. Многому хорошему, я надеюсь. Мы изменились, мир изменился. Но наши чувства так и остались величиной постоянной.

Люблю тебя всем сердцем! И ничего с этим чувством не собираюсь делать. Пробовал, да только получалось все с кровью: больно и неэффективно. Мне кажется, что мы связаны с тобой незримыми нитями. Разорвать их — значит лишит смысла жизни и простого земного счастья. Каждого из нас. Все предельно просто и как-то очень мудрено.

Мне тебя не хватает. Катастрофически! Мне нужна вся ты и на всю жизнь!

Я никогда в своей жизни не писал писем Деду Морозу. Даже когда был маленьким. Ты думаешь, он настоящий?

Тогда я готов рискнуть и написать ему пару строк. Хочу попросить у него для тебя здоровья. Хочу, чтобы он поддержал твою мечту. Мечту продолжать быть счастливой и любящей матерью. У тебя это получается! Ты рождена для того, чтобы дарить любовь и принимать ее от любящих тебя сердец!

Обязательно прочти это письмо. Оно не бог весть как складно написано, но в нем — вся моя жизнь. И мои мысли, и мои чувства, и еще очень много тебя. Такой разной, но неизменно мною Любимой!»

Она закончила читать. Плакать сил уже не было. В горле слезы стояли комом. Вышла на кухню. Достала початую бутылку водки. Разыскала в холодильнике апельсиновый сок. Налила себе в высокий стакан водки больше, чем это нужно, чтобы захмелеть. Немного разбавила ее соком.

Она не любила водку. Она вообще очень редко пила. Ей казалось, что это вредит здоровью. Она всегда знала, что полезно, а что — нет. Но не сегодня.

Она зажгла свечи. Наверное, все, что были в ее доме. Стало романтично и жутковато. Их дрожащий свет напоминал ей о нем. Она вернулась со стаканом к компьютеру, чтобы еще раз перечитать его письмо. Потом еще раз. И еще.

Мелкими глотками стакан был опустошен. На душе стало очень легко и вместе с тем невыносимо гадко. Она прижала кончики пальцев к губам, поцеловала их и коснулась ими экрана монитора. В том месте, где был написанный им текст. Она удалила письмо. Подумала и удалила из своего почтового ящика все его письма. Потом вошла в настройки и удалила сам ящик.

Но это не помогло. Она не могла вот так же быстро и навсегда стереть его из своей памяти. Это было невозможно. Дождалась, пока выключится компьютер. Обошла квартиру, касаясь ладонями стен и предметов. Она собирала тепло своего дома. Но ее ладони по-прежнему были холодны.

На кухне все было так, как будто только вчера здесь ее любимый мужчина лечил свое больное горло молоком с шафраном. Но его не было сейчас с ней. Его вообще уже не было.

Сегодня утром она встречалась с исполнителями ее заказа. Они показали его фотографию. Он был мертв. И ей без него вдруг стало одиноко. Она отрешенно отдала оставшуюся часть денег. Как оказалось, его жизнь в этом жестоком мире эти люди оценили не так дорого. Всего лишь цену хорошей шубы. Шуба ей теперь уж точно ни к чему. Она это знала.

Тимоша аккуратно составила горшки с цветами с широкого подоконника на кухонный стол. Она не хотела, чтобы они пострадали.

Она надеялась, что хотя бы они будут счастливы. И немного помедлив, открыла щеколды и рванула на себя створки рамы.

В кухню ворвалась декабрьская промозглость. Ветер не наполнил собою паруса штор. Потому что штор не было. Новые и отглаженные, они лежали в спальне на кровати. Она собралась их только повесить. Перед Новым годом.

Тимоша взобралась на подоконник. Путь до земли казался ей долгим. А к звездам отсюда было гораздо ближе. Раньше эти звезды были их общими знакомыми. Теперь уже нет. Она жила на седьмом этаже. Еще какое-то мгновение назад...

У каждой большой любви есть свое подтверждение. Обычно эту роль доверяют детям. И эта история когда-то тоже напоминала маленькую девочку. Ей надо было помочь прийти в этот мир, заботливо написать и отдать в хорошие руки.

От такой силы их любви могло родиться гораздо большее. Но в памяти остались лишь следы темных слов на белой бумаге. Потому что такая любовь не может пройти без следа. И эта нежность к ним обязательно еще вернется.

В следующей жизни. В мягком переплете...

Сергей Петрович Толкачёв родился в 1960 году в городе Эртиль. Окончил факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Работал в Эртиле учителем, корреспондентом районной газеты. В дальнейшем — журналист центральных газет «Советская Россия», «Советская культура», преподаватель, проректор Литературного института им. А.М. Горького. Доктор филологических наук, профессор. Автор многих научных работ, книг прозы. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Сергей Толкачёв

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Первые годы постсоветского периода, когда катастрофически разрушались прежние границы империи и возникали новые независимые государства со своими культурами и литературами, привели к метаморфозам не только географического пространства, но и к деформации и переплавке этнокультурного поля бывшего Советского Союза. Множество литераторов, пишущих на русском языке, оказались вдруг в чужой стране, но естественным образом сохраняли русский в качестве основного языка своего творчества, и при этом их причастность к иному этнокультурному пространству превращала их ментальный мир в кросскультурный, а их творческая идентичность приобретала черты гибридности. Помимо того, многие жители независимых стран, будучи связанными через русский язык с корневой культурой родины, предпочитали писать на русском, а смешение русскоязычного дискурса и парадигмы иной культуры приводило к созданию произведений, представляющих собой гибридный текст.

Сегодня главной особенностью творчества писателей, представляющих кросскультурную литературу, является многослойная гибридизация их произведений — жанровая, образная, языковая и стилевая. Всякий намеренный стилистический гибрид, по М.М. Бахтину, «в известной мере

диалогизирован. Это значит, что скрестившиеся в нем языки относятся друг к другу как реплики диалога; это — спор языков, спор языковых стилей» [Бахтин, 1975; 439].

Кросскультурная литература, к которой многие исследователи и критики [Брейнингер, 2012; Кукулин, 2013; Подлесных, 2007; Риндинсбахер, 2006; Тлостанова, 2004; Шафранская, 2014; Шафранская, Пономарева, 2014] относят и постсоветскую русскоязычную и российскую литературу, создаваемую на пересечении двух и более культур, имеет прямое отношение к вопросам, связанным с гибридизацией словесного творчества, креолизацией, метисацией, межпространственностью¹, диаспорами, пороговостью, пересечением и наложением идей и идентичностей, происходящих в постколониальном пространстве. Но по всем этим вопросам существуют достаточно разные мнения.

Пределы, до которых постколониальный мигрантский текст высвечивает понятие гибридности, исследованы в монографии Э. Бемер, заметившей, что «мигрантский текст является выражением живой гибридности в естественных красках. Именно гибридность становится фактором, придающим значение огромному кругу культурных переводов, которые делают мигранты» [Voemer, 1995; 234]. В своих работах исследовательница выстраивает следующую связь: от постколониального — через мигрантское — к мультикультурному.

Слово «гибрид» в изначальном смысле, напоминает Р. Янг, — пересечение и частичное слияние двух различных особей, видов, и, следовательно, термин «гибридизация» вызывает в памяти как ботаническое понятие межвидового скрещивания, так и политический «вокабуляр крайне правых викторианской эпохи», которые считали разные расы различными человеческими видами [Young, 1995; 10].

Однако в постколониальной теории и мультикультурной литературе все нюансы гибридности, имеющие чисто политическое содержание, дезавуируются. В политике, социальной и культурной жизни постоянно фиксировались переходные состояния, отчасти по причине того, что не все, что происходит в «контактной зоне» между этносами и культурами, подвергается мониторингу и контролю, ибо иногда это происходит в результате преднамеренной колониальной политики.

В некоем смысле гибридизация — это черта позднего постмодернизма, и в работах некоторых критиков на Западе появляется термин «нечто иное, нежели постмодернизм» [Palmeri, 2001] («other than postmodernism»), для описания новейших явлений в литературе и культуре. В таком явлении явно прослеживается тенденция большего притяжения гибридных форм, которые совмещают человека и машину, антропоморфизм и анималистические черты.

В творчестве кросскультурных писателей качественно преобразуется пространство топоса родного города, «Эдема детства, юности», который также приобретает гибридный характер, будь то «Басква» Афанасия Мамедова («Хазарский ветер»), «Хуррамабад» из одноименного романа А. Волоса или образ Ташкента в творчестве Д. Рубиной. Иногда и знакомые нам образы городов мира становятся гибридными в рамках жанра антиутопии, рождающейся на волне глобализации и столкновений западной и восточной цивилизаций (роман «Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой).

Есть и другие важные наблюдения над сущностью гибридности в рамках постколониальной теории. Так, С. Холл определяет этот процесс как поиск «своего рода коллективного «настоящего я», которое люди с общей историей и предками были способны поддерживать в целостном состоянии», или поиск «некоей прекрасной эры, существование которой реабилитирует нас и в отношении нас самих, и в отношении к другим» [Hall, 1994; 394]. Такой поиск был самым существенным для антиколониальной борьбы и для постколониальных идентичностей.

¹ Иногда для обозначения этого понятия в западной критике используют термин «in-betweenness» (англ.).

Другой вариант интерпретации проблемы гибридной идентичности заключается в том, что ее можно рассматривать одновременно и как процесс «становления», и как факт «существования». Так, колонизированные народы не могут просто обратиться к прошлому, к идее коллективной доколониальной культуры, которая якобы «ждет своего часа, чтобы ее обнаружили и которая, будучи вновь обретенной, обеспечит безопасность нашему самоощущению в рамках вечности» [Глостанова, 2004; 281]. Гибридность может интерпретироваться как процесс и одновременно как момент гомогенизации, когда чуждые, непохожие друг на друга сущности соединяются и начинают существовать в дополнении друг к другу. В рамках проводимых на Западе исследований гибридность подразумевает следующие элементы: 1) слияние или 2) смесь несочетаемого круга национальностей, религий, этносов, гендеров, классов. Гибридности при этом свойственен синкретический характер, в рамках которого понятие устойчивости и смысла идентичности постоянно подвергается проверке. Понятие гибридности демонтирует смысл явлений как чего-то «чистого», «аутентичного», «обязательного». Вместо этого подчеркиваются черты «гетерогенности», различия, неизбежность существования «сборной солянки» (смешанности).

В список постсоветских писателей с кросскультурным гибридным сознанием можно отнести и А. Мелихова («Исповедь еврея»), А. Хаирова («Казань — Курочки», «Одна улица на двоих»), «Ташкентский роман» Евгения Абдуллаева (псевдоним — Сухбат Афлатуни) — о городах, в которых писатели живут, и при этом освоение топоса инокультурного пространства с помощью художественных образов на русском языке приводит к появлению текста-палимпсеста, насыщенного множеством гибридных языковых и этнокультурных образов в художественной ткани произведений.

Без сомнения, в творчестве каждого кросскультурного писателя картина мира воспринимается прежде всего через призму хронотопов малой родины и более широкого пространства родного языка, культуры, даже если писатель принадлежит не к корневой нации, а проживает в рассеянных по всему миру диаспорах соотечественников, в том числе и русской. В произведениях кросскультурных писателей постсоветского периода появляются новые, гибридные образы героев, либо принадлежащие одновременно двум и более культурам, либо вообще превратившиеся в фигуру бездомного, в метафору «перекати-поле» — человека без корней, космополита, гражданина мира, принадлежащего новому порядку социального, культурного и образовательного пространства. В связи с этим герои таких произведений переживают свою идентичность как разъятую, не в силах ни идентифицировать себя с новой этнокультурной реальностью, ни восстановить по разным причинам старые связи с метрополией, то есть с историческим ядром России. Таким образом, метафора «бездомности», «внеаходимости» становится для героев таких произведений зерном, вокруг которого кристаллизуется новая гибридная идентичность. При этом кросскультурные авторы «проговариваются» о том, что выходом из тупиковой ситуации для них становится изменение и превращение национального в мультикультурное. Так, известный исследователь М. Глостанова совершенно справедливо считает, что «в «нигдежности» транскультурных писателей слилось сразу несколько важных элементов — диаспора и изгнание, иммиграция и исход, ведомность и порой парадоксальные попытки ретерриторизации. Ведь место — это не просто пространство, топографическое местонахождение, но и образ жизни в его материальных и духовных проявлениях» [Глостанова, 2004; 243]. Такие писатели, по существу, обречены на внутреннее изгнание, бездомность, и такое состояние заставляет их быть в постоянном движении и поиске, и существование внутреннего мира писателя и его художественного мира отмечены метафорой постоянного поиска своего родного уголка, который, конечно, располагается не в конкретных географических координатах, а в некоем экзистенциальном пространстве души. Именно поэтому, отмечает М. Глостанова, «бес-

численные варианты метафорики изгнания и безместности особенно интересны в тех случаях, когда авторы заостряют внимание на онтологическом и экзистенциальном аспектах этой проблемы, когда происходит не только географический сдвиг, но и часто недобровольное движение от одной системы ценностей и дискурсов к другой в форме внутренней миграции или насильственно навязанного иммигрантского статуса» [Тлостанова, 2004; 243]. Этот важный фактор отличает многих героев постсоветских кросскультурных произведений.

Гибридность художественного пространства на стыке рубежей XX–XXI веков — особенность литературы европейских стран, обладавших колониями, США, Канады, Австралии и, конечно, современной России и постсоветского пространства.

Так, в романе А. Волоса «Хуррамабад» [Волос, 2000] признаком такой гибридности становится топоним города, прообразом которого, конечно же, является Душанбе. Но этот город и узнаваемый благодаря знакомым нам по истории 1990-х годов страшным годам гражданской войны, и достаточно экзотизированный в силу ориентализованного взгляда повествователя, сознание которого пропускает этот образ сквозь фильтры восточного фольклора и сказок «Тысячи и одной ночи». Ориенталистский дискурс проявляется в произведении А. Волоса через гибридный язык: в тексте присутствует большое количество таджикских слов и реалий, транслитерируемых кириллицей. Кроме того, в конце романа присутствует глоссарий незнакомых русскому читателю таджикских лексем, разъясняющих читателю суть инокультурных реалий, но присутствие такого глоссария придает роману еще экзотичность эстетики произведения российского писателя.

Хронотоп Хуррамабада предстает перед нами в своем гибридном облике через столкновение пространства сознания и языка русских жителей Таджикистана и культуры, обычаями коренных таджиков, для которых русские во время войны становятся врагами. «Город счастья» и интернациональной дружбы превращается в место насилия и мародерства. Особое значение в произведении А. Волоса приобретает экзистенциальный образ дома и малой родины, которая для русских, проживавших там десятилетиями и считавших этот уголок земли родным, оборачивается неким подобием ада на земле. Так или иначе эта тема обыгрывается в различных сюжетах романа, состоящего из серии рассказов, объединенных общим образом Хуррамабада. Так, в рассказе «Чужой» герой, русский по происхождению, собирается уехать из ставшего ему родным Таджикистана, причем Россия рисуется им в сознании как холодное и чужое пространство. Герой другого рассказа, «Дом у реки», напротив, не может расстаться со своим домом, построенным в Таджикистане, несмотря на всю опасность проживания в этой стране в условиях гражданской войны: столько сердца и материальных средств он вложил в него.

В новелле «Свой» перед нами герой, также по происхождению русский, явно испытывавший влияние на свой русский язык таджикского, в силу чего его идентичность становится гибридной. Герой, специально приехавший из России, выучил таджикский язык с тем, чтобы сделать эту страну своей второй родиной, и когда его хватают бандиты и заставляют прочитать детское стихотворение, чтобы проверить его происхождение, то в нем признают не таджика, а врага — кулябца, но не русского. Так он и умирает со счастливой мыслью о том, что его приняли за «своего».

В романе писательницы Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» (Рубина, 2011) перед читателем возникает хронотоп Ташкента. Гибридный дискурс здесь показан через призму восприятия рассказчика, который «слушает» город, и в его сознании отпечатывается многоголосый язык мультикультурного Ташкента. Как подмечает исследователь Шафранская, «русское ухо» ташкентца четко улавливает узбекскую речь, отличает от нее казахскую, киргизскую, татарскую — родственные тюркские языки (причем человек может не владеть ни одним из этих языков, кроме русского, — таков феномен), в отличие, например, от русского человека Москвы или сред-

ней полосы России, для которого «черный» и инакоговорящий — «лицо кавказской национальности» [Шафранская, Пономарева, 2014]. В статье «Ориенталистские и постколониальные мотивы в современной литературе: «На солнечной стороне улицы» Дины Рубиной и «Нас там нет» Ларисы Бау приводятся многочисленные примеры языковой интерференции, при которой русский и узбекский языки накладываются друг на друга и получается своего рода некий макаронический язык, служащий своего рода усредненным культурным кодом для общения между узбеками и ташкентскими русскими: «Вот таким ломаным русским говорят персонажи-узбеки: «Э-э-э! — морщился Адыл Нигматович, — глуп-сти! Тот дженчина просто бандитка некультурный, больше ничего. Какой воспитаний у него, а? Вишел голый на балкон, дочка на перил садил...»; «Кизимкя, бир пиалушка катык кушай, — озабоченно приговаривала она, натряхивая в пиалу белую комковатую жижку» (девочка, одну чашку кислого молока скушай); «...Приезжал старый узбек на тележке, запряженной осликом: — «Джя-аренный кок-руз!»...» (жареная кукуруза)».

Интересно, что подобные процессы гибридизации происходят не только в странах СНГ — бывших республиках Советского Союза, но и в самой многонациональной России, в контактных зонах разных культур, то есть, в местах совместного проживания носителей разных языков и представителей разных этнокультурных типов. Например, в Татарстане и в Казани, в частности, — месте традиционного проживания русского и татарского народов, связанных совместной историей дружбы и выработки общего культурного кода, а также взаимного опыления и обогащения культур. Особенно наглядно подобные процессы иллюстрируются в прозе современного казанского писателя Аделя Хаирова [Хаиров, 2009] и, в частности, в его романе, который он назвал по аналогии с поэмой В. Ерофеева «Казань — Курочки». По замечанию того же исследователя Шафранской, «Повествование перемежается татарскими глоссами и лексическими интерференциями: вывеска «Кыстыбай» — «...(так называется сложенная вдвое нехитрая лепешка кочевников, внутри которой размазано картофельное пюре. Кстати, татарское слово «кыстым» можно перевести как «стошнило»). «Нет, а все-таки забавно звучит слово «жизнь» по-татарски: тырмыш! Ничего не напоминает? Вся жизнь, ну-у так уж вышло, у нас кверху тормышками! Не у них, сволочей, а у нас — добрых и хороших людей!»; «Когда дело доходило до драки, татарские писатели забывали свой литературный татарский, и тогда в особняке звучал чистейший русский мат. Бились писатели как депутаты, недолго и немного, и все тыкали друг друга вопросом: «А ты что написал?»»²[Шафранская, 2014; 97].

Воссоздавая татарский колорит Казани, как пишет исследовательница, Хаиров пользуется «традиционными приемами ориентализма, расцвечивая повествование экзотическими артефактами, национальной кухней, словесными кульбитами: татарская лапша, перемячи (пирожки), кумыс, шурум-бурум (татарский буран), шайтан, бабай и др.»³ [Шафранская, 2014; 98].

Таким образом, современная российская и русскоязычная литература представляет собой крайне интересное и сложное мультикультурное пространство, в котором пересекаются этносы, культуры, языки, и литература такого порядка начинает представлять собой своеобразный палимпсест, который становится и экспериментальным полигоном для обогащения русского языка заимствованиями и языковыми интерференциями, гибридными лингвистическими образованиями, но и способствует культурному диалогу, так необходимому в нашу беспокойную в политическом смысле эпоху между славянскими, азиатскими и западными цивилизациями.

² Шафранская Э.Ф. Мифология Казани в прозе Аделя Хаирова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. № 1, 2014. С. 95-103.

³ Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. 1975. — 504 с.

Брейнингер О. Безмолвный протест // Октябрь. 2012, № 10 [<http://magazines.russ.ru/october/2012/10/b7.html>].

Кукулин И. В. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-2000 годов // Политическая концептология. 2013. № 2. [<http://gefter.ru/archive/11708>].

Подлесных А.С. Постколониальные тенденции в уральском историческом романе. (А. Иванов «Чердынь — княгиня гор», Г. Юшков «Бива») / А.С. Подлесных // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2007. — № 53, вып. 14. — С. 231-235.

Риндинсбахер Х. Воображаемые и реальные путешествия Владимира Каминера // НЛО. 2006, № 82 [<http://magazines.russ.ru/authors/r/rindinsbajer>].

Тлостанова М.В. Жить никогда, писать неоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.; УРСС, 2004. — 416 с.

Шафранская Э.Ф. Мифология Казани в прозе Аделя Хаирова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. № 1, 2014. С. 95-103.

Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX—XXI вв.: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Шафранская Элеонора Федоровна; — Волгоград, 2008. — 482 с.

Шафранская Э.Ф., Пономарева Т.М. Ориенталистские и постколониальные мотивы в современной литературе: «На солнечной стороне улицы» Дины Рубиной и «Нас там нет» Ларисы Бау // «Русская словесность». — 2014. — № 1. — С. 35.

Boehmer E. Colonial and Postcolonial Theory. Oxford, 1995. P. 234.

Hall S. Cultural Identity and Diaspora // P. Williams and L. Chrisman (eds.). Colonial Discourse and Postcolonial Theory. New York, 1994. P. 394.

Palmeri F. Other than Postmodern? — Foucault, Pynchon, Hybridity, Ethics. Miami, 2001.

Young R. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. L., 1995. P. 10.

ИСТОЧНИКИ:

Волос А. Хуррамабад. М.: «Независимая газета», 2000.

Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы. М.: Эксмо, 2011.

Хаиров А. Казань — Курочки: Поэма // Октябрь. 2009. № 11. С. 65—93.

Николай Ледовской

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛИТРУКА

(Ратные пути-дороги война из сельской глубинки)

Первого июля 1941 года заняли оборону на опушке леса в районе Якимовичей на Смоленщине. Оседлали Варшавское шоссе в 5 километрах от реки Десна, закипела работа — сооружали доты. Гражданское население работало на противотанковом рве. Для политико-воспитательной работы к ним были посланы младшие политруки — мои земляки: Коробов Дмитрий Васильевич (Добринский р-н), Кузовкин Василий Иванович (из Копыла), Цимбалист и Кожанов.

Нашей дивизии была поставлена задача: с ходу форсировать реку Десна и достичь рубежа Рославль — Починок на смоленском направлении. Выполнив эту задачу, 19 июля 1941 года дивизия приняла боевое крещение. Враг был атакован, а в некоторых местах вынужден был потесниться. В последующее время нашей 149-й дивизии в составе 28-й армии генерала Качалова приходилось выполнять все виды боя: наступать, обороняться и с боями отходить. В медсанбат стали поступать раненные, были и убитые.

По вине командарма Качалова 4 августа произошло окружение. По образовавшемуся коридору на правом фланге нашей дивизии вражеское танковое соединение прошло к нам в тыл. С опозданием вечером Качаловым был отдан приказ об отходе, когда окружение уже замкнулось. Я наблюдал его поведение. Качалов сел в танк и поехал к немцам. Неизвестно чьим снарядом он был убит. Критическое положение сложилось для всей армии. Стояла задача выхода из окружения.

Мне пришлось с документами на машине выехать со штабом армии. Правда, ночью 5 августа вышли без потерь, а с рассветом этого дня опять были во вражеском кольце. Начался обстрел со всех сторон, и налетела пикирующая авиация. По приказу командования машины все согнали на луг, в трясиину, а сами лежали до позднего вечера. В ночь организовали прорыв через хутор, на котором засели немецкие автоматчики. И тут сравнительно неплохо вырвались, правда, несколько человек было ранено. Секретарь прокуратуры товарищ Шатоненко на ходу, испугавшись, соскочил с машины и остался в плену.

Группами вышедшие из окружения остатки нашей и 145-й стрелковой дивизий сосредотачивались у деревни Ивашовка. Где-то 18 августа возвратился наш генерал Ф.Д. Захаров с большой группой офицеров. Его вновь назначили командиром 149-й. Комиссар дивизии Г.Ф. Кинькин погиб. Находившийся рядом с ним секретарь дивизионной парткомиссии старший политрук С.А. Голубков попал в плен и до 1942 года находился в Рославльском лагере военнопленных.

Двадцать пятого августа 1941 года, собравшись с силами (полностью дивизию укомплектовать обстановка не позволяла), через М. Желтухи, Куйбышевка, Заболотное на реке Десна дивизия вступила в бой. Отразили несколько атак гитлеровцев, дивизию перебросили правее. В течение сентября нам приходилось, неся большие потери, и наступать, и обороняться.

Как сейчас помню: КП дивизии и политотдел находились в маленькой деревушке Шатьково. Посредине был пруд. Погода была пасмурная, из низких, сплошных облаков как из ведра лил дождь. Вечерело. Меня вызвали за получением партбилета. Только вошел в полуразрушенную и раскрытую хату, вдруг налетели вражеские тяжелые «хейнкели» и с малой высоты начали бомбить. Две большие бомбы попали прямо в пруд, и вода почти вся вылилась на берега.

Политрук, заведующий сектором учета политотдела В.С. Горбачев у деревни М. Желтуха Смоленской области 12 сентября 1941 года погиб. На участке обороны 479-го стрелкового полка разгорелся жаркий бой. В этот момент вступившим в партию и в комсомол предстояло вручать документы. Во время следования из одного батальона в другой, в Василия Горбачева угодил осколок вражеского снаряда, весь живот ему вывернуло, и через несколько минут он скончался. Похоронив Василия, мы поклялись отомстить врагу.

В результате больших потерь в людях и технике, 23 сентября дивизия была отведена на отдых и пополнение. Несколько дней стояли у деревни Березовка, а по мере приближения к передовой нас перевели в район деревни Усохи Смоленской области. Для культурного обслуживания в дивизию прибыл ансамбль клуба НКВД из Москвы.

Время шло, отдыхали, пополнялись и держали оборону во втором эшелоне, которая проходила по реке Десна. Нужно признать: оборона первого и второго эшелонов в отношении артиллерии была слабовата. Гитлеровцам об этом удалось узнать. Да при том где-то 1 октября немцам удалось украсть женщину — повара командира нашего 479-го стрелкового полка, которая на реке стирала белье. А 2 октября враг массированными силами авиации и танков прорвал оборону на Десне. Наш генерал Захаров, отдавая приказ о развертывании частей для оказания сопротивления врагу, был на КП в деревне Усохи до появления первых вражеских танков. А пикирующие «юнкерсы» уже минут 20-30 бомбили нас. Командир дивизии мне и политруку Плеско приказал машину с документами угонять подальше в тыл, но враг, выбросив десант, уже орудовал именно там. Нам приходилось лавировать, разведывать и двигаться глухими дорогами и только ночью. И так нам с документами пришлось отступать до города Солнечногорска Московской области, где к 126-й стрелковой дивизии примкнули остатки наших 314-го артполка и 426-го гаубичного артполка.

По приказу начальства мы с батальонным комиссаром, начальником политотдела 126-й с.д. Ивановым сдали документы в политуправление Западного фронта. Отправили в резерв политуправления фронта, и мне пешком под дождем пришлось отмерить километров тридцать, а у самого финиша надо было преодолеть реку Москва. В деревне Уборье ребята катались на лодке, и меня перевезли. В резерве я увидел однополчанина — земляка Дмитрия Васильеви-

ча Коробова перед отправкой в 19-ю стрелковую дивизию. Я упросил начальство, чтобы с ним отправили и меня, и в конце дня в крытой машине мы отправились в путь. Ранним утром приехали на станцию Расторгуево под Москвой. Здесь заново формировалась 19-я стрелковая дивизия, потерявшая почти все под Ельней. Командиром дивизии назначили бывшего командира 315-го стрелкового полка (майора), теперь полковника, А.И. Утвенко. Нас определили в 315-й стрелковый полк. Меня — политруком 4-й стрелковой роты, а Коробова комсоргом полка. Командовал нашей ротой лейтенант Пиленов, батальоном — лейтенант Сизов, а полком — майор Апанасенко. Командиром взвода связи в полку был Иван Яковлевич Колдин, с которым я учился в одной группе Аннинского агропедтехникума.

Боевая и политическая подготовка с пополнением проходила по 12-14 часов в сутки — так требовала обстановка, когда враг стоял на пороге столицы. По сигналу боевой тревоги 9 ноября 1941 года наша рота в составе 19-й Воронежской Краснознаменной стрелковой дивизии выступила для обороны Москвы. Наша рота получила участок в районе деревни Лопатино Малоярославского района. В течение месяца мы отбивали атаки пехоты и танков противника, не дав ему продвнуться ни на шаг. Тогда враг пошел на маневр — сосредоточил крупные силы на небольшом участке с целью прорыва фронта. Верно оценив обстановку, наше командование сделало перегруппировку. Теперь наша рота в составе дивизии находилась в районе Звенигорода у деревни Часцы. После марша личный состав приводил себя в порядок, пополнялись боеприпасами. Рота выдвинулась на исходный рубеж западнее деревни Золотаревка.

Утром 6 декабря последовал сигнал к атаке — началось генеральное наступление наших войск под Москвой. Гитлеровцы не ожидали такого удара. Отчаянно сопротивляясь, неся большие потери, они сдавали одну позицию за другой. На участке наступления нашей роты первой была отбита у врага деревня Петровская, затем Михайловка. На четвертый день наступления пришла оттепель, снег стал мокрым и вдобавок прошел дождик, а в ночь ударил мороз до минус двадцати. Укрыться было негде, деревни все сожжены, но нам удалось занять подвальное помещение кирпичного дома, где мы сгрудились кучей друг на друга наподобие муравейника — лишь бы быть под защитой от холода.

Противник закрепился на возвышенности у деревни Лохотня. Лейтенант Пиленов определил свое место на левом фланге, а я остался на правом. Задача стояла любой ценой сломить сопротивление противника и продвигаться вперед. Отвлекающая внимание силами второго взвода, первый и третий пошли в обход. Несмотря на сильное сосредоточение огня противника и господствующее расположение его сил, наша рота овладела деревней. При выполнении этой задачи погиб командир 2-го взвода младший лейтенант Атрошенко и старший сержант Рогачев, который в рукопашном бою убил четверых гитлеровцев. Отдали свои жизни и еще несколько наших товарищей.

Перед рассветом 12 декабря роте предстояло штурмовать сильно укрепленную оборону врага у опушки леса. И эта задача была выполнена, но не без потерь. В том числе фашистская пуля нашла и меня. Я выбыл на лечение, а рота пошла вперед. Смело действовал наш санинструктор казах Наметкулов. За время наступления он, не страшась вражеского обстрела, своевременно оказывал доврачебную помощь. На плащ-палатке вытащил и меня из зоны обстрела, быстро перевязал и отправил в госпиталь. Вечером в полевом госпитале на операционном столе мне удалили пулю, сделали обработку и перевязку раны, а на следующий день нас таких отправили в эвакогоспиталь, располагавшийся в Москве. Здесь я провел несколько дней. Потом меня отправили в город Вязники, а оттуда на длительное лечение в госпиталь №2795 в Горький.

В одном из писем с фронта Д. В. Коробов из под Можайска порадовал сообщением об успехах 315-го полка и нашей роты, а в другом сообщил мне, что за бои под Москвой мне присвоили звание политрука и в числе других наградили медалью «За отвагу» — первой моей наградой. Добрые вести ускоряли процесс заживления раны. В конце января я был выписан из госпиталя в батальон выздоравливающих.

После выздоровления сначала меня направили в Башкирию в 831-й арtpолк формирующейся 294-й стрелковой дивизии. Наш полк находился в деревне Камышинка с 26 февраля по 22 апреля 1942 года. Несколько дней жил у председателя колхоза. Питались продуктами из колхоза. Первое время мне пришлось быть за командира и за комиссара арtpолка. Потом меня направили в город Сорочинск, где находился штаб формирующейся 193-й стрелковой дивизии, командиром которой был генерал-майор Ф. Н. Сметхотворов, а комиссаром полковник П. И. Нечев. Политотдел дивизии направил меня на должность военкома 8-й батареи 384-го арtpолка. Командиром нашего 3-го дивизиона был воронежец Иван Михайлович Застрожных.

Со своими боевыми товарищами-офицерами занимались форсированной боевой подготовкой. Жили мы в одной избе дружно, пили-ели из одной посуды. Сложившаяся обстановка потребовала нашей 193-й стрелковой дивизии убить на фронт. После неудачи с взятием Москвы гитлеровское командование сосредоточило крупные силы против Брянского фронта, и летом 1942 года немцы двинулись к Воронежу. Двенадцатого июля 1942 года мы получили боевое крещение в районе села Каменка Долгая Рамонского района северо-западнее Воронежа.

Тринадцатого июля произошел один памятный мне бой. По данным разведки наше командование предвидело готовящееся нападение немцев на командные пункты полка первого дивизиона. Поэтому в ночь на 13-е вызвали два орудия старшего лейтенанта Г. Ф. Куликова. Орудия за ночь окопали и замаскировали. На рассвете старший лейтенант Куликов заметил движение вражеских танков в сторону КП. Орудия начали стрельбу, но после нескольких выстрелов из танков один из расчетов вышел из строя, а пушка перекосилась. Куликов выскочил из окопа и, действуя за наводчика и заряжающего, открыл огонь по танкам. Ему удалось поджечь два вражеских танка и уложить навечно несколько автоматчиков, ацелевшие вынуждены были отойти. Потом Куликов заметил колонну немцев, которая двигалась в сторону КП и, не раздумывая, открыл огонь. Часть немцев была убита, а некоторые ранены. Оказалось, это была сотня сдавшихся в плен врагов. Несмотря на этот конфуз, за подбитые танки старшего лейтенанта Куликова наградили орденом Красного Знамени. Он был тогда первым и единственным в нашем полку орденосцем.

На всю жизнь запомнился страшный, огненно-боевой день 25 июля 1942 года у Суриковских Выселок на подступах к Воронежу. С раннего утра гитлеровцы, сосредоточив крупные силы пехоты, танков, артиллерии и авиации, пытались сломить нашу оборону. Особенно горячо пришлось нашему арtdивизиону в борьбе с танками и десантом. Враг предпринял несколько атак, но тщетно. Наши артиллеристы стояли насмерть. Батарея подбила и сожгла 5 танков и уничтожила около сотни пехотинцев врага, но сама потеря не имела. Соседняя 7-я батарея имела троих убитых и шестерых раненых. Враг направил свой удар сюда, так как они не успели замаскироваться. Когда расчет пушки вышел из строя, начальник штаба дивизиона стал действовать в одиночку, подбил два танка, но и сам погиб в этом поединке.

За время боев под Воронежем нашей 8-й батареей было выпущено по врагу 806 снарядов по 16 килограммов каждый, подбито и сожжено 5 танков, 2 грузовые машины с грузом, разбит штаб части, уничтожен склад боеприпасов, подав-

лены 3 минометных батареи, уничтожена артбатарея вместе с прислугой, уничтожен самолет на аэродроме, уничтожено и рассеяно до батальона пехоты противника. Особо отличились младший лейтенант Федор Павлович Вислевский — будущий Герой Советского Союза из села Лосево Павловского района, командиры 2-го, 3-го и 4-го орудий сержанты Василий Петров, Василий Бугай, Павел Бурба, санинструктор Андрей Наумов, шофер Логин Гришин, повар Умбат Ульянов, рядовой Шакмамедов. Все они были представлены к наградам и приняты кандидатами в члены ВКП(б).

После месячных боев нашу дивизию отвели на отдых и пополнение личным составом, техникой и вооружением. Наш 384-й арtpолк готовился к новым боям в бывшем пионерском лагере у села Введенка Курганского района Челябинской области. Новым командиром полка стал подполковник Лебедев, награжденный орденом Красного Знамени. Восемнадцатого сентября получили приказ о выдвижении к фронту. Думали, что под Воронеж, но когда паровоз потащил нас в сторону Камышина, поняли, что под Сталинград.

Не доезжая до станции Баскунчак километров пятнадцать, на разъезде во время нашей остановки солдаты разнюхали в соседнем эшелоне вино. Кто ведром, кто котелком успели набрать вволю. А потом в ночь напился и заснул крепким сном. Особенно хорошо это получилось у 7-й батареи. Я выпил в меру и старался на всякий случай не спать. Дорога эта контролировалась немецкой авиацией, а ночь была лунная. Около часа ночи на 72-м километре от Сталинграда налетел бомбардировщик, который сперва обстрелял трассирующими, а потом сбросил несколько бомб на эшелон. Нам удалось батареею вовремя поднять и вывести из вагонов без потерь, а военком 7-й батареи К.Х. Кудин, пока бегал по вагонам, будил бойцов, погиб сам и с ним 11 его подчиненных. Прямым попаданием разбило два вагона с лошадьми 7-й батареи.

Двадцать пятого сентября 1942 года мы заняли боевую позицию, а враг нас встретил листовками, призывающими не сопротивляться. Силами актива они были собраны и уничтожены. Песчаный грунт не позволял углубиться, мы как на ладони, а в воздухе господствовала вражеская авиация. Основной задачей нашей 8-й батареи была охрана переправы, по которой войска переправлялись через Волгу в район заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», а также командного пункта полка.

Тридцатого сентября с утра до 14-00 часов шла ожесточенная бомбежка наших боевых порядков. В соседней батарее четверых убило и 5 ранило, в том числе и военкома Левченко. От бомб сильно горел Сталинградский тракторный завод и нефтебаза. Горящее горючее текло через траншеи и блиндажи под берегом в Волгу. Языки пламени течением понесло на нас. С каждым днем бои в городе принимали все более ожесточенный характер. Несмотря на наличие продуктов, питаться нам выпадала возможность только один-два раза в сутки. Кроме наземного огня, с раннего утра и до позднего вечера над нами большими группами висели вражеские бомбардировщики.

Обстановка требовала выдвинуть командный пункт непосредственно на берег, откуда хорошо виден противник. Поздним вечером вместе со связистом прибыли на место, быстро начали сооружать блиндажик. Как только забрезжил рассвет, я быстро отыскал скопление врага, глазомерно подготовил данные и немедленно передал на огневую позицию. Мы слышали, как над нами прошумел залп наших снарядов, а дальше мы не могли ничего ни наблюдать, ни слышать, потому что после двух залпов нашей батареи накат с насыпью над нашим блиндажиком был снесен вражескими снарядами, а нас присыпало песком. Первые минуты лежали неподвижно, дабы не обнаружить себя. Счастливая случайность спасла от гибели. Результаты нашего налета мы увидели поз-

же. Врагу не удалось даже тронуться с места после потери двух танков и множества автоматчиков. Отличившиеся командиры орудий и наводчики были награждены.

Девятого октября с раннего утра разгорелись жаркие бои с участием авиации. Они продолжались до утра 10 октября. Активно бомбили и обстреливали переправу. Ранним утром нас всполошили крики и шум со стороны Волги. Слышалось «Ура», «Спасите, погибаем», «Прощай, Родина» и пение. От попадания немецких зажигательных снарядов на середине Волги горела баржа с ранеными красноармейцами. Многие из них, спасаясь от огня, сползали в воду, но тонули. Потом баржа накренилась и скрылась под волнами вместе с людьми. Ничем помочь людям мы не могли, и чуть не рвали на себе волосы. Несколько сотен наших боевых товарищей на наших глазах погибло в течение нескольких минут. Такое не забывается никогда.

В конце октября в некоторых местах немцам ценой больших потерь удалось прорваться к Волге. Наше подразделение лишилось в городе наблюдательных пунктов. Артогонь с закрытых позиций вести было нельзя. Немцы пустили в ход танки и самоходки при поддержке больших сил пехоты. Старший на батарее, младший лейтенант Федор Вислевский, рискуя жизнью, взобрался на дерево в районе огневой позиции и корректировал огонь своей и других батарей. Подожгли три танка, уничтожили много пехотинцев, атака немцев захлебнулась.

На следующий день враг решил окружить и взять в плен офицеров нашего дивизиона прямо на командном пункте. Мы получили приказ командира дивизиона капитана И. М. Застрожного: «Огонь на меня!» Атаку отбили, усеяв поле боя близ КП трупами немцев.

В декабре 1942 года 62-ю армию отвели на отдых. В нашей батарее погиб один командир орудия и двое были ранены, сохранилась вся матчасть, поэтому нас двинули не комплектоваться, как других, а в сторону Ростова. Мехтягу у нас отобрали, и гаубицы тянули на исхудалых лошадях. Так как толщина льда на Волге не позволяла нам переправиться, мы несколько дней ждали у хутора Зубаревка. Тридцатого декабря на руках по настилу перетаскивали орудия на противоположный берег реки. Морозы крепчали, а фуража оставалось все меньше, не жирно было и с питанием. Недалеко от Котельниково мы влились в боевую семью 865-го артполка. В его составе гнали врага к Ростову. Перед железнодорожной станцией Зимовники немецкий «мессершмитт» смертельно ранил комдива полковника Егорова.

На станции немцы бросили много техники: легковых машин, бензовозов, штабеля боеприпасов. В Котельниково осталось много немецких танков: подбитых, на ремонте, исправных и даже с работающими двигателями. Также много техники и боеприпасов было по всей дороге от Сталинграда до Ростова. Продвигаясь по территории Калмыкии, мы встречали враждебное к нам настроение. Это, по-видимому, были пособники отступающего врага.

Бои за Ростов усложнялись тем, что матчасть из-за падежа конского состава пришлось тянуть почти на руках, тылы отставали, не хватало питания и боеприпасов. Но на третьи сутки наступления Ростов был нашим. После морозов в марте страшная распутица: вода, грязь по пояс, но личный состав держался стойко.

Шел 1943 год. После Ростова были Шахты и Новошахтинск, где в каналы шахт враг бросил тысячи мирных жителей, а потом затопил их водой. На территории Ворошиловградской области форсировали реки вброд, помогая лошадям перетаскивать гаубицы. В Донецкой области в районе Сталино — Красный луч и у Таганрога у врага находилась крупная группировка с глубоко эшелонированной обороной.

В начале апреля мы перешли к длительной, прочной обороне. Вначале стояли

на восточной окраине станции Щетово, но после обнаружения нас «рамой» перебрались севернее, где простояли до июня. Во время стрельбы нас вновь засекли и ответным огнем пытались уничтожить. Более сотни 155-миллиметровых снарядов легли с недолетом, перелетом и боковыми отклонениями, не случилось ни одного прямого попадания, ни одного раненого. В некоторых неразорвавшихся снарядах обнаружили листовки с надписями: «Чем сможем, тем и поможем. Бейте фашистских гадов».

В середине июня 1943 года меня откомандировали в распоряжение политуправления Закавказского фронта. Жили и учились в трехэтажном здании пединститута. Изучали тактику, матчасть артиллерии, проходили огневую и политическую подготовку и даже историю оружия. Нам предстояло за год выполнить всю программу обучения в училище. Питались по второй норме. Вместе с товарищами по выходным дням после завтрака надолго уходили в колхозный сад, где, сколько могли, ели виноград.

Четырнадцатого сентября 1943 года перед строем полка его командир, гвардии полковник Н.М. Панков, в числе других, вручил мне за бои в Сталинграде орден Отечественной войны 2-й степени и медаль «За оборону Сталинграда».

Моя учеба подошла к концу. По всем предметам экзамены сдавал я на «отлично». Решающим из них была боевая стрельба из гаубицы. И это прошло на «отлично»: на пристрелку я израсходовал два снаряда и один на поражение. Мне, как отличнику, предоставили право самому выбрать фронт. Так как мне хотелось отвезти по пути на фронт жену к ее родителям в Валуйки, я выбрал 2-й Белорусский фронт. В июле 1944 года в Рославле на Смоленщине встретили нас негостеприимно. На местном базаре фруктов и овощей не было, дороговизна страшная: стакан меда — 80 рублей, литр молока — 30 рублей, вход на танцы — 15 рублей, побриться в парикмахерской — 20-30 рублей. Пока ждали назначения, стояли на квартире несколько дней, но хозяева даже не предложили нам ничего из питания. Ели в местной столовой два раза в день. На ужин — сухари с водой. Единственное удовольствие — купание в реке Остер.

Двадцать шестого июля выехали на платформе воинского эшелона до Орши. На приеме у командира 56-го гвардейского артполка резерва главного командования подполковника Вайцеховского получил назначение командиром 2-го отдельного взвода первой батареи первого дивизиона и уже участвовал в боях. После артиллерийского налета мы первыми вступили в город Белосток Западной Белоруссии. За это наш полк именовали теперь Белостокским полком.

Девятого августа форсировали польскую реку Нарев. Доброй вестью стал выход Румынии из союза с Германией, а потом и Болгарии. Четвертого сентября из войны вышла Финляндия. Тридцатого сентября полк наградили орденом Кутузова 3-й степени.

На всю жизнь запомнился эпизод в Западной Польше. Девятнадцатого октября 1944 года противник с утра до позднего вечера крупными силами танков, артиллерии и пехоты контратаковал, намереваясь сбросить нас с наревского плацдарма. Нашему дивизиону и батарее пришлось поработать как следует, докрасна накалялись стволы орудий. Наша пехота не выдержала и отошла, мы оказались лицом к лицу с врагом, но выстояли, и высота осталась нейтральной. Враг вел огонь из своего страшного оружия — «ванюш», снаряды которых весили по 100 килограммов. Вечером было очень темно и, как назло, опустился ливневый дождь. Мне передали приказ: «С первым взводом сняться и выехать на высоту для занятия огневого пункта с целью стрельбы прямой наводкой». Дорога обстреливалась «ванюшами». Еду на передней машине и думаю: «Сейчас угодит залп по нам и «бабышки»! Действительно, грянул залп справа, потом слева, и вдруг стрельба утихла — счастливая случайность спас-

ла нас. Приблизились к высоте, а дождь продолжал лить в полной мгле. На высоте обнаружили рядом с разбитыми противотанковыми пушками побитых людей в траншеях, внизу догорала деревня. Быстро принялись за оборудование орудийных окопов и блиндажа на весь взвод. Стояла задача успеть с этим до рассвета. Когда приходилось действовать прямой наводкой, я всегда перед расчетами ставил условие — не успеем выстрелить первыми, можно считать себя погибшими. Сумели успеть первыми и в этот раз, правда, один солдат получил пулевое ранение в руку. Выполнив задачу, через два дня мы вернулись на прежнюю позицию.

Надвинулся плотный туман, войска перешли к вынужденной обороне. Простояли до 15 января 1945 года, вели пристрелку целей, готовились к наступлению. В день начала наступления после нескольких залпов пошла наша пехота, танки, снялись и мы. Гитлеровцы из 155-миллиметровых пушек взрыли нашу позицию, только нас там уже не было. Туман рассеялся, пошел снег, началась метель, но нас остановить было нельзя ничем. На следующий день враг контратаковал танками, наша пехота немного струхнула, и мы оказались впереди нее. Вступили в единоборство с танками. Дивизион поджег пять танков, из которых два — наша батарея. Мы потеряли командира первого орудия старшего сержанта казаха Киремкулова. Заняли деревню, где немцы заживо сожгли двух мотоциклистов.

Двадцать первого января 1945 года вступили на территорию Германии. Поступил приказ: «Уничтожить все на пути. От коров и других животных есть только печенку!» Штурмом преодолели границу. Враг усилил сопротивление. Взяли город Велинберг, поступил приказ: «Ничего не бить, не жечь, все это пригодится!» Так мы и поступали, как было приказано.

Характерным для Восточной Пруссии было то, что все жилые и надворные постройки были приспособлены для обороны. Но наши воины в состоянии наступательного порыва ломали любую оборону и шли вперед. Благодаря жесткой боевой дисциплине, образцовому выполнению приказов командования, прочной связи и точных данных разведки личный состав батареи потерь не имел. Многие были награждены орденами и медалями, в том числе и я — орденом Отечественной войны 1-й степени. А полк наградили орденом Суворова 3-й степени.

Восемнадцатого февраля накануне штурма очередного прусского города у нас побывал командующий фронтом генерал армии И.Д. Черняховский. Он спросил нас: «Ну, как, артиллеристы, сумеем взять вон тот город»? Все в один голос заверили его, что сделаем все, что зависит от нас. На следующий день всю мощь огня обрушили на врага, пошла наша пехота, танки, авиация. Для борьбы с танками враг за городом оставил зенитчиков-смертников. Им удалось сжечь около десятка танков вместе с экипажами. Приходилось вытаскивать обгоревшие трупы, но и гитлеровцев в живых никого не оставили. При выезде из города на машине в боевых порядках частей генерал Черняховский был смертельно ранен осколком 155-миллиметрового снаряда.

В ходе наступления нашей группе войск предстояло уничтожить Восточно-Прусскую группировку гитлеровцев. Благодаря поддержке с кораблей, мы двинулись вперед не только днем, но и ночью. Видя безвыходность прижатых к берегу своих частей, гитлеровцы начали подтягивать транспортные корабли для эвакуации. Наш дивизион стрельбой бризантными снарядами поджег корабль и две баржи с «фрицами».

Двадцать девятого марта в составе 3-й гвардейской армии генерала Горбатова мы пошли к Кенигсбергу, бои за который начались еще в начале февраля. Эта крупная крепость врага была его последним оплотом на Балтике. Местность перед го-

родом была болотистой, окопы и блиндажи сооружать было невозможно, поэтому личный состав укрывался в шалашах, крытых коврами.

По приказу командования 5 апреля мы выкатили на руках свои орудия ближе к фортам Кенигсберга для стрельбы прямой наводкой. Начался двухдневный штурм, в ходе которого завершили окружение немецких войск, оборонявших крепость. Девятого апреля гарнизон крепости во главе с генералом Ляшем капитулировал. Наиболее отличившихся воинов личного состава дивизиона наградили орденами и медалями. Меня за эту операцию наградили орденом Красного знамени. До второго мая мы вели бои по ликвидации остатков гитлеровских войск на полуострове, а второго мая нам сообщили о том, что Берлин пал. Германия капитулировала.

«ЗДРАВСТВУЙ, ОТЕЦ!»

(Сын-казах нашел следы
без вести пропавшего родителя в Эртиле)

О самой великой и ужасной из войн — Второй мировой — за семьдесят с лишним лет сказано, казалось бы, все. Но для каждого, кто имел и еще имеет личное отношение к той вселенской драме, она индивидуальна и, в этом смысле, как всемирное историческое событие, неисчерпаема.

Казах Султанов Мугалим родился в 1911 году в степном селе Жаскайрат под Атырау. Как и его сверстники, парень спешил вырасти, чтобы стать дельным помощником своему отцу. А отец мечтал, чтобы сын получил образование и устроил жизнь свою лучше, чем его предки. Благо советская власть поддерживала стремление обрести знания детям из семей степняков. В 1939 году Мугалим окончил Западно-Казахстанский сельскохозяйственный техникум и вернулся на родину, чтобы помочь ей уйти от вековой нищеты и полуголодного существования. По любви создал семью и планировал рождение детей, которых воспитал бы в уважении к труду и традициям предков. Но грянула война.

Вместе со старшими братьями Кайырлы и Кайрлапом Мугалим ушел на защиту своей большой Родины. Уходя из отчего дома, Мугалим уже знал, что под сердцем любимой супруги зародилась новая жизнь — его продолжение. Сначала братьев отправили в город Саратов на краткосрочное обучение военному делу. После этого братья уже никогда не видели друг друга.

А летом 1942 года семья Султановых получила извещение о том, что Мугалим пропал без вести. Но где, когда и при каких обстоятельствах это случилось, не сообщалось. Вначале теплилась надежда на чудесное спасение, однако с годами она тоже пропала. Никаких новых сведений ни от военкомата, ни от властей семья не получала.

Неутешно горевали о гибели Мугалима его мать и супруга, которая родила сына Аманжана. Ей так хотелось, чтобы ее любимый муж сам взрастил и воспитал его. Но никаких вестей об ушедших воевать братьях больше не приходило. В марте 1952 года из Министерства обороны подтвердили: «Рядовой Султанов Мугалим пропал без вести в 1942 году». Новые запросы в Подольский архив и Министерство обороны ничего не добавляли. Надежда уступила место огромному желанию выведать хотя бы место захоронения родного человека.

Вначале поиск вел отец погибших братьев. С годами отыскать могилу своего отца стало самой сокровенной мечтой Аманжана Мугалимова. Он часто мысленно общался с ним, глядя на единственную сохранившуюся фотографию. В рядах Советской Армии пример погибшего отца помогал ему достойно переносить все тяготы солдатского бытия. Аманжан окончил сельскохозяйственный институт и

работал ветеринарным врачом. В его семье восемь детей были научены трудиться, уважать старших и вести себя так, чтобы не нарушать семейных традиций добропорядочности. Его родной сын — красавец Абай — достойно защищал интересы страны в Республике Афганистан. Словом, жизнь сложилась вполне честной, и погибший отец мог бы гордиться за своих последователей.

В начале XXI века с новой силой обозначился интерес к теме памяти о павших в боях за Родину. В печати и на телевидении появлялись новые материалы, всплывали со дна секретности ранее не известные сведения, активизировалась работа добровольных поисковиков. Но теперь уже не было единой страны — Советского Союза, и это стало новым препятствием на пути к истине.

С появлением возможностей Интернета и специального сайта Министерства обороны России «ОБД. Мемориал» появились новые информационные возможности. Теперь уже к поиску сведений о Мугалиме Султанове подключилась племянница Аманжана. Она по электронной почте в течение трех лет связывалась с казахскими и российскими поисковиками, терпеливо разматывая ниточку из правдивых и ошибочных данных.

И вот, когда, казалось, надежды уже не оставалось, в ноябре 2014 года пришла информация: «Разыскиваемый Султанов Мугалим воевал в составе 206-й стрелковой дивизии. В боях за Воронеж был ранен в 1942 году в область позвоночника. Был госпитализирован и умер от полученного ранения 20.07.1942г.». Но надо было еще получить подтверждение с места захоронения воина — из далекого и неизвестного российского городка Эртиль. Требовалось замкнуть цепочку длительного поиска. И это случилось. В Эртиле поправили неверно написанное «Спугал» на реальное казахское имя «Мугал» (от Мугалим).

Получив подтверждение, Аманжан Мугалимов стал собираться в дальний путь. Его взяли сопровождать парни из телевидения областного центра Атырау. Семидесятидвухлетний старик лишился сна и покоя. Он практически не спал трое суток. Его захлестнули эмоции. Он мысленно пролистал всю свою трудную жизнь без отца. Он радовался и плакал, и спешил на свидание с отцом, все еще не веря в реальность происходящего.

В Эртиле ждали дорогого гостя и тоже волновались в преддверии встречи. Здесь установили, что в июле 1942 года при очередной попытке улучшить общую ситуацию в боях за Воронеж противник контратаковал на участке 206-й стрелковой дивизии и остановил наше наступление. Несколько попыток переправить через

Молитва у могилы отца

реку Воронеж значительное число получивших пополнение частей и подразделений окончились неудачей. Несмотря на смелость и храбрость наступающих, задача оказалась невыполненной.

Тяжело раненный в область позвоночника рядовой Султанов был доставлен в тыловую госпиталь 40-й армии, который действовал в тыловом поселке Эртиль Воронежской области. Здесь в классах трехэтажной школы разместился госпиталь, в котором медики и местное население делали все возможное, чтобы спасти и вернуть фронту раненых бойцов. Раненых было очень много. Большинство из них были также истощены и крайне утомлены. Доставить раненого до тылового Эртиля за 150 километров было непросто. Иногда бойцы могли получить квалифицированную помощь только на третьей сутки — слишком поздно. Причиной смерти становились сепсис или столбняк. Сорок один человек пополнили скорбные списки жертв беспощадной бойни. Среди фактически обреченных оказался и тридцатилетний казах Султанов. Его похоронили в числе первых в братской могиле на поселковом кладбище. Позже останки восьми солдат и офицеров перенесли в центральный сквер, где теперь находится мемориал с фамилиями погибших земляков.

И вот зимним днем юбилейного 2015 года, преодолев 1300 километров практически без остановок, Аманжан Мугалимов оказался в Эртиле. Здесь состоялись его встречи со школьниками и учителями Эртильской средней школы №1. Он побывал в классе, в котором с большой долей вероятности умирал его отец. На встрече в местном краеведческом музее ветерану вручили медаль «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и почетный знак «За заслуги перед городом Эртиль». Но самой трогательной стала встреча Аманжана с отцом на городском Мемориале, где его приветствовали ветераны войны.

Старый казах не мог сдержать слез. Он попросил позволить ему произнести короткую молитву на родном языке, опустился на колени, рассыпал горсть земли и произнес: «Здравствуй, отец! Я нашел тебя...» Та молитва и встреча через 72 года тронула каждого, кто стал ее свидетелем. Вместе с этим стариком плакали и мы, мысленно благодаря солдата, не пустившего беспощадного врага в наши степи. Далекий Казахстан с его братским народом стал ближе и значимее.

Ирина ПОПОВА,
Ольга ШАМШЕВА,
учителя Эртильской средней школы №1

Валерий Платонов

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ВАСИЛИЯ ТРОИЦКОГО

(Непридуманная история
жизненных потерь и обретений)

Повороты жизненного пути каждого человека в значительной степени бывают predeterminedены его родовыми генами, первыми шагами по земле, средой и условиями босоногого детства. Уже на ранних этапах судьба частенько подает знаки, «намекает» нам на некую ее заданность.

Василий Троицкий родился в семье конторщика Петра Ивановича Троицкого. Точной даты рождения, по его собственному утверждению, он не знал, поэтому в соответствующей графе паспорта значилось «1 января 1917 года». В автобиографии при оформлении на работу он сообщал: «...родился в 1917 году (в) р.п. Эртиль Воронежской области». На его надгробном обелиске дата рождения также совпадает с началом года великих потрясений.

При составлении солидного и объемного издания «Воронежская историко-культурная энциклопедия», куда по моей просьбе включили биографические сведения о В.П. Троицком, указанную мной дату его рождения исправили на «19 декабря 1916 года»¹. Не имея точных сведений об источнике информации, на основании которой совершена данная поправка, надеюсь, что она верна.

В «Метрической книге» Архангельской церкви села Шукавка Бобровского уезда за 1911 год случайно обнаружил запись, сделанную священником Василием Данилевским: «Села Борисовки Тамбовской губернии Усманского уезда личный почетный гражданин Петр Иванов Троицкий и законная жена его Татьяна Иванова, оба православного вероисповедания...» Из дальнейших записей следовало, что 16 сентября 1911 года у четы Троицких родился сын, которого при крещении нарекли Николаем. При этом в графе «Восприемники» или, попросту говоря, «крестные» записано: «Села Никольско-Сергиевского Бобровского уезда сын псаломщика Вениамин Алексеев Павлов и крестьянка Александра Иванова Новосельцева».

Записи в «метрике», хотя и не касаются напрямую Василия Петровича, тем не менее, многое проясняют. Очевидным становится его некрестьянское происхождение по отцовской линии. Статус отца, как «личного почетного гражданина» указывает на это. Сама фамилия «Троицкий» подсказывает ее происхождение от лица

¹ С.428 указ. издания.

церковного чина. Заметим, что и близкий друг Петра Троицкого — сын псаломщика. О том, что в его роду имелись священники, мне как-то говорил и сам Василий Петрович.

Крестной матерью Дмитрия — старшего брата Василия — стала незамужняя девица Новосельцева, которая приходилась родной сестрой матери новокрещенного младенца. Вполне допускаю, что Новосельцевы тоже были, что называется, не из последних по своему материальному положению.

Как явствует из автобиографии В.П. Троицкого, отец его «до революции 1917 года и после (до 1937 г.) работал счетным работником при Эртильском сахарном комбинате». Иными словами Петр Иванович вначале трудился конторщиком на заводе князя Орлова, а затем до печально известного 1937 года его профессионализм пригодился и на вновь построенном комбинате. К этому следует добавить, что Петр Иванович какое-то время работал и на свеклосушильном заводе — на том самом, что организовали на базе сожженного «антоновцами» прежнего завода. Скончался П.И. Троицкий в 1940 году.

Василий Петрович часто сожалел о том, что не знает даже, где похоронен его родитель. Это казалось мне тогда очень странным. Он всегда живо интересовался историческими корнями многих, знал удивительные подробности жизни большого числа земляков. Но, если обратиться к фактам его драматичной биографии, то станет ясной причина такого незнания. Об этом речь пойдет ниже.

Татьяна Ивановна Троицкая умерла в 1919 году. Мне известно, что у будущего эртильского краеведа имелись родные братья Николай и Дмитрий, а также младшая сестра Анна, которая училась вместе с ним и преподавала потом в школе. В одной могиле с ней, по его же собственному желанию, похоронен и Василий Петрович. Братья Николай и Дмитрий были участниками войны. Один из них проживал в Смоленской области.

Маленький Вася не мог помнить своей родной матери. Кто же тогда заменил ее, кто поднимал на ноги и воспитывал четверых сирот? В православных традициях, которые в те времена являлись нормой и, как правило, соблюдались, в случае смерти матери заботы о воспитании малолетних детей ложились на мать крестную. Так произошло и в этом случае. Коля, Митя, Вася и Нюра проживали в семье Новосельцевых в Борисовке. Василий Петрович, помнится, рассказывал, что в раннем детстве носил фамилию «Новосельцев». Под этой фамилией он был записан в местной школе крестьянской молодежи, которую старательно посещал, проявляя себя способным учеником. Когда же по ее окончании встал вопрос о продолжении обучения в эртильской фабрично-заводской семилетней школе, то потребовалось «переписать» Василия на фамилию отца. В ФЗС тогда принимали только детей рабочих и служащих. Василий заново утвердился в своей законной от рождения фамилии.

Школа размещалась тогда на «Сушке» в тесном одноэтажном здании. Весьма бедное по набору учебного оборудования и предметных пособий, переполненное учениками учебное заведение отличалось довольно образованными и профессионально зрелыми кадрами. Большинство опытных педагогов были женами специалистов сахарного завода. Многие из них происходили из дворянско-мещанских семей и имели за плечами духовные семинарии и епархиальные училища. По географии, литературе, истории, русскому и даже немецкому языкам знания Василия Петровича отличались заметной полнотой.

П.И. Троицкому был хорошо известен городок Усмань, который находится ныне в пределах Липецкой области. В нем ему приходилось не однажды бывать по самым различным делам. Вполне возможно даже, что здесь у него проживали друзья или близкие знакомые. Именно сюда на обучение в педагогический техникум он и отдал Василия вместе с сестрой Анной. (Несмотря на полуторогодовую раз-

ницу в возрасте младшая сестра окончила Эртильскую семилетку тоже в 1933 году.)

С получением свидетельства об окончании Усманского педучилища пришло время распределения. Молодых специалистов-педагогов не хватало повсюду. Всеобщий интерес населения к обучению вывел профессию учителя в категорию наиболее авторитетных и престижных. В сельской глубинке грамотных и просвещенных людей просто боготворили.

В августе 1936 года брат и сестра Троицкие поселились в селе Старый Эртиль Щучинского района. Василию Петровичу доверили преподавание в местной семилетней школе географии, физики и химии в 6 и 7-х классах. Анна Петровна работала учительницей начальных классов, где у нее далеко не все получалось. В частности, методикой обучения чтению она владела своеобразно, стремясь научить детей читать не по слогам, а целыми словами. К тому же Анну мало интересовали идейно-политические проблемы Советского государства.

Среди коллег молодого педагога В.П. Троицкого выделяли не столько хорошее знание предметов, сколько ораторские способности, живость характера, самоуверенность и склонность к определенному рода театральности. После года работы аттестационная комиссия так характеризовала его способности: «К работе относится добросовестно. <...> Читает методическую и художественную литературу. За короткий срок работы проявил себя дисциплинированным и аккуратным учителем. Уделяет серьезное внимание воспитательной работе. Уроки проводит живо и занимательно. С первых дней завоевал авторитет у учащихся. Политически грамотен. Общественная работа — помогает колхозу в выпуске стенгазеты».

Василий Петрович имел собственный велосипед, и когда ехал на нем вдоль села, местные жители восхищенно завидовали: «Вона, Василь Пятров опять на велосипеде своей едя...» И брат, и сестра активно занимались ликвидацией неграмотности среди взрослого населения Старого Эртиля («Ертиля», как его долгое время именовали сельские жители), участвовали в различных пропагандистских акциях и работе местной избы-читальни. Василий Петрович любил подчеркнуть, что многие ученики в классах были его ровесниками, но слушали его раскрывши рты.

Два года работы в старинном, многолюдном селе стали временем мужания и обретения первого педагогического опыта, общения с простыми людьми — бесхитростными сельскими тружениками. Попутно он учился ориентироваться в происходящих драматичных событиях. На глазах Василия Петровича произошла великая ломка привычного деревенского уклада с насилием, раскулачиваниями и обобществлениями имущества крестьян. Советская власть агрессивно и цинично рушила церкви, притесняла и шельмовала православные и бытовые устои. В 1937-38 годы прокатилось железное колесо репрессий в отношении «бывших», «подозрительно умных», неблагонадежных и тех, на кого следовало по тем понятиям списать неудачи и преступления прежних лет. Летели с плеч «руководящие головы» не только в столице, но и на местах. В с. Щучье несколько дней длился показательный процесс по делу руководителей Эртильского сахкомбината. Зал, битком набитый людьми, аплодировал приговору к смертной казни в отношении директора завода Е.И. Седнева. Были расстреляны также главный инженер завода Н.В. Алейников, первый секретарь Щучинского райкома партии В.И. Сопин, первый секретарь Токайского райкома партии Е.И. Емельянов, директор Битюг-Матреновской МТС Н.В. Полянский и другие руководители. Многие получили большие сроки лагерного заключения. Обстановка подсказывала: безопаснее находиться на стороне сильных, не особенно высовываться и держать свое личное мнение при себе.

Но оставаться всю жизнь в Старом Эртиле Василию Петровичу не хотелось. Молодого человека больше привлекал Эртиль. Здесь ему все было знакомо и мило.

Василий Петрович Троицкий проводит экскурсию в музее

Поселок рос и развивался вместе с сахарным заводом. Поражала воображение красавица-школа, знаменитая на всю округу. Строительство и работа сахарного, глицеринового, а затем и маслоконсервного заводов привлекли в степной поселочек невиданное количество специалистов и рабочей молодежи. Здесь бурлили энергия и энтузиазм, азартно и весело проходили спортивные состязания, в клубе имени Тельмана «крутили кино», а по вечерам на «пяточках» танцевало и пело столько симпатичных и энергичных комсомолок, что у молодого красавца голова шла кругом.

Счастливый билет вскоре выпал — Василию Петровичу представилась возможность преподавать географию в восьмых классах Эртильской средней школы. Общественная жизнь, комсомольские поручения, агитационные акции, собрания и художественная самодеятельность влекли его больше, нежели классные уроки, дежурства, педсоветы, планы уроков и проверка ведения тетрадей. Его друзьями-приятелями стали молодые педагоги Петр Гаврин, Дмитрий Глазунов, Иван Максимов, Василий Силин. Он подружился с сестрами Александрой и Еленой Осокиными — дочерьми авторитетного заводского слесаря-передовика и новатора производства Осокина Ивана Петровича.

По утверждению В.Н. Силина, работавшего после окончания Пензенского художественного училища учителем рисования в той же школе, Василий вначале увлекся Александрой Осокиной, но затем его симпатии переместились на Елену. Девушку отличали особого рода внутренняя сила, основательность, строгость в поведении, доброта и спокойная рассудительность. В 1937 году Елена экстерном окончила Усманское педучилище и уже третий год преподавала в начальных классах. Она идеально подходила для создания надежной и счастливой семьи. Не могу домысливать относительно того, в каких отношениях находились отцы молодой пары, но то, что они были хорошо знакомы по совместному производству, сомнений не вызывает. Бурный роман Василия и Елены завершился свадьбой 5 января 1939 года. Тридцатого сентября у молодых супругов родилась дочь, которую они нарекли Эммой.

Создание молодой семьи совпало с организацией Эртильского района, выделен-

ного из части Щучинского. В числе других необходимых учреждений создавался районный отдел по народному образованию. Руководить им назначили Петра Васильевича Чернышева, который до того заведовал средней школой и, конечно, хорошо представлял себе способности молодого географа. Он и позвал к себе в помощники В.П. Троицкого и П.И. Гаврина.

Восьмого августа 1939 года Василий Петрович стал инспектором РОНО. В его ведении находился обширный «куст» начальных и семилетних школ. Новые обязанности и важные задачи поглотили его без остатка. Василий Петрович рассказывал: «Чтобы провести проверку школы, до нее приходилось добираться пешком или попутным гужевым транспортом. Школы располагались в плохеньких приспособленных помещениях, классы везде были переполнены ребятишками. Чуть ли не половина из них с наступлением холодов бросала учебу. Нищета везде была ужасающая, не хватало всего: книг, тетрадей, учебных пособий, парт, досок, а, бывало, скамеек и даже мела».

Между тем задачи перед школами и педагогами стояли фантастически серьезные. В апрельском приказе по РОНО за 1939 год отмечалось: «Партия, правительство и весь советский народ в третью Сталинскую пятилетку будут осуществлять грандиозную работу по развертыванию обязательного 10-летнего образования в городе и городских поселках и 7-летнего — в сельской местности. Наша страна должна быть страной передовой науки, техники и культуры. Напоминанием о проклятом прошлом, о бескультурии и невежестве Царской России являются остатки неграмотных и малограмотных трудящихся. Учитывая культурный рост и потребности широких масс Советского Союза, партия своим решением установила сроком ликвидации неграмотности и малограмотности 1 мая 1939 года ...» И не беда, что даже и сам приказ о задачах ликвидации неграмотности был написан с большим количеством ошибок.

Но, помимо задач по образованию населения, перед страной победившего социализма все яснее вставала проблема готовности к грядущей большой войне. Шло перевооружение армии и наращивание ее кадрового потенциала. Повсеместная кровавая «чистка» штабов и командного состава полков и дивизий значительно подорвала боеготовность воинских частей. В 1939 году для укрепления армейских рядов производился массовый призыв лиц руководящего состава. Призывались молодые директора совхозов, председатели колхозов, партийные и комсомольские работники, педагоги и техническая интеллигенция.

В октябре пришел черед примерить шинель и Василию Троицкому. Он покидал родной Эртиль, когда его дочурке Эмме было всего девять дней от роду. Вместе с ним призвали и родного брата жены — Александра Осокина (он потом погибнет смертью героя в сражениях Великой Отечественной войны). Настали будни солдатской службы. Ему повезло попасть в часть, находившуюся в сытой, теплой и экзотичной Грузии. Младший сержант Троицкий отличался способностями быстро постигать требования уставов, общительностью и развитым кругозором. Не имея инженерного образования, он настолько быстро овладевал премудростями саперного дела и фортификации, что частенько привлекался к обучению сержантского и офицерского составов. Их саперное подразделение в 1940 году сорвали с места постоянной дислокации и направили в сторону Ленинграда, где к северу от города шли тяжелые бои с финнами. Но в марте 1940 года война завершилась, и всех вернули в прежние казармы.

Войну с фашистской Германией Василий Петрович Троицкий встретил офицером, командиром взвода саперного батальона, членом ВКП(б). Осенью 1942 года их подразделение, входившее в состав Южного фронта, участвовало в тяжелых боях на Кубани. Немецким частям поставили задачу в максимально сжатые сроки захватить Кавказ и овладеть нефтяными районами Грозного, Орджоникидзе и

Баку. Наши войска вынуждены были отступать под мощным напором превосходящих сил противника. Они подвергались массированным ударам с воздуха, атакам механизированных полков, попадали в окружения и несли значительные потери. Моральный дух измотанных боями и длительными переходами, голодных людей тоже был далек от идеального.

Дальнейшие события я буду выстраивать и трактовать так, как услышал их в беседах с Василием Петровичем. Подчеркну: при всей его словоохотливости он откровенничал на тему своего военного прошлого крайне редко и настороженно, нервничал, часто замолкал и говорил, лишь уступая моему искреннему стремлению сопереживать глубине его личной драмы. Моя настойчивость в расспросах была рождена слухами о том, что, находясь в плену, Троицкий, якобы, настолько ревностно пособничал немцам, что выслужил себе первый офицерский чин. От бывшего Предрайисполкома я слышал, будто тот самолично держал в руках справку из управления КГБ, в которой сообщалось именно об этом.

К тому времени я был знаком с Василием Петровичем как с директором созданного им прекрасного музея, со школьных лет собирал вырезки его газетных статей о прошлом района и высоко ценил его как содержательного и остроумного рассказчика. Как, наверное, и большинство из слышавших его музейные экскурсии, я видел в нем истинного патриота, идеолога социалистического образа жизни и пропагандиста героического прошлого нашего народа. Мне совсем не хотелось разочаровываться в этом, поэтому и пытался получить опровержение нехороших слухов, что называется, из первых уст. О том, что мне самому известно о судьбе Василия Петровича Троицкого — неординарного человека, которого еще помнят многие эртыльцы, я и собираюсь теперь рассказать.

Итак, в октябре 1942 года трое молодых офицеров-саперов оказались в окружении. Они срезали петлицы, выдававшие их как командиров, но это им не помогло. Кто-то из местного населения в городке на Кубани выдал небритых, тощих людей в военной форме немцам, и с 14 ноября они стали военнопленными. Начались допросы с выяснением личностей, принадлежности к подразделению и воинской должности. От расстрела лейтенанта Троицкого спасло, вероятно, то, что он служил в части не прямого боевого применения. На допросе Василий Петрович назвал себя Анатолием Кашириным. Предположу, что эту фамилию он выбрал потому, что она в нашей местности не слишком редкая и, в случае проверки, могла сойти за реальную. Может быть, он лично знал и какого-то конкретного Анатолия Каширина. Настоящая его фамилия «Троицкий» в сочетании с черными волосами и смуглым цветом лица могла быть «распознана» оккупантами, как признак еврейского происхождения, со всеми печальными последствиями.

Условия содержания советских военнопленных были ужасающими. Василий Петрович говорил, что на всем пространстве лагерной территории нельзя было сыскать даже травинки — все съедалось истощенными до крайности людьми. Грязь, завшивленность, дистрофия, дизентерия, побои и другие «лагерные прелести» вели к гибели пленных. Каждое утро из бараков выносили десятки умерших военнопленных. Положение несчастных ухудшилось с наступлением холодов.

И вот в такой отчаянной ситуации в лагерь заявился офицер инженерной службы с целью набора специалистов в военно-строительную организацию «Тодт». Доходяг-военнопленных построили шеренгами. К ним на хорошем русском языке обратился прибывший вербовщик. Он сказал, что вермахту требуются специалисты для строительства и обслуживания транспортных коммуникаций в тылу немецких войск. Всем желающим послужить Германии обещались сносные условия питания, обращения и даже медицинская помощь при необходимости. В рядах военнопленных сдержанно загудели. Стоявший рядом с Троицким товарищ

подсказал: «Давай, Толик, выходи. Они знают, что служил сапером. Глядишь, и поверят. Выходи, все одно всем подыхать здесь, а так хоть надежда...» Сердце учащенно колотилось от страха, что распознают в нем отсутствие инженерной выучки и расстреляют на месте. Немцы не терпели обмана. Но замаячила надежда на спасение, и «Анатолий Каширин» сделал те шаги вперед. Помню вопросы, которые раздраженно задал мне Василий Петрович, прочитав разочарование на моем лице: «А что, разве лучше было бы, если бы я сгинул там? Кому нужна была моя заурядная гибель?»

После несложной проверки и сытного питания — впервые за многие недели, военнопленным настоятельно предложили принять присягу и подписаться на верность Германии. Отказ означал возвращение в лагерный кошмар к неминуемой гибели, и Троицкий, в числе других, расписался на немецкой бумаге. Их переодели в робы песчаного цвета с надписями на рукаве и отправили на железнодорожную сортировку состава поезда с техникой и живой силой. Как наиболее сообразительного и к тому же сносно понимавшего немецкую речь, Василия Петровича назначили старшим над группой «тодтовцев». Я спросил, не пробовали ли они сыпать песок в смазку колесных пар вагонов, что вело бы к крушению поездов в пути следования. Василий Петрович удивился моей осведомленности и ответил отрицательно. Немцы тщательно расследовали каждое ЧП и подозреваемых расстреливали безо всяких колебаний десятками и сотнями, отправляли в лагеря смерти, а людям, поверившим в спасение, умирать уже не хотелось.

Через некоторое время Василий Петрович вместе с другими строителями был направлен на строительство дорог в Псковской и Ленинградской областях. Немцы никак не могли вступить на улицы Ленинграда. Осажденный город пытались стереть с лица земли бомбовыми ударами и дальнобойной артиллерией. Подвоз орудий большого калибра для стрельбы по городу был невозможен в условиях болотисто-лесистой местности. Тогда изобрели оригинальный способ строительства зимних дорог: плотно укатанный снег поливали водой, затем укладывали послойно хворост и лапник елей, засыпали снегом, вновь укатывали и поливали водой. Такой слоеный «пирог» неплохо держал технику. Военнопленных сюда согнали великое множество. Они трудились здесь день и ночь, погибая от голода, холода и болезней.

В окрестных лесах в тылу у гитлеровцев активно действовали советские партизаны. Военнопленные часто обсуждали их успехи. Многие хотели бы влиться в ряды народного сопротивления. Все время нахождения в «Тодте» Василий Петрович искал возможность связи с патриотами, осторожно искал тех, кто мог бы ему помочь в этом. В отличие от лагеря здесь у него имелась некоторая свобода передвижения. К нему уже попривыкли и полицаи, и немцы. Однажды ему удалось уговорить одного из старших по охране моста отлучиться в деревню за рекой, якобы «по делам любовным». Василий Петрович пообещал полицая за эту услугу раздобыть самогона.

В деревне он отыскал девушку-связную партизан, и она потом сопроводила его до нужного места. Так бывший военнопленный в октябре 1943 года попал к своим и вновь стал Троицким. Но по какой-то причине имя «Анатолий» он оставил за собой. Через некоторое время, как написал в автобиографии сам Василий Петрович, его назначили командиром отряда, который насчитывал около трехсот партизан, а несколько позднее заместителем командира партизанской бригады Ленинградского фронта. По словам Василия Петровича, он отвечал за строительство оборонительных и заградительных сооружений и минно-подрывные действия целого партизанского соединения.

Перед тем, как двинуться фронту от Ленинграда, происходили непрерывные, тяжелые бои партизан с карательными отрядами и регулярными частями нем-

цев. Стремясь обезопасить свои коммуникации при отступлении, оккупанты хотели подавить активность партизанских отрядов. Партизаны несли значительные потери. Василий Петрович утверждал, что получил приказ скрытно переправить через линию фронта большой отряд в двадцать восемь подвод с ранеными партизанами. Командование надеялось, что он, как географ, сумеет «на ощупь» отыскать верный путь по лесам и болотам. Троицкий сумел провести свою легко уязвимую колонну без потерь и получил благодарность командования. В марте 1944 года он снова влился в регулярную армию.

Дальнейшая служба его проходила в саперном батальоне, где он был на высоком счету у командования. Он рассказывал, что однажды ему пришлось выступить в роли фактического начальника переправы через полноводную реку Нарва. После наведения понтонной переправы он, якобы, докладывал об этом генералу, члену Военного совета фронта и просил его сохранить жизнь старшему офицеру, который до него с этой задачей не справился. В проявление талантов подобного рода, честно говоря, я верить не склонен. Скорее, тот рассказ — плод хвастовства Василия Петровича, которым он, бывало, иногда грешил.

В этот период он близко познакомился, а потом и полюбил Раису Чеснокову. Молодая девушка была на 6 лет моложе. В 1944 году после окончания Свердловского медицинского института ушла на фронт. На Ленинградском фронте старший лейтенант Чеснокова служила в медсанчасти 54-го отдельного строительного батальона. Троицкий не смог открыть ей, что еще до войны был женат, что в Эртиле у него растет дочь, что зовут его Василием, а не Анатолием. Кстати, и Чеснокова зачем-то впоследствии поменяла свое имя «Раиса» на «Ираиду».

В то же время в далеком тыловом Эртиле законная жена его Елена Ивановна Троицкая, не получая более двух лет никаких вестей от мужа, теряла остатки надежды и все чаще оплакивала свою «вдовью» судьбину.

Войну В.П. Троицкий окончил, освобождая Прибалтику, а потом продолжал службу начальником инженерной службы саперного батальона в звании старшего лейтенанта. Его рапорты об увольнении из армии решительно отклонялись. Командование не хотело терять перспективного и грамотного офицера. Демобилизации подлежали лишь те, кто имел документы, подтверждающие педагогическое образование, но таковые остались в Эртиле, куда появляться ему уже не хотелось или попросту было чревато неприятностями.

Каким-то образом Василию Петровичу удалось выхлопотать справку наркомата просвещения о том, что «учителю Троицкому Василию (Анатолию) Петровичу» в 1940 году «действительно присвоено персональное звание учителя средней школы». Справка выдавала подлинное имя Троицкого. Ему пришлось прятать ее от нежелательных глаз, но, возможно, именно обстоятельства ее получения рассекретили его перед обеими женами. Между тем Ираида Игнатьевна имела уже несколько месяцев беременности. Василий Петрович вынужден был лично обратиться в Главное управление кадров в Москве, после чего в июне 1946 года и получил желанную отставку-высвобождение из Вооруженных сил.

Решено было ехать на Урал на родину фронтовой супруги. По пути в поезде у Ираиды начались роды. Василий Петрович утверждал, что лично принимал их. На свет появился сын, которого назвали Владимиром.

Жизнь Василия Петровича в городе Серове Свердловской области складывалась вполне удачно: имелась хорошая квартира; как фронтовик он пользовался уважением, а супругу его — хирурга-ординатора металлургического завода имени А.К. Серова — хорошо знали и боготворили за профессионализм. Она помогла с устройством на работу. «Анатолий Петрович» работал учителем географии в школе №18, а затем завучем школы №25. Параллельно с этим он заочно обучался на географическом факультете Свердловского государственного педагогического ин-

ститута. Первый из государственных экзаменов уже был успешно выдержан, но 1 мая 1949 года Ираида Игнатъевна, получила тревожную телеграмму: «Троицкому Василию Петровичу. Умерла жена. Дочь Эмма осталась сиротой. Срочно выезжай». Неизвестно, была ли подпись у той телеграммы или нет. Вполне допускаю, что имелась. Скорее всего, автором и исполнителем оригинального способа доставки Василия Петровича в Эртиль являлся начальник МГБ по Эртильскому району капитан Антипин, проживавший в Эртиле по улице Садовой в соседстве с Троицкими.

На семейном совете Ираида Игнатъевна подвела черту: «Не оставлять же ребенка сиротой. Поезжай в Эртиль и забери дочь, будем жить и воспитывать вместе». Следующим днем поезд уже мчал Василия Петровича в родные края. В Москве он зашел в ресторан, выпил водки, мысленно помянув Елену Ивановну. Он волновался перед скорой встречей с Эртилем, где не был целых десять лет, и представлял, как удивятся все, узнав, что он жив и здоров, сколько будет разговоров и пересудов на тему его чудесного «воскрешения». Версия на сей счет им была заготовлена еще до отъезда.

Вот за окнами вагона уже и вывеска «Станция Оборона». Здесь пересадка на тихоходный поезд до Эртиля. У вокзала к нему подошли двое милиционеров и предложили пройти в отдельный кабинет. Один из них — старший по званию, сказал, что в его вагоне произошло убийство, и теперь они допрашивают всех, расследуя обстоятельства преступления. Однако многое в поведении милиционеров не сходилось, выглядело неестественным, да и шума в вагоне за всю дорогу он никакого не слышал. И Василий Петрович начал догадываться, что весь этот маскарад и та телеграмма из Эртиля — только предлог выманить и задержать именно его. Опасения стали явью. Третьего мая 1949 года свобода вновь издевательски помахала ему рукой.

Он все-таки прибыл в Эртиль, но не на поезде, а в машине с нежелательным сопровождением. И доставили его не куда-нибудь, а (не знак ли судьбы?) в... музей. Нет, не в музей, конечно, тогда его еще в Эртиле не было, а в камеру предварительного заключения, где расположены теперь фонды краеведческого музея. Здесь его продержали трое суток. Провинциальный Эртиль в один момент облетела сенсационная новость: «Троицкого привезли под охраной, как настоящего преступника. Говорят, полицаем у немцев служил».

Василий Петрович спрашивал у охранявших его милиционеров: «За что меня арестовали? Я ничего такого не совершал». Те уклончиво отвечали: «Это не наше дело. Пусть с тобой разбираются, кому положено».

Из Воронежа приехали те, «кому положено». Им занялись бойкие ребята из госбезопасности. Его обвиняли в измене Родине, выразившейся в сознательном переходе на сторону врага и действиях в ущерб военной мощи страны. Подобные обвинения при отсутствии смягчающих обстоятельств предопределяли плачевный финал. Перспектива прояснялась безрадостная. Допросы шли как будто хаотически: то интенсивные — по нескольку раз за сутки, то о нем будто бы забывали и, тогда ожидание новых встреч со следователем становилось еще более зловещим и мучительным. По ночам частенько врубали яркий свет, от которого не было спасения. С ним обращались то вполне корректно, то били по ребрам и голове. Следствие длилось без малого полгода. Следователь уже впрямую говорил, что, если он будет продолжать и дальше упорствовать в даче признательных показаний, то при очередном вызове на допрос его «шлепнут при попытке к бегству».

А он все твердил, что в плен попал в условиях безвыходных обстоятельств, что и присягу на верность Германии подписал только потому, что очень хотелось жить. Он объяснял, что никаких действий в ущерб стране не предпринимал, называл имена свидетелей его достойного поведения в плену и умолял сделать запросы в

Ленинградскую область, где его хорошо знали по партизанским делам в тылу противника. Но все казалось тщетным. Однажды подполковник, с которым он попал в одну камеру, спросил, в чем его обвиняют. И когда услышал ответ, сострадающе посоветовал: «Подписывай бумаги. Все равно тебя не выпустят. Зазря что ль столько искали и мариновали? По статье 58—1 «б» тебе «червонец» светит. Это все равно, что на «очке» пересидеть. Здесь если не «четвертной» дают, то «вышку». А тебе, дружок, крупно повезло. Не упирайся, а то и вправду разозлятся, да «при попытке» и кончат».

Особое совещание, как и предсказывал участливый подполковник, «нарисовало» ему десять лет исправительно-трудовых лагерей. Наказание Василий Петрович отбывал в северном Казахстане. Искушая вину перед народом, здесь заключенные крепили индустриальную мощь державы. По словам Василия Петровича две вещи спасали его: опыт пребывания в фашистском плену и то, что камни, как большinstву, дробить и ворочать ему пришлось только в начале срока. Он и здесь пригодился в роли инженера строительных работ, и здесь он пользовался уважением среди «политических» и даже среди «блатных». Мне представляется, что это близко к истине. Василий Петрович, насколько помнится, не имел пристрастия ни к картам, ни к крепкому чаю, не умел, вообще, что-то мастерить собственными руками. Для этого он не стеснялся прибегать к посторонней помощи. В этом всегда стройном и подтянутом человеке ничто не выдавало заключенного, тянувшего немалый срок. Напротив, все, кто видели его в традиционном пиджаке при галстукe, отмечали в нем подчеркнутую интеллигентность, утонченную образованность и доброжелательный склад.

Многие слышали о его способностях увлекать и увлекаться женщинами. Мне по большому счету представляется, что он и любил-то по настоящему только две вещи: хорошеньких женщин и... историю жизни людей в родной местности, то есть краеведение. В личной беседе со мной уже после смерти Василия Петровича его дочь Эмма Васильевна Кувшинова говорила: «Женщин у него было немало. Он у нас такой живчик был. Не сказать, что «Дон Жуан». Нет. Но вот как-то ловко все получалось у него с ними. И они его любили тоже. Так уж выходило. Тем более он умел всегда хорошо говорить...»

Но вернемся к новым событиям в жизни нашего героя. В марте 1953 года ушел из жизни Сталин. Страна застыла в ожидании и одновременной боязни перемен. Преемники вели борьбу за освободившийся «престол». Им хотелось, чтобы народ увидел их человеческие лица и благодарно оценил их «послабления». Даже Берия задумал провести амнистию заключенных, а за ним Маленков, а потом уже и Хрущев. В срочном порядке пересматривались многие смехотворные и наиболее сомнительные дела по обвинению в пособничестве нескольким разведкам сразу, по обвинениям в покушениях на жизнь «вождя всех народов», к примеру, прямо из какой-нибудь нашей Александровки, Ростошей или Сластенки. Из тюрем выпускали и тех, кто «не всерьез», «не явно изменил» советскому строю.

В декабре 1955 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР освободили из мест заключения и Василия Петровича Троицкого со снятием с него судимости.

Он написал письмо о своем освобождении в Серов, но оскорбленная Ираида не могла принять его. Более того, она уже пребывала замужем за каким-то своим коллегой-медиком. Гордой, широко известной женщине, обласканной вниманием и уважением горожан, оказалось не под силу преодолеть обиду и унижение от известия о муже-«изменнике Родины». Она постаралась вычеркнуть его из своей жизни.

Василий Петрович возвратился в Эртиль, и Елена Ивановна — истинно смиренная и милосердная женщина, не отринув его, стала жить с ним, деля общий

кров и осуждения педагогов и подруг. Она приняла его, несмотря на то, что вся жизнь ее была искромсана вначале ожиданием писем с фронта, потом слезами скорби по без вести канувшему мужу, а когда он объявился, горькой обидой, унижением и людскими пересудами. Она, правда, невольно помогла «компетентным органам» лишить свободы Василия Петровича. Эмма Васильевна рассказывала: «Году в сорок шестом мама и близкие родственники уже знали, что папа жив и живет с новой семьей на Урале. Оттуда приходили алименты. Они были больше, чем вся мамина зарплата. Как-то к нам зашла мамина коллега по работе Антипина и заговорила с ней: «Мы, вот, с мужем вчера поспорили: на кого же больше похожа твоя Эмма — на отца или на мать. Дай мне, пожалуйста, карточку мужа». Мама отдала довоенную фотокарточку, где они вместе с отцом были сняты, и через какое-то время переводы с Урала приходиться перестали».

Любящая женщина Е.И. Троицкая прошла через все, подорвав здоровье и веру в свое личное счастье. Простила ли? Поняла ли? Бог весть. Отец ее и родная сестра долгое время не хотели и слышать о Троицком. В Эртиле говорили, что дочь Эмма — умница и красавица, окончившая Эртильскую среднюю школу с серебряной медалью, публично отреклась от родного отца.

Не получилось счастливой жизни и в новой уральской семье Ираиды Чесноковой. Она распалась. Ираида Игнатьевна предпринимала попытки вернуть Василия Петровича, слала оскорбительные письма в адрес Елены Ивановны, называла ее бедной провинциалкой, которая, в отличие от нее, ничего не может дать мужу. В феврале 1984 года, приняв смертельную дозу лекарств, она ушла из жизни. В некрологе газеты «Серовский рабочий» говорилось: «Скоропостижно на 61 году жизни скончалась врач медсанчасти металлургического завода им. А.К. Серова, кавалер ордена Ленина, Почетный гражданин города Серова, отличник здравоохранения, ветеран Великой Отечественной войны Ираида Игнатьевна Чеснокова». Двое ее детей, Владимир и Надежда (от второго брака), тоже не сумели построить свое семейное счастье. Брат Дмитрий в письме к Василию Петровичу сообщал, что не он стал причиной добровольного ухода из жизни его бывшей супруги, а ее две серьезные операции, пьянство сына, разгульная жизнь дочери. Военное время нечаянно свело молодых людей, а его отголоски все потом и порушили. Что ж тут удивительного? Драма обеих семей — всего лишь малая частица великой общенародной трагедии под черным словом «Война».

* * *

В судьбе удивительного человека В.П. Троицкого, с которым мне довелось общаться и исследовать один и тот же предмет — любовь к родному краю, к его «отеческим гробам», так много отобразилось особенного и типичного для людей его поколения, что она сама выглядит ярким историческим артефактом. И целое, и противоречивое у него сложилось, кажется, во всем: в смене имен и фамилий, в смене женщин и присяг, в смене семей, лагерей и мест жительства, в нелепой записи в паспорте «Василий-Анатолий Троицкий». Такой биографии, точно, хватило бы на несколько жизней.

Удивительно, на первый взгляд, как это мог мудрый секретарь райкома В.И. Песков поставить во главе идеологического учреждения, коим, без сомнения, долгое время выступал наш музей, бывшего «изменника Родины». Но это удивительно лишь на поверхностный взгляд. Василий Иванович, который в прошлом сам служил в правоохранительных органах, знал Троицкого подлинного, ценил и доверял ему, потому что не верил в справедливость приговора.

Но прошлое не оставляло Василия Петровича. Брат его жены, младший политрук Александр Осокин погиб в отчаянной рукопашной схватке, отбивая атаку

немцев, прорвавшихся на артиллерийскую батарею. Оба старших брата, Николай и Дмитрий, прошли дорогами войны. При этом Дмитрий, будучи на оккупированной врагом Смоленщине, в апреле 1942 года попал в партизанский отряд имени Соколова, а затем в регулярную армию, имел тяжелое ранение и награды. А он... находился в немецком плену, и об этом знали многие.

Однажды на мое предложение написать в Военную прокуратуру ходатайство о реабилитации Василий Петрович равнодушно ответил: «Ни о чем просить их я не буду. Не хочу. Если и был я в чем-то виноват, так это только перед Еленой Ивановной. И судить меня надо было только за нее. А люди ко мне безо всякой реабилитации относятся в Эртиле хорошо».

И это правда. Многие в Эртиле уважали, любили и добрым словом вспоминают учителя, создателя музея, умного и интеллигентного человека — Василия Петровича Троицкого.

Владимир Смирнов

«ТАМ, ГДЕ СТАЛ Я «НА КРЫЛО»

(Записки бывшего председателя
Эртильского райисполкома)

РОДИТЕЛИ И ДЕТСТВО

В конце октября 1917 года в России произошла социалистическая революция. А в далекой стодворовой деревне Прокуроровка Усманского уезда Тамбовской губернии в семье служащего сахарного завода Михаила и домохозяйки Дарьи Смирновых на свет Божий явился тринадцатый ребенок (автор настоящего повествования).

Семья проживала в дубовой хате семь на семь аршин, почти четверть которой занимала русская печь — главное сооружение для обеспечения теплом и нормальным питанием. К хате с тремя маленькими оконцами были пристроены так называемые сенцы с погребом. В нем хранились соленья, огурцы, помидоры, картофель — второй хлеб, и другие продукты. Рядом с домом имелся амбар, где помещались запасы зерна, а в летний период проживали вольготно дети. В хозяйстве имелись корова, две свиньи, семь-восемь овец и, конечно, куры, а иногда заводили гусей, которые в нашем селе не пользовались «авторитетом».

Отец мой, 1870 года рождения, имел начальное образование, проживал в 15-ти километрах в селе Борисовке, но в тридцатилетнем возрасте переехал учительствовать в Прокуроровку. Здесь на горе стояла четырехлетняя школа. А жил он на квартире в соседней деревне Ершовка у Остроуховых, которые занимались частной торговлей. Две указанные деревни разделялись в то время приличной речкой Эртиль, которая в наше время превратилась в заросший ручей.

Проживая на той самой квартире, отец мой познакомился с моей будущей матерью — Дарьей Лосевой. Неграмотная девушка жила без отца со своей матерью, и прислуживала хозяевам, но была привлекательной и очень добросовестной работницей. В 1900 году мои родители создали семью и прожили совместно 45 лет. Главным их богатством были дети. Моя мать родила пятнадцать детей. Тяжелые условия жизни, отсутствие медицинской помощи и бесконечно скудное питание сказались — к 1941 году выжило только шестеро из них.

На момент моего рождения отец расстался с учительством и работал кассиром-конторщиком на сахарном заводе в двух километрах от Прокуроровки. Будучи образованным человеком, он пользовался заслуженным авторитетом не только

среди крестьян, но и среди рабочих и служащих завода. Отец твердо соблюдал распорядок дня. На работу в любое время года ходил только пешком (в день это 8 километров), что позволило ему длительное время сохранять здоровье. Как-то мы посчитали, что за 36 лет работы на заводе он прошел пешком 85 тысяч километров.

Первым местом моего подрастания была люлька — небольшой короб из досок с постелью. Это простое «изобретение» на четырех стремянках подвешивали к дубовой матице потолка. Говорят, что я рос спокойным и был окружен вниманием старших сестер и бабушки Анюты. Из четырех сыновей я был меньшим, поэтому пользовался особым вниманием взрослых и более старших.

Наша деревня была самой обычной по своему облику. В то время в большинстве своем хаты были саманными, пятистенными, и, как правило, с соломенными крышами. Окружали нас прекрасные соседи, отзывчивые люди, готовые всегда прийти на помощь. Зачастую хаты не закрывали даже в ночное время. Холмистый рельеф местности сочетался с равнинными местами. На самой горе рос фруктовый сад бывшего помещика Толбузина. В двух сотнях метров от него имелась школа-четырёхлетка. Прямых улиц здесь не было, хаты стояли разбросанно. Наша хата располагалась в ста метрах от любимой речки Эртиль.

Памятны зимы с шумными метелями и снежными заносами. Мело беспрестанно по трое и более суток, низкие хаты заметало по самые крыши так, что выйти наружу самостоятельно не представлялось возможным. Приходили соседи и откапывали проходы, освобождали двери от снега. Опытные родители определяли характер погоды ночью на слух, по завыванию ветра. Случалось, застигнутые непогодой путники блудили, особливо те, что ехали в обозах с товарами. Ну, а морозы иногда наступали такой силы, что бедные воробушки замерзали прямо во дворе.

После метели в первую очередь следовало пробить тропинку к колодцу, которым пользовались и соседи. Воды для бытовых нужд и скотине требовалось много. С глубины в 6-7 аршин чистейшую и вкуснейшую воду доставали с помощью журавца. Все, кто был способен, выходили на очистку от снега подворья, чтобы в первую очередь накормить скотину, и только потом уже самим довольствоваться домашней пищей.

Детвора любила именно это время года. Всех увлекали катание с горок на лыжах кустарного изготовления. Санки в те времена имелись только в домах сельских умельцев. Нам их заменяли кружала, которые взрослые делали для детей из коровьих лепешек со вставленными веревочками и обледенелым днищем. На них мы устраивали соревновательные гонки с горок. В тихую солнечную погоду мы весь день проводили на воздухе. Промокших, с обмороженными щеками, нас почти насильно загоняли на ужин и ночлег.

Зиму любили и молодые парни и девушки. С вечера после посиделок в чьей-нибудь хате молодежь украдкой «уводила» со двора сани-дровни и потом на них с гиканьем и веселым смехом каталась с гор до поздней ночи. Те, кто помладше, тоже стремились попасть в такие компании, но их безжалостно прогоняли. Обязательным атрибутом таких забав служили драки из-за нахального захвата саней или из ревности к девчатам, но всегда они затухали сами собой, перерастая в общее довольство весело проведенным временем.

На Рождество, бывало, чуть свет вместе с морозным туманом в избу врывается ребятня, и начинала христославить ради подаяния. Мама заранее напекала гостинцев, а папа запасался денежной мелочью. Ходоки удалялись с большой радостью и благодарностями. Из нашей семьи по дворам Христа славил Петр, который обладал большой пронырливостью, а после всегда похвалялся большой «добычей».

Владимир Михайлович Смирнов

том боя служила замерзшая река рядом с деревянным мостом. Зачинателями драки являлись 10-14 летние пацаны, которые выстраивались двумя линиями друг против друга. Следом чья возьмет — определяли в поединке молодых мужчин. А потом уже подключались мужики, способные биться кулаками без поддавок. Борьба до победы одной из деревень продолжалась почти до сумерек. Не допускались пьяные мужики или защищенные какими-то доспехами. Таких выявляли и жестко наказывали.

Мне помнится, когда побеждали «ершовские» и загоняли наших на гору, их радости не было предела. А потом мужики, с горячим обсуждением перипетий боя, мирно расходились по своим хатам и дворам, чтобы чистить сараи и кормить скотину. Вечером их ждал стол с выпивкой и обильной пищей. Молодежь шла на посиделки или играть в карты. Засиживались зачастую «до петухов», за что потом получали внушения от родителей.

Большим праздником в наших деревнях считалась и Масленица с главным кушаньем — блинами, сдобренными конопляным или подсолнечным маслом. Этим днем повторялись забавы, подобные рождественским.

А потом наступали скучные дни семинедельного поста, когда полагалось «блюсти себя», быть тихим, смиренным и благоразумным, почтено вести себя со старшими и вкушать только постную пищу. Но мы не голодали. Пшеничный кулеш, каша, картошка, рыба и селедка, обилие солений и ржаной хлеб, искусно выпеченный матерями на капустных листьях в печи, не давали отоцать.

Длинными зимними вечерами каждый занимался своим делом, но долго не засиживались, так как освещение обеспечивала семилинейная лампа при постоянном дефиците керосина (его в деревнях называли «гас»). Наша мама слыла большой экономкой и рано командовала отход ко сну. Мы пытались тайно с горячей под столом лампой читать интересные книги, но мама просыпалась и пресекала нашу «тягу к просвещению».

Родители отдыхали на двухместной кровати, сестры громоздились в зашторенном чулане за русской печью. Разогретая печь с продолжением в виде полатей являлась привилегированным местом. Здесь спали меньшие ребята вместе с ба-

А остальные дети, проснувшись, с нетерпением ожидали, когда же подойдет время праздничного обеда. Старшие перед тем ходили в церковь и возвращались ближе к полудню. Все рассаживались по скамейкам вокруг дубового стола, и мама подавала холодец, жареное мясо, блинцы, вареные яйца и другие кушанья. Отец восседал во главе стола с деревянной ложкой в руке. Только после стука этой ложкой все с большим аппетитом принимались за пиршество. Ели из одной большой посуды — тарелки тогда были в диковинку. После праздничной трапезы ребятню отпускали погулять с друзьями и подругами, а родители отдыхали или уходили в гости к родственникам.

До 1928 года в праздничные дни пользовались всеобщей популярностью кулачные бои. Их и начинали после застолий в каждом доме. «Кулачки» проходили деревней на деревню — Прокуроровкой на Ершовку. Мес-

бушкой. Те, кто постарше, спали на полу, застеленном соломой. Ночь проходила в глубоком и здоровом сне, что называется, «в тесноте, да не в обиде».

Кроме десяти человек своих, зимой у нас всегда проживал круглый сирота — Иван Семенов, 1914 года рождения. Летом Иван надолго исчезал куда-то. Также у нас подолгу проживал пожилой человек — дедушка Иван, который помогал родителям ухаживать за скотом. Он весело и увлекательно рассказывал сказки и небылицы, пел нехитрые песни, и нам было с ним всегда весело.

Важнейшим продуктом питания являлось молоко и его производные в виде масла, творога, ряженки, кислого молока, сметаны и домашнего сыра, поэтому нашу коровку Машу все ценили и берегли. А в зимний период, когда происходил окот овец, родители подселяли молодняк в хату, чем обеспечивали веселое сожителство семи ребят и семи ягнят. Здесь же размещали и приплод от коровы.

Мать и старшая сестра Анна зимними вечерами садились за прялку и пряли пряжу для последующей вязки носков и варежек для всей семьи. Кроме того, у нас имелась ручная швейная машинка «Зингер», с помощью которой мама, как могла, обшивала нас.

Как ни хороша была зима, но прихода весны все ждали с нетерпением. В последних числах марта шло бурное таяние снега, набитого плотными и высокими слоями в оврагах и лощинах. Все это обилие быстро уплывало в низины и широко разливалось. Неширокая речка Эртиль превращалась в чудесное «море». И дети, и взрослые радовались обильной воде — предтече урожайного года. В ночное время вода подбиралась к нашей и соседним хатам. Начинался ледоход. С треском и грохотом ломались и дробились большие и малые льдины, которые по местному мы называли скрынями. Подростки задерживали некоторые из них, наваливали кучи соломы и поджигали. Все радовались, заворуженно следили за движущимися в ночи огнями и сопровождали громкими криками: «Ура-а-а!»

Наша река оставалась относительно полноводной и в летнее время. В километре ниже по течению имелась бетонная плотина со шлюзом. Здесь задерживали воду, которую потом направляли для мойки сахарной свеклы, поступавшей на переработку — резку и сушку, а потом и производство сахарного песка. Поселок при свеклосушильном заводе также называли «Сушкой». Это название сохранилось и в наше время, как микрорайон города.

А сколько восторга у ребятни вызывала утренняя рыбалка! Сердце сладостно и волнительно замирало от трепыхания даже самой малой рыбешки на крючке. В нашей речке водились ерши, пескари, иногда попадались окуньки и плотвичка, а если повезет, то и щука.

По мере восхода солнца начинал пронимать голод, и рыбаки отправлялись домой. Рыба покрупнее шла на сковороду, как деликатес, а мелюзга радовала котов и кошек.

ШКОЛА И НЕ ТОЛЬКО

В 1925 году отец определил меня в школу при сахарном заводе в двух километрах от нашего жилья. Здание школы было примитивным — деревянным, с печным отоплением. При школе имелся небольшой земельный участок, огороженный штакетником. Вместе со мной в первый класс пошли друзья детства: Николай Погарченков, Михаил Алещенко, Валентин Клюквин. Они были несколько старше меня. А я и ростом был мал, и стеснительным от того, что не выговаривал букву «р».

Брат Петр, 1913 года рождения, обучался в третьем классе. Учеба ему дава-

лась с большим трудом. Его оставляли на повторное обучение, и получилось так, что начальную школу мы оканчивали в один год.

В начальной школе учил нас только один памятный на всю жизнь педагог — Николай Кузьмич Чудинов. Запомнился этот человек высокой культурой и способностью найти душевный подход к каждому из своих подопечных. Учился я с большим усердием и без труда переводился из класса в класс. Десяти-одиннадцати лет нас приняли в пионеры. Красный галстук призывал и обязывал стать примером в учебе и в культурном поведении.

В четвертом классе мы с желанием участвовали в выпусках стенной газеты и небольших инсценировках по произведениям русских и советских писателей. В памяти навсегда отложилось, как мы инсценировали стихотворение Некрасова: «Однажды в студеную зимнюю пору...» Один из одноклассников изображал лошадку, другой возницу, а кто-то читал от автора.

Школьные годы связаны в моем сознании с некоторыми приключениями. Однажды в зазимок я решил добраться до школы на коньках по первому льду, разогнался и на скорости угодил в полынью по самую грудь. Пришлось быстренько бежать домой, сушиться и слушать материнское внушение. Но, помнится, даже не заболел тогда.

Как-то после бурана шел из школы домой, почему-то отстал от своих приятелей, пошел окольным путем по сугробам вдоль реки и вдруг внезапно провалился в яму. Ее выкопал и хитро замаскировал один из наших охотников для ловли зайцев. Яма выше моего маленького роста, а стены гладкие. Поплакал, покричал, а потом стал руками разбивать снег и потихоньку выбрался. Паническое состояние сменилось радостью.

В 1929 году я успешно завершил четырехлетнее обучение, и мой заботливый отец определил меня, двенадцатилетнего, учеником в контору к старшему брату Василию, который трудился счетоводом в Никитинском отделении свеклосушильного завода. В летний сезон я работал табельщиком — раздавал прямо на свекольных плантациях женщинам-сезонницам ярлыки на право получения зарплаты. Почерк у меня сформировался вполне аккуратный, и я даже наострился подделывать подпись брата.

Памятны мне отдельные мастеровые люди. Когда дымоходы нашей печи забивала сажа и прекращалась необходимая тяга, на помощь звали известного в деревне печника Артамоновича, жившего в двух сотнях метров от нас. Этот уважаемый всеми мастер пребывал под постоянным хмельком, балагурил и ругался незлобно «черт возьми» или «чертова сволочь». А когда наш колодец переставал снабжать нас и соседей чистой водой в нужном количестве, то звали дядю Герасима. У него имелись приспособы, на которых он опускался ко дну и загружал лопатой ил и глину, освобождая родники. Воды становилось больше, дяде Герасиму наливали стопку, чтобы не захворал после холода и сырости, и он отправлялся по другим адресам.

Время перерыва в учебе совпало с началом коллективизации. Наш отец обладал некоторой дальновидностью в вопросах внутренней политики. В начале 1930 года наше подворье он записал в колхоз «Большевик», а сам выступал агитатором за вступление крестьянских дворов в колхоз.

Начало 1930-х было тревожным временем. Крестьяне деревенское нововведение воспринимали с большим сомнением. Люди бушевали, как пчелы в ульях. Советовались и пересоветовались: вступать — не вступать. Обобществление велось неоправданно быстрыми темпами, вопреки мнению крестьян. Коллективизацию проводили так называемые, «тридцатитысячники» — представители большевистской партии. Как-то кроме лошадей начали сгонять на общий двор и дойных коров. А корова для каждой семьи — первая кормилица. Сколько же тут было пла-

ча, мольбы и причитаний и взрослых, и детей! В этом случае «дошло» до власти, и коров вернули в крестьянские подворья. В нашей деревне не стали свозить птиц, а в других местах случилось и это «чудо».

В 1931 году началось строительство нового сахарного завода. Народу отовсюду прибыло много, поэтому в срочном порядке организовали школу с семилетним сроком обучения (фабрично-заводскую семилетку). Пропустив только год, я и мои одноклассники поступили в пятый класс. Наряду с директором Н.К. Чудиновым при-

шли работать и другие педагоги. Математике нас обучал Дмитрий Николаевич Глазунов, истории — Иван Дмитриевич Голиков, русскому и литературе — Мария Николаевна Петровская. С пятого класса учительница Геллер преподавала нам немецкий язык. Наш кругозор расширила непродолжительная практика, которую по программе ФЗС мы проходили в механических мастерских и на местном кирпичном заводе.

Я увлекался чтением книг, а еще, как и все, просмотром кинофильмов. Мы старались не пропустить ни одного фильма, а особенно «Веселые ребята», «Чапаев», «Путевка в жизнь». Клуб не вмещал всех желающих, посадочных мест не хватало, и мы усаживались на полу перед экраном.

В 1933 году я и мои сверстники с большим желанием стремились вступить в комсомол. Комсомол призывал к патриотизму, ответственности в учебе, коллективизму и дисциплине. Для вступления в комсомол мы ходили пешком за 25 километров до районного центра — большого села Щучье.

А еще почти все повально увлекались спортом. Лично я полюбил футбол и волейбол, имел неплохие результаты по бегу. Занимался также шахматами и даже становился победителем в школьных турнирах. Мои товарищи Валентин Клюквин и Михаил Алещенко увлекались рисованием. Михаил впоследствии стал известным скульптором, профессором, одним из авторов знаменитого ансамбля на Мамаевом кургане в Волгограде.

Несмотря на природную закалку, приключались со мной, конечно, и хвори. Переболел я, как и многие сверстники, и корью, и свинкой, и простудными болезнями. У наших соседей Платоновичевых была шустрая лошадка Газель. Однажды меня посадили на нее, чтобы покататься, но она взбрыкнула, и я слетел на землю. На мое счастье обошлось ушибами. Единственным лекарем на обширную округу служил фельдшер Антон Иванович Мушинский. Народ боготворил его, а он стремился облегчить страдания людей в любое время суток, даже принимал роды. В двенадцатилетнем возрасте он удалил мне зуб. Меня он давно любил за маленький рост и кудряшки на голове. Детей своих у него не было, и он все просил моих родителей передать меня на воспитание в его семью.

Школьники-подростки с большим прилежанием трудились на пришкольном

Красное знамя — награда совхозу «Красноармейский» за ударный труд в годы войны

участке, выращивая различные огородные культуры. Мы трудились на колхозных полях и даже на подсобных работах по завершению строительства сахарного завода. Сооружение заводского комплекса стало гордостью не только для строителей, но и всех жителей близкорасположенных сел и деревень.

Пуск предприятия в 1934 году стал праздником и для взрослых, и для детворы. Перед этим нашу глубинку посетил Нарком пищевой промышленности Анастас Иванович Микоян. Известный всей стране человек выступал перед рабочими. Царили всеобщее веселье и братская эйфория. Нарком прилетел к нам на самолете, и нам всем жутко хотелось хоть немного полетать на чудесной и громадной штуковине.

В 1933 году я закончил обучение в фабрично-заводской школе. Мне, как и другим подросткам, предстояло определяться с работой. Но отец мечтал, чтобы я, хотя бы один из его детей, продолжил обучение. На мое счастье группа специалистов завода во главе с главным инженером Н.В. Алейниковым при поддержке отдела образования организовали обучение в 8-9-х классах. Со мной вместе обучались Николай Погарченко, дочь главного инженера завода Инна Олейникова, дочь преподавателя пения — Женя Тихомирова и другие счастливики. Всего в классе было 15 человек, получивших реальную перспективу последующего поступления в ВУЗы. Моим кумиром стал преподаватель математики Белоусов. Я сам довольно успешно постигал этот предмет и помогал другим. Осенью 1935 года мы пошли уже в новую чудесную трехэтажную среднюю школу. Это был последний год, когда окончание девяти классов означало получение среднего образования.

Весной 1936 года в числе всего троих пацанов из деревни Прокуроровки я получил аттестат о среднем образовании. Остальные восемь ребят были из семей заводской и учительской интеллигенции.

После окончания школы отец по какой-то протекции определил меня работать счетоводом на нефтебазу, где директором был наш односельчанин Дмитрий Антонович Сладких, а бухгалтером — Александра Васильевна Гусева. Относились они ко мне очень тепло и во всем помогали.

Однажды я сбалансировал дела по отпуску нефтепродуктов и выявил некоторый излишек денег. Мои старшие опекуны предложили приобрести на радостях бутылку спиртного с закуской. В тот день я впервые в жизни совершил неблагоприятный поступок, выпив стаканчик водки. Тут же направился домой и очень переживал, что родители распознают мое злодеяние. Но все обошлось, родители не заметили.

ВОРОНЕЖСКИЙ СХИ

Летом 1936 года вновь встал вопрос о моем будущем. Памятны слова моего родителя: «Сынок. Ты у нас последний из ребят. Им не удалось продолжить учебу, а ты должен идти дальше...» На семейном совете выбрали Воронежский сельхозинститут. Я успешно сдал три экзамена и был зачислен студентом механического факультета вожделенного института.

Весть о моем триумфе быстро облетела Прокуроровку. До сих пор такое не удавалось никому. Даже когда я учился в старших классах, местные мужики, узрев меня проходящим все с той же холщевой сумкой, частенько упрекали: мол, ты уже совсем взрослый, а все никак не выучишься, не пора ли работать да родителям помогать? Эти суждения сильно доставали меня. Но отец мой твердо настаивал на продолжении обучения. Его желание теперь обретало реальные параметры.

Окончилось лето, меня собрали в далекий Воронеж. Впервые в жизни предсто-

яло ехать в поезде через станции Оборона и Грязи. Тогда на такую поездку уходило более суток.

С фанерным чемоданом, в который мать уложила постельное и нижнее белье, 29 августа 1935 года я вселился в трехэтажное общежитие СХИ. В комнате разместились шестеро студентов: Климов Федя из Грязинского района, Скачков Саша — воронежский, Зайцев Жора, Гусев Николай, Черкесов Николай и я.

С первых же дней среди нас и вокруг нас сформировался особый мир: светлый, увлекающий, мир взаимной поддержки и философских споров. Каждый жил мечтой и надеждой найти себя и свое место в бурном течении жизни.

Храм науки — институт — поражал величественным входом с массивными колоннами, широкими ступенями. Просторный вестибюль, огромный машинный зал со всеми изучаемыми образцами техники, главная аудитория с многоярусными столами, где читали лекции Борис Иванович Лаврентьев, профессора Межевикин и Квасников. Неизгладимое впечатление своей простотой и задушевной интеллигентностью производил на всех студентов директор института Никулин. Поражали воображение богатая библиотека с большим читальным залом, зал для занятий физкультурой, клуб и студенческая столовая.

Девятилетнее образование оказалось далеко не достаточным для успешного освоения высшей математики с ее интегральными и дифференциальными исчислениями и теоретической механикой. Чего скрывать — иногда я приходил в уныние от массы знаний и необходимости понимать и записывать все сразу и быстро. Тяжелые бытовые условия и питание впроголодь, мягко выражаясь, не способствовали постижению наук. Приходили мысли перевестись в другой ВУЗ, но ободряющая поддержка товарищей, терпение и сила воли позволяли преодолевать трудности. Этому же способствовала успешная сдача экзаменов за первый семестр с последующими каникулами, расспросами родных и домашним откармливанием отощавшего студента.

Драматично складывался 1937 год. Будучи на зимних каникулах на родине, узнал о волне репрессий в отношении местных руководителей. Арестовали первого секретаря райкома партии, директора МТС, директора и главного инженера сахарного завода. Потряс арест нашего односельчанина, председателя заводского комитета сахзавода, отца моего друга и просто прекрасного человека Алексея Николаевича Погарченкова.

Гролом среди ясного неба стали такие же события и в нашем институте. Как троцкиста и врага народа арестовали директора института Никулина. Разочарование, уныние, страх и неверие в реальность происходящего овладели всеми. Следующим днем в машинном зале института собрали митинг с участием первого секретаря Воронежского обкома партии Михайлова, на котором говорили о причинах ареста и клеймили позором предательство и преступление нашего вчерашнего кумира. Мы молчаливо «согласились» с доводами выступавших.

Вскоре у общежитийского 15-го корпуса в полночь остановился «черный воронок», в нашу комнату ворвались «НКВДшники», быстро собрали и увезли с собой Сашу Скачкова и Колю Гусева. Первый происходил из бедной рабочей семьи, второй — из деревенской. Больше их никто никогда не видел. Следующей ночью мы гадали о том, кто из нас разделит участь арестованных. Впоследствии как-то установили, что наши товарищи забавлялись анекдотами на политические темы. Позже узнали, что среди нас был сексот-стукач Михаил Соколов — сын бывшего священника, тихий и скромный студент, единственный в группе имевший собственные наручные часы.

Не сразу, но мало-помалу уходил страх и оцепенение, арестов больше не было, и мы понемногу успокоились. К тому же не только драматическими со-

Первомайский праздник в Эртеле. 1952 г.

бытиями наполнялись студенческие будни. Впервые грандиозно отмечали юбилейный год Октябрьской революции. Участие студентов в шествиях было обязательным и беспрекословным. Предварительно нас тренировали ходить стройной колонной с транспарантами, флагами и портретами партийных и государственных вождей. В большинстве своем нас это не тяготило. Была в этом общем потоке и праздничная торжественность, и воодушевление, и гордость за успехи государства.

После демонстрации в общезнании скромно отмечали праздник. На пятерых покупали бутылочку водки с килограммом копченой колбасы и выпивали с тостами за все хорошее. Потом я ехал к своему дальнему родственнику, а иногда к студенту дорожного техникума Жене Кабанову — будущему военному штурману, генералу авиации и Герою Советского Союза.

Серьезной темой в 1937-1938 годы для меня стала неожиданно возникшая проблема со здоровьем. Пользуясь близостью роскошного луга у реки Воронеж, я много и часто загорал здесь в кругу друзей. Почему-то никто не предупреждал нас о грозящей опасности от свирепствовавших здесь комаров. Я заболел малярией. Бывало, приходила пора летних экзаменов, а меня начинала трясти лихорадка с сильнейшим ознобом. Мои друзья укрывали меня одеялами и даже матрасами, и колотун спадал. Я в больших количествах пил акрихин, и два года ходил с желтой физиономией. Удивительно, но по возвращении домой, в Прокуроровку, лихорадка сразу проходила.

Несмотря на болезнь, экзамены сдавал на «четыре» и «пять», чтобы не сорваться со стипендии. Откуда-то во мне выработались смелость и дерзость. В своей группе я шел на экзамен первым, особенно успешно справляясь с задачами по высшей математике, теоретической механике, сопромату и электротехнике. С удовольствием помогал моим приятелям — Феде Климову, Жоре Зайцеву и Мише Ульянову.

Начиная с третьего курса, мои друзья стали по праздникам и в выходные посещать танцы в педагогическом институте, где был шикарный выбор девушек. Коля Черкесов, Федя Климов, Саша Юрасов и Жора Зайцев настойчиво звали и меня, но я был самым молодым из них, застенчивым и стыдился своей плохонькой одежонки. На всю комнату мы имели одну белую манишку, которая нас сильно выручала. Так вот, мои друзья увлеклись женским полом, нашли себе подруг для жизни и потом забрали их с собой в далекий Казахстан, а я на многие годы задержался в холостяках. Любовь, о которой много написано в романах, для меня летала далеко в небесах.

Все в том же 1937 году в институте ввели военную подготовку. Для этого всех пригодных к обучению по программе будущих офицеров танковых войск отобрали в большую группу. Основную подготовку мы проходили на военной кафедре с соблюдением строгой воинской дисциплины. Нагрузки заметно прибавилось. В 1939 году проездом через Москву мы побывали в Кубинке, где проходили практическую военную подготовку. На Казанском вокзале ко мне подошел милиционер, увидел в моих руках бритву и увел в дежурную комнату, где стал допрашивать, подозревая в неблаговидных делах. Вызволил наш преподаватель майор Егоров, а потом приятели долго надо мной потешались, называя опасным рецидивистом.

В Кубинке нас переделали в солдатское обмундирование и два месяца муштровали по освоению специальностей стрелков и водителей танка Т-34. Лучшее для меня давалась стрельба из винтовки по мишени. Иногда из трех выстрелов выбивал 28-29 очков. Плюсом была и довольно сносная кормежка — не то, что в институте.

Большим личным событием стало посещение квартиры уже семейного брата Василия в Москве. Он состоял финансистом Пролетарской дивизии на сверхсрочной службе и имел небольшую комнатку в Лефортово. Впервые в жизни побывал в знаменитой Третьяковской галерее и в Мавзолее Ленина. Московские достопримечательности потрясли сознание двадцатидвухлетнего сельского парня.

На последнем курсе обучения стало больше практических занятий по тракторам, электротехнике, сельхозмашинам и чертежным проектам. Предстояла сдача курсовых. Группой в пять человек в зимний период две недели проходили практику на базе Жердевской машинно-тракторной станции Тамбовской области. МТС была одной из крупнейших и обладала механической мастерской. Здесь мы постигали секреты организации ремонта машинно-тракторного парка. А потом была летняя практика в Бутурлиновской МТС по освоению эксплуатации тракторов и автомобилей, имевшихся в ней. Помнится, с каким трепетным увлечением садился я за рычаги колесного ХТЗ и вел пахоту. Не менее увлекательным стало вождение грузового автомобиля.

Наиболее интересной и познавательной сложилась практика на Горьковском автозаводе. Здесь уже применялась конвейерная система сборки автомобилей. Мы осваивали рабочие узлы конвейера и изучали технологию производства. Рядовые производственники относились к нам уважительно и даже с любовью. Это были удивительно простые, добродушные и бесхитростные люди.

На факультете механизации не было государственных экзаменов. Вместо них была предусмотрена защита диплома. Я выбрал тему «Организация эксплуатации машинно-тракторного парка в Бобровской МТС Воронежской области». Моим руководителем стал доцент Решетников. Поздней осенью 1940 года я выехал на двухмесячную практику, где накопил необходимый практический материал, а потом засел за написание пятидесятистраничной работы с приложением чертежей. Пятого февраля 1941 года я успешно защитил диплом инженера-механика сельского хозяйства. Офицерского звания нам не присвоили по причине отмены военной подготовки.

До нашего выпуска окончившие мехфак оседали на заводах Воронежа. Но одно из постановлений правительства предписывало обязательное определение на работу в сельскую местность. Прочитав в областной газете «Коммуна» статью о природных красотах Павлодарской области Казахстана, всей командой мы решили двинуть в дальний путь.

В КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ

День расставания с родной деревней стал днем последнего прощания с семидесятилетним отцом. Не знал я тогда, что не увижу больше никогда и родных братьев Петра и Николая, а также и племянника Борю Кривенкова. Всех их поглотила проклятая великая и трагичная война.

Несмотря на радушный прием, на нас, молодых специалистов, Павлодар произвел удручающее впечатление. В двухэтажных зданиях размещались обком партии с облисполкомом и областным земельным управлением. Остальной жилой фонд — это глинобитные домишки, покрытые камышом или соломой. Мы, было, начали вести разговоры об обращении через Москву с ходатайством о перераспределении, но наш запал быстро охладили и вскоре распределили по разным МТС на должности главных инженеров.

Я угодил в МТС имени Шевченко Цюрупинского района, что в девяносто километрах от Павлодара. Невзрачный поселок при железнодорожной станции Щербакты. Директор МТС Шевелев — небольшого роста, на вид энергичный, с приятным лицом — встретил приветливо, чего не скажешь о моем предшественнике — главном механике в возрасте за сорок лет.

Мне, как главному механику, положили оклад в 500 рублей — ошеломительно много в сравнении даже с повышенной студенческой стипендией в 70 рублей. Но бытовые условия оставляли желать много лучшего. Меня определили в семью участкового агронома с пятью детьми. Спать приходилось на деревянной кровати вместе с пятнадцатилетним сыном агронома.

Предстояло показать свои знания и умения. Знакомился с тракторными бригадами, стараясь как можно меньше находиться в кабинете. Состав бригад был неоднородным. Половину составляли казахи, а другую — русские и украинцы, переселившиеся сюда в начале 1930-х годов. Радовали поля — обширные, ровные и плодородные. Оставалась и непаханая целинная степь.

Подходили дни весеннего сева на огромной площади в девяносто тысяч гектаров. Проверая готовность техники, я по три-четыре дня без возвращения в МТС находился поочередно в каждой из бригад. В украинских бригадах угощали искусно приготовленной в полевых условиях домашней лапшой и варениками. В казахских бригадах предлагали баранину и бешбармак. Казахи злоупотребляли этим. Приедешь, бывало, в бригаду, а там вместо работы все сидят вокруг котла в ожидании приготовления баранины. Приходилось на повышенных тонах советить нерадивых работников. Начинали заверять: «Не волнуйся, начальник, все будет исправлено». Но потом все повторялось заново.

В одной из бригад в моем присутствии не заладил С-80. Трактора этой марки только начали поступать в МТС. Я не стал бегать вокруг трактора, а объяснил бригадиру и трактористу, что и где надо проверить, и технику поставили на ход. После этого я стал пользоваться авторитетом.

В конце апреля начался сев. Почва подходила неравномерно при переменчивых погодных условиях. Как-то утром, проснувшись в одной из бригад, увидел снежный покров более двадцати сантиметров. Меня успокоили: «Не волнуйтесь. Такое у нас зачастую бывает». Почва вновь подсохла, развернули работы, но снова выпал снег. Сев все-таки завершили в установленные сроки, а меня попросили

выступить со статьей в районной газете. После этого я, как главный инженер, встал на вполне твердые позиции в профессиональном плане.

На закрепленной за мной машине ГАЗ я курсировал от бригады к бригаде и днем, и ночью без света. Как-то, возвращаясь с поля, попал под ливень, на пути к поселку чуть не опрокинул машину, в кузове которой сидели люди. Напугался сильно и с тех пор старался без водителя за руль не садиться.

С первой своей полочки захотелось купить конфет, чтобы впервые наестся их досыта. Но пришлось покупать и водку, чтобы обмыть успешное начало трудового пути.

Дожди выпадали вовремя, на полях созрел неплохой урожай. Предстояла первая моя уборка, и я уже готовил к ней все тридцать пять комбайнов «Коммунар» и «Сталинец-6», которые имелись в МТС.

Но... 22 июня 1941 года объявили о начале войны с Германией. Началась активная мобилизация механизаторов. Их бронирование было крайне ограниченным. Кем их заменить? Времени до уборочной не оставалось, и начали срочно набирать женщин на курсы трактористов и комбайнеров. Как могло, за две недели Славгородское училище Алтайского края обучило азам работы женские кадры. Нагрузка на один комбайн нешуточная — около трехсот гектаров.

Бывало, приедешь в отряд, а там одни слезы. Женщины никак не могли завести моторы. Приходилось показывать, помогать, уговаривать, призывать быть патриотками. А как же иначе?

Потом поступило задание военного комиссара направить для нужд фронта более десятка тракторов. Готовил их в короткий срок. Пришлось даже разукруплять часть агрегатов, чтобы собрать наиболее надежные для действующей армии единицы.

В августе получил повестку, согласно которой прибыл в автомобильный полк, дислоцированный в узбекском городе Самарканде. Во время пересадки в Ташкенте на его улицах прямо в грязи увидел тысячные скопления беженцев. Особенно много здесь попадалось евреев. Стало по-настоящему тревожно и тоскливо.

Перед нашим полком стояла задача готовить военных шоферов. Шел разговор, что после этого нас направят в Иран. Мне, как специалисту, поручили преподавать теорию автодела и вести политзанятия. Среди обучаемых были не только русские, но и казахи, узбеки, таджики и украинцы.

Неожиданно для всех наш полк расформировали. Стал проситься на фронт, но меня отправили вновь в ту же МТС, где я, ожидая нового призыва, попросился на должность техника-браковщика. Пришла зима с крепкими морозами и продолжительными метелями. Из поселка до мастерской на расстояние в километр ходили по вешкам, так как имелись случаи замерзания людей.

В конце декабря 1941 года я получил воинское предписание прибыть в город Ленинабад для учебы в Военном гидрометеорологическом институте. Из МТС имени Шевченко на двадцать пятом году жизни я уезжал, как оказалось, навсегда. Война уже повсюду наложила свой черный отпечаток. И здесь, в далеком тылу, люди успели хватить лиха извещений о гибели родных. Я видел, как казашки, стремясь уберечь мужей от войны, ложились на рельсы, чтобы остановить воинские эшелоны.

ВОЙНА

В Ленинабаде нас собрали всех с высшим образованием. В основном сельскохозяйственным и педагогическим. Стояла задача в течение 3-х лет подготовить из нас инженеров-синоптиков. В казармах двухъярусные нары, а на нас шинель, пилотка, ботинки с обмотками.

Учеба оказалась непростой: метеорология, гидрология, военная топография и другие, связанные с математикой, дисциплины. Учились владеть стрелковым оружием. Зачастую проводились и ночные тактические занятия. Тяжко приходилось в жару за сорок градусов. В июньский день 1942 года я потерял сознание прямо в строю во время поверки. После целую неделю меня жарил и собственная температура в 39-40 градусов. Но поправился и продолжил обучение.

Пришло известие о том, что нас будут готовить не три года, а вдвое короче по сокращенной программе. В феврале 1943 года мы сдали выпускные экзамены. Нам присвоили звание старших сержантов и отправили кого куда. Меня — на Карельский фронт.

Местом моей дальнейшей службы стала метеостанция «Полярный круг» на 75-й параллели северной широты. Метеостанция размещалась в землянке. Она снабжала прогнозами о погоде авиационный полк 7-й воздушной армии. В штате станции имелись метеорологи, наблюдатели и радисты. Командовал объектом строгий и требовательный старший лейтенант Ковалев.

Радисты метеостанции собирали данные о фактической погоде со всех пунктов наблюдения европейской территории страны. Метеонаблюдатели наносили на синоптическую карту данные в условных знаках. После этого дежурный синоптик (то есть я) обрабатывал данные, определял синоптическую обстановку, выделяя циклонические явления и фронтальные разделы. Затем с участием начальника метеостанции составлялся прогноз погоды на ближайший период, который незамедлительно докладывался командиру авиаполка. Мое дежурство — сутки через сутки.

Зимняя Карелия чревата частыми метелями, поэтому частенько мы участвовали в расчистке аэродрома от снега. Помнится, после одной такой ночной расчистки выдалось на редкость солнечное утро. Неожиданно из-за лесной опушки появился «мессер». От него потянулись фонтанчики выстрелов. Вместо того чтобы упасть в сугроб, мы с шофером полуторки бросились под машину. Пуля вошла ему прямо в сердце, а я уцелел. Быстрая и «простая» смерть сослуживца потрясла меня. Вечером на родину погибшего бойца ушла стандартная похоронка.

Климат Карелии далеко не для всех переносим. Свирепствовала цинга, и перед едой каждый раз требовалось пить хвойный отвар. Из-за повышенной влажности любая садина на руках перерастала в нарыв. Это вело к ампутациям пальцев. Некоторые из служивших здесь длительное время лишились постепенно всей кисти. В полярные ночи давила и угнетала тоска, а когда наступало короткое полярное лето, путались день и ночь, и постоянно клонило ко сну. Угнетенное состояние, были случаи, толкало наименее стойких к переходу к врагу.

В середине 1944 года мне присвоили звание «старшина» и назначили начальником метеостанции в город Беломорск. Мы обслуживали полк пикирующих бомбардировщиков «Пе-2». Летчики сплошь были молодыми, рослыми и умными красавцами, и все очень горевали, когда звенья не в полном составе возвращались после ночных бомбометаний.

Война войной, но личные отношения никуда не деть. За моими молоденькими девушками-метеонаблюдателями ухаживали и летчики, и артиллеристы зенитной батареи. К хорошенькой блондинке похаживал старший лейтенант. Пара сложилась красивая, а через несколько месяцев она забеременела, и пришлось ей ехать на родину. Случай этот не был единичным.

Как-то в туманный день над аэродромом послышался непривычный звук заходящего на посадку бомбардировщика. Из-за плохой видимости самолет не попал в начало нашей деревянной полосы, выкатился за ее пределы и завяз в болоте. Оказалось, что это английский «Дуглас» отбомбившись, не нашел своего аэродро-

ма и садился на нашем. Потом мы много повозились, вызволяя тяжелую машину из трясины.

В начале февраля 1945 года на нашем аэродроме неожиданно приземлился самолет командующего фронтом, маршала Советского Союза К.Ф. Мерецкова. Он летел из Петрозаводска в Архангельск в сопровождении двух «Дугласов». Маршал потребовал от меня доклада о прогнозе погоды. Вначале я растерялся, но быстро взял себя в руки и коротко обрисовал метеообстановку на маршруте полета. Маршал спокойно выслушал доклад и добродушно поблагодарил меня. Позже я догадался, что, скорее всего, Мерецков летел сдавать дела, так как боевые действия на Карельском фронте подошли к концу, и его переводили на Дальний Восток.

Вскоре и меня перевели в Кострому, где я получил известие о смерти моего дорогого отца. Выехать на похороны не смог из-за болезни. Только после выздоровления получил краткосрочный отпуск на родину. На станции Оборона выяснил, что поезда до Эртиля отменены, но, недолго раздумывая, несмотря на снег, двинулся в путь пешком прямо по шпалам.

Потом были встреча с сестрой, слезы горя и радости от встречи, посещение могилы отца, рассказы и расспросы. На всем и во всем видна была черная печать войны: убогость разоренных подворий, постаревшие, печальные лица односельчан, запустение улиц.

Известие о Победе встретил в Костроме. Радости и ликованию не было пределов. Каждый из нас уже строил планы мирной жизни, мечтал о счастье и скорой встрече с родными. Меня наградили медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» — скромно, но не стыдно перед другими.

ПУТЬ ДОМОЙ

Как специалисту с высшим образованием мне предстояла демобилизация в октябре, но на меня крепко надел начальник штаба, и я согласился остаться на сверхсрочную службу, которая позволила мне попасть в Борисоглебск Воронежской области. Здесь базировалось известное в Советском Союзе училище военных летчиков имени Чкалова.

Училище располагало центральным военным аэродромом и несколькими учебными, расположенными в окрестных райцентрах Поворино, Жердевка, Грибановка. Имелся также и свой просторный и благоустроенный Дом культуры, где «крутили» кино, организовывали танцы и торжественные собрания с концертами.

Летом 1946 года меня направили для метеообслуживания на полевой аэродром в Поворино. Курсанты осваивали здесь пилотаж истребителей Ла-5. В одном из тренировочных полетов на большой высоте самолет развалился прямо в воздухе. Устройства катапультирования еще не придумали, молодой летчик погиб.

В июне меня приняли в члены ВКП(б), а в июле 1947 года я уволился из армии. Надо было возвращаться к престарелой матери и определяться наконец с будущей собственной семьей. Домой я прибыл после двенадцатилетнего отсутствия, в солдатском обмундировании, без денежных накоплений. Единственным нажитым добром могло считаться пальто из переделанной шинели.

Родной дом встретил разрухой. Близилась зима, но ни муки, ни топлива не имелось. Устроился на должность начальника снабжения автоколонны сахарного завода, руководил которой Бухтояров. Этот человек симпатизировал мне, мы строили планы развития материальной базы, но нелепый случай на охоте оборвал жизнь хорошего человека.

Вскоре и я перешел на работу заместителем начальника так называемого по-

чтового ящика №2 Министерства продовольственных резервов. Главным объектом нашего хозяйства являлся деревянный трехкорпусный элеватор емкостью в пятнадцать тысяч тонн зерна. На его этажах скопилось много крайне опасной пыли. Любая искра могла привести к возгоранию. Рядом с элеватором пригнужилось несколько деревянных складов с дырявыми крышами.

Урожай 1947 года сложился богатым, но хлеб приходилось досушивать до необходимых кондиций прямо на площадке элеватора. В одном из складов впоследствии из-за протеклов воды «загорелось» зерно. Кто-то должен был отвечать за понесенные убытки. Материал на заведующего передали в районный суд. В результате моего земляка и одногодка из Ершовки Александра Сарычева осудили и лишили свободы.

Мой начальник И.Ф. Сеин беспробудно запил на работе, бросив все на самотек. В этом деле он оказался совершенно неисправимым, и весь груз ответственности и руководства навалился на меня. Как-то нас серьезно проверяло областное ревизионное управление. После я написал заявление об уходе, хотя меня и уговаривали остаться. Пришлось даже ехать в Москву, обращаться лично в Министерство продовольственных резервов. Стоя на своем, добился освобождения, совершенно не представляя, где буду работать дальше.

В тридцать лет меня все-таки посетила любовь. Как-то выйдя из конторы, чтобы идти домой, случайно обрел в попутчицы симпатичную, приятно стройную блондинку — нашу бухгалтершу Зину Остроухову. Мы шли по главной улице Ершовки и всю дорогу говорили обо всем. И с этого момента меня, что называется, повело. Некоторое время сдерживала разница в возрасте в десять лет, но потом я стал искать любую возможность для новых встреч. Много времени мы проводили в заводском парке, а иногда даже уходили в цветущие луга. Нас многое роднило в условиях воспитания. Она тоже происходила из сельской многодетной семьи.

После наших с Зиной объяснений я рассказал матери и старшей сестре о своем намерении жениться. Они хорошо знали семью Семена Остроухова, которая проживала через реку от нашего дома. Это была порядочная, трудолюбивая и достойная семья.

Потом было сватовство в крестьянских традициях и подготовка к свадьбе. Несмотря на тяжелое и полуголодное время, все хотели настоящего праздника. Что-то сумел сам, помог брат Василий. Хлопоты были и со стороны Остроуховых. Шестого ноября 1948 года дядя Петя Остроухов, который трудился конюхом в совхозе «Красноармейский», доставил молодых на регистрацию в Большедобринский сельский Совет. На свадьбе гуляло около сорока человек родственников. Все было трогательно и традиционно, с песнями и плясками, выпивкой и закуской. А потом мы стали жить в моем родительском доме, и моя Зинаида проявляла лучшие качества согласия во всем с моей мамой, такт и терпение, искреннюю доброту и заботу о новых своих родных.

Рождение первенца совпало с разливом реки Эртиль. Роддома, собственно, еще и не было как будто. Когда начались роды, мама с бабушкой-повитухой выпроводили меня из дома на улицу. Но и с расстояния в сотню метров я слышал крики супруги. Когда они затихли, я вернулся в хату и с порога принимал поздравление с рождением дочери.

РАЙОННЫЙ УРОВЕНЬ

В апреле 1949 года меня вызвали в райком партии и предложили должность инструктора сельскохозяйственного отдела. Отдел только создавался, а меня вычислили по учетной партийной карточке безо всякой протекции. Предлагать дважды никто бы не стал, и я согласился на довольно престижную и совершенно новую

для меня работу. Райком партии возглавлял бывший армейский политработник Иван Иванович Алексеенко, а сельскохозяйственный отдел — возрастной практик Павел Иванович Глушков. Председателем райисполкома работал опытный, степенный, огромного роста и богатырского телосложения большевик Антон Карпович Стародубцев.

Мой оклад, как инструктора райкома, был ниже в сравнении с предыдущей должностью. Но на работе находиться приходилось чуть ли не до «петухов». Мы трудились в тесном контакте с районным земельным отделом, который возглавлял Александр Тимофеевич Путилин. Честно вели свои направления и полностью отдавались работе главный агроном Андрей Маркович Михалев и главный зоотехник Григорий Антонович Глебов. В нашем ведении значилась и работа Эртильской и Первомайской машинно-тракторных станций.

Для контроля за севом, полевым уходом или уборкой нас посылали в колхозы на несколько дней. Добирались, как правило, пешком километров за 20-25 от райцентра. Помнится, распределяли нас в райкоме для посылки докладчиками на колхозных собраниях в честь «сталинской Конституции» 5 декабря. Погода стояла дождливая, с грязной оттепелью, а идти предстояло пешком. Один из активистов, застарелый радикулитник, поднялся с места и попросил секретаря райкома обеспечить его хатой с русской печкой и доброй бабой. Наивное заявление вызвало дружный смех среди присутствовавших.

Я старался работать добросовестно, не экономя сил. Мне здорово помогали мои знания техники и практики работы в коллективах. Начальство оценило мое рвение, и с января 1950 года я уже возглавлял сельхозотдел райкома. Заметно повысилась моя зарплата. На двоих с заведующим организационным отделом Иваном Степановичем Качуриным за нами закрепили разъездную лошадь. Как начальнику мне позволили выписать ржаной соломы, которой я полностью перекрыл избу. Помню, испытал тогда и радость, и гордость за то, что удалось ликвидировать многолетние протечки дождевой воды.

Новый уровень работы позволил познакомиться со многими интересными и удивительными людьми — способными тружениками и специалистами. Часто проводил партийные собрания на местах. Коммунисты со вниманием и любовью слушали речи о «гениальных» делах Сталина и его ближайших соратников. Я проводил политзанятия в Большедобринском сельском совете, а потом отчитывался за проделанную работу перед заносчивым и самолюбивым заведующим отделом пропаганды Ткачуком.

Однажды я провел партийное собрание в колхозе имени Тельмана. Секретарь парторганизации Брынкин привез на следующий день протокол собрания, а фамилию мою почему-то забыл вставить. Слышу, идет по коридору райкома и спрашивает: «А где у вас тут инструктор в поношенной пальте?»

Но это ничего. Не на что еще было купить новое пальто. Зато в январе 1951-го родилась вторая дочка. Теперь уже рожала супруга в примитивном, но роддоме. Мои домашние и родня радовались «прибыли», веря в лучшее будущее всех советских детей.

Рождение дочери почти совпало с серьезной кадровой переменой в районе. Секретаря райкома партии И.И. Алексеенко перевели в Добринский район соседней области, а на смену в Эртиль прислали Ивана Федотовича Шматова, только что окончившего партийную школу. На райкомовском пленуме Ивану Федотовичу единогласно доверили руководить районом, а меня произвели в секретари райкома. В это же время в район прибыл и новый предРИКа Иван Чуйков, а А.К. Стародубцева направили в управление по делам религии и церкви.

После избрания секретарем райкома мне увеличили зарплату, предоставили отдельную разъездную лошадь с четырехколесной таратайкой, а, главное, предо-

ставили служебную квартиру в кирпичном доме дореволюционной постройки рядом с местом работы. Эта роскошная по тем временам квартира состояла из двух комнат, кухни с водопроводом и веранды. Имелась и надворная постройка с добротным подвалом.

В новое жилье переехали не только мы вчетвером, но и моя мама, возвратившийся из армии племянник Станислав и сестра Зинаиды — Серафима с детьми. Для подкрепления своего достатка мы держали корову и двух свиней. Через стену с нами проживали семьи первого, второго секретарей и предРИКа.

Несмотря на статус, я по-прежнему выглядел худым и утомленным. Вместо старого пальто приобрел новое и оделся в «партийную» форму — темно-синие брюки-галифе с хромовыми сапогами, закрытый китель под широким ремнем такого же цвета, с большими накладными карманами и типовой фуражкой.

Как секретарь райкома я теперь курировал вопросы развития сельского хозяйства района. Не имея соответствующего образования и опыта организации сельскохозяйственного производства, И.Ф. Шматов доверял мне в этих вопросах. Наш слаженный тандем позволил вывести Эртильский район в число передовых по Воронежской области.

С 1949 года началась эпопея осуществления так называемого «сталинского плана преобразования природы». Повсеместно шло сооружение прудов. Наша степная местность изобиловала балками, которые надлежало перекрывать плотинами. Техники не было, поэтому на ручные тяжелейшие работы мобилизовывали все трудоспособное население. Работали и днем, и ночью, но никто не роптал. За выполнение рабочих графиков спрос полагался строгий. На объектах ночью приходилось бывать и мне.

Помнится, вместе со Шматовым и районным мелиоратором Подшибякиным в весеннее половодье выехали к плотине колхоза имени Калинина села Ячейка. Потоки воды мчались плотной массой. Стоя у самого края, Подшибякин сорвался в ледяную воду, и его несло потоком несколько метров. Замерзшего и перепуганного специалиста отогрели водкой, и он даже не заболел.

В эти же годы занимались посадкой полезащитных лесополос и впервые создавали оросительные системы. Средств и сил затратили немало, а эффект оказался слабым. В начале 1950-х годов в соответствии с указаниями партии началось укрупнение колхозов. Такое новшество было оправданным, поскольку в мелких колхозах трудно рационально использовать современную технику и развивать животноводство.

Я жил заботами колхозов, совхозов и МТС, практикуя частое пребывание в отстающих хозяйствах по 2-3 дня с обязательным разбором дел в полеводстве и животноводстве. Бывал и в передовом колхозе имени Фрунзе, где председательствовал Григорий Степанович Воронов. Этот руководитель не умел не то что писать, но даже читать. Однако его хозяйство давало пример и в урожайности полей, и в продуктивности молочно-товарных ферм. На совещаниях и в печати я старался пропагандировать опыт организации производства для всех колхозов.

В моем подчинении хорошо и активно трудились райкомовцы Котов, Казак, Бодров, Поляков и другие. В своей работе старался больше объяснять, чем заниматься накачками — брал пример с И.Ф. Шматова. Наш «первый» был политически и интеллектуально развит, к каждому стремился найти человеческий подход. За время его работы в 1951-1956 годах Эртильский район находился в числе передовых. Впервые на колхозных токах появилось электричество, в коровниках стали настилать деревянные полы.

В марте 1953 года умер И.В. Сталин. Народ верил в него, слушал и подчинялся его воле. По стране совершались подвиги во благо строительства социализма, раз-

вивались индустрия и сельское хозяйство. В районе состоялся траурный митинг. Народу пришлось много. Были людские слезы, соболезнования, сожаления...

С приходом к руководству страной энергичного и нетерпеливого Н.С. Хрущева план преобразования природы успешно похоронили, но началось внедрение других новшеств. Не успевали освоить одно, как тут же требовали делать другое. Польза от таких экспериментов была, но вред тоже был очевиден.

Запомнилась эпопея по внедрению навозно-торфяных горшочков для выращивания овощей на полях. Обком и облисполком доводили строгие планы по количеству изготовленных горшочков. В зимний период мобилизованные колхозницы раскапывали навозные кучи и лепили эти самые горшочки. Председателей колхозов, допуская отставание в темпах, «чистили» на бюро райкома, объявляя взыскания. Весенние высадки показали, что овчинка выделки не стоила, и про «чудодейственные» горшочки все дружно и охотно забыли.

С 1954 года ускорилась кампания по укрупнению колхозов. Специалистов не хватало, и председателями колхозов присылали мобилизованных «спецов» из городов. Ввели должности секретарей райкомов по работе с МТС. Меня направили в Первомайскую МТС, которой руководил самолюбивый и несколько замкнутый Семен Грушевский.

В первых числах февраля 1954 года вместе с ним мы побывали в составе воронежской делегации на Всесоюзном совещании работников машинно-тракторных станций. Разместили нас в гостинице «Москва», каждому дали отдельный номер с деревянными кроватями и пуховыми одеялами и подушками. От нахлынувших мыслей и радостного возбуждения я не мог заснуть в первую ночь. К тому же среди ночи вдруг раздался телефонный звонок и начался непонятный расспрос. Я не на шутку напугался — не шпионские ли это дела?

Наутро после строгой проверки через Боровицкие ворота мы ступили на территорию Кремля. Кругом безукоризненная чистота, следуем дозволенным маршрутом — ни шагу в сторону. Все в восторге от зданий, высоченных елей, царь-пушки и царь-колокола. В Большом кремлевском зале ковровые дорожки, люстры, мягкие кресла, залитая освещением сцена с портретом В.И. Ленина. Выход Н.С. Хрущева из боковой двери зал встретил стоя громом аплодисментов.

С кратким и содержательным докладом выступил министр сельского хозяйства СССР Мацкевич, а в прениях — не добром поминаемый академик Лысенко. В третий, заключительный день с двухчасовой речью выступил Н.С. Хрущев. Запомнилась постановка цели относительно повсеместного, невзирая на климатические особенности, внедрения посевов кукурузы.

Особенно запомнились мне посещения Грановитой палаты, Третьяковской галереи, Мавзолея, встреча с заместителем министра сельского хозяйства по коневодству С.М. Буденным, который фотографировался с воронежской делегацией. Каждому из нас вручили небольшую сельскохозяйственную библиотечку, сухой паек в дорогу и тепло распрощались.

Вскоре восстановили должность второго секретаря райкома партии по сельскому хозяйству, на которую назначили меня. Забот и ответственности прибавилось. По весне в качестве главной хозяйственно-политической задачи поставили повсеместное внедрение посевов кукурузы. Про пруды, лесополосы и травопольную систему земледелия стали потихоньку забывать.

В первый год кукурузу сажали вручную, предварительно разбив поле на квадратики по семьдесят сантиметров. Только потом появились сеялки с мерной проволокой с узлами через каждые семьдесят сантиметров. Теперь значимость любого колхоза и его председателя оценивалась по четкости и чистоте квадратов кукурузных посевов. Составы звеньев по возделыванию кукурузы утверждались на бюро райкома партии.

Не менее строгий спрос внедрили за подписку на государственный заем и проведение в колхозах отчетно-выборных собраний. Под руководством членов бюро райкома создавались бригады активистов, которые в течение десяти дней ходили из дома в дом даже по ночам, чтобы всеми способами убедить хозяев подписаться на различные суммы. Начальству планы доводились высокие, а для многодетных вдов — сколько возможно. Заходили в дома по нескольку раз, уговаривая расстаться с деньгами для блага страны. Помнится, зайдешь в хату ночью, а там холод и голод — ни постелить, ни одеться. Нищета царилла во многих семьях.

В целом год 1954-й сложился неудачным для села из-за засухи. Урожайность хлебов по району составила всего 7,4 центнера с гектара. В начале уборки мешали дожди. Соломы заготовили мало, и животноводство было обречено существовать впроголодь. Пришлось даже раскрывать крытые соломой крыши. Однако план по хлебодаче район выполнил в числе первых. Тогда это было главной обязанностью, а после уже государство помогало посевным зерном колхозам.

Отчетно-выборная кампания в колхозах проходила в феврале-марте, когда были сверстаны и сданы годовые отчеты каждого колхоза. Отчитывались председатели колхозов и ревизионные комиссии. Иногда собрания проходили с шумом и криками колхозников, считавших произведенные траты средств неэффективными. Случалось, и клеветали на отдельных председателей, поэтому в задачу представителей райкома входило убедить колхозников оставить в председателях наиболее деятельных и способных хозяйственников, к примеру, таких, как Г.С. Воронов в колхозе имени Фрунзе, В.П. Кондауров в колхозе имени Свердлова и Г.И. Дмитроченко в колхозе имени Калинина.

В июне 1955 года председателя райисполкома В.П. Спасибо обком партии направил руководить соседним Щученским районом, а меня поставили на освобожденное место. На собеседованиях у секретаря обкома КПСС П.С. Лукьянова и председателя облисполкома В.Н. Корнеева на вопрос о том, как я отношусь к предложению занять ответственную должность, я отвечал кратко: «Если партия посылает, значит, буду оправдывать ее доверие».

Высокое доверие вместе с шофером легковушки Филатовым отметили в ресторане. Выехали за город, но Вася заметно захмелел, и я велел ему поспать в поле. К вечеру мы были в Эртиле. На следующий день на сессии районного Совета депутатов меня единогласно избрали председателем райисполкома. Моя зарплата выросла сразу на пятьсот рублей, а вес хозяина района — еще более. Мы переселились в просторную квартиру на «Новостройке», рядом с жильем директора сахарного завода А.Г. Сикирявого. Достигнув столь значительной должности первым среди земляков, я стал для многих из них примером для подражания и зависти. Мне вспомнилось, как старики в бытность моей учебы в восьмом классе укоряли меня за то, что не пошел работать, как мои сверстники.

В новой работе мне здорово помогали деятельный и грамотный заместитель Г.И. Боев, заведующие отделами, многие председатели колхозов и Советов на местах. Большинство из них жили серьезным отношением к делу и никогда меня не подводили.

Урожай 1955 года сложился отменным. По многим показателям и район, и область в целом занимали передовые места. Первый секретарь обкома партии Н.Г. Игнатов создал партийно-хозяйственный актив, на котором выступил с настойчивым призывом сдать государству зерна в три раза больше плана. Игнатов отличался строгостью и крутизной нрава. Случалось, за грубые нарушения снимал с работы руководителей прямо в районах. Во время приемки сахарной свеклы без предупреждения неожиданно появился на нашем сахарном заводе. Обнаружив признаки обвешивания, он тут же распорядился освободить от работы вековщицу. В том же году Н.Г. Игнатов был переведен руководить Горьковской об-

ластью, а позже занимал ряд правительственных должностей в Москве. Он был среди тех, кто осенью 1964 года активно поддержал принудительное отстранение Н.С. Хрущева от руководства страной.

Трудовые успехи 1955 года высоко оценили. Более тридцати человек в Эртильском районе удостоились государственных наград. И.Ф. Шматова наградили орденом Ленина и вручили персональную легковую автомашину. Орденом Ленина наградили главного агронома Первомайской МТС Сотникова, председателя колхоза имени Фрунзе Г.С. Воронова и других. Мой труд оценили орденом Трудового Красного Знамени и премировали мотоциклом с коляской, который я тут же продал через магазин. А райисполком наградили грузовым и легковым автомобилями, к великой радости моего верного шофера Васи.

В конце 1956 года Ивана Федотовича Шматова перевели руководить Лискинским районом Воронежской области. Нам жаль было отпустить из района этого деятельного и внимательного к людям человека. Лично я многому научился под его руководством. Взамен с должности заместителя заведующего орготделом обкома партии в Эртиль перевели Владимира Федоровича Николаева.

Всем был хорош этот руководитель, но при посещении предприятий и колхозов не имел тормозов в употреблении спиртного. Этим, к сожалению, пользовались некоторые местные начальники. Мне до поры до времени он предоставил полную свободу действий, но однажды... По предложению «первого» председателей колхозов и руководителей районного ранга отправили в Рассказово Тамбовской области перенимать опыт по птицеводству. По правде, наши примитивные фермы не шли в сравнение с птицефабрикой Аржанка наших соседей, и перенимать, собственно, было нечего. Уже по пути к соседям наши делегаты выпили, там тоже угощались на славу, на обратном пути не стеснялись и продолжили «на природе». Мне очень не понравилось отсутствие в хозяйствах руководителей целых четыре дня, когда дел у каждого непочатый край. Я сказал об этом Николаеву. Ему это не понравилось — не полагалось учить «хозяина» района.

Внешне некоторое время ничего не менялось. По моей инициативе Эртиль преобразовали в рабочий поселок. Это давало некоторые дополнительные возможности. К примеру, здесь стал курсировать первый автобус. Первый рейс в общественном транспорте Владимир Федорович проехал лично, демонстрируя свою причастность к общественному прогрессу.

На облик Эртиля весьма благодатно сказалась энергичная деятельность директора сахарного завода Н.Г. Сикирявого. Буквально за пару лет он сумел организовать строительство шлакоблочных домов на улицах вдоль кагатного поля. На берегу технического пруда завода под его руководством создали замечательный парк с аттракционами для детей, велось строительство Дворца культуры сахарников. Свою энергию этот руководитель впоследствии употребил на вновь построенном Елань-Коленовском сахзаводе.

В марте 1957 года в ходе кампании по выборам в Советы депутатов трудящихся меня выдвинули кандидатом Воронежского областного Совета. Помнится встреча с колхозниками колхоза имени Сталина в поселке Студеновка. Председательствовал здесь длительное время М.А. Смотров. После встречи в тесном и захудалом клубе мы отметили мой визит в узком кругу, а потом я стал депутатом областного ранга.

В этом качестве я принимал участие в совещании руководящих работников сельского хозяйства, которое проводил в Воронеже лично Н.С. Хрущев. Выступая с балкона перед воронежцами, он призвал всех потерпеть и обещал в скором времени улучшить положение с продовольствием в стране.

Одним из направлений в работе было продолжение укрупнения колхозов со сменой руководящих кадров. Вспоминается такой эпизод. В небольшой деревне

Маза в полсотни дворов имелся отдельный колхоз «Красная звезда». Председателем здесь работал местный житель Щеголев. На отчетно-выборном собрании колхозники переизбрали его на родного брата, тоже Щеголева. «Свергнутый» председатель отказался отдать символ своей власти — колхозную печать. Пришлось отбирать ее у него силой. Такая вот демократия.

Вслед за укрупнением колхозов началось укрупнение районов. Полной неожиданностью для меня стало предложение занять должность председателя райисполкома Аннинского района после его укрупнения за счет присоединения ликвидированного Садовского района. Совсем не хотелось покидать милую сердцу эртильскую землю, но отказывать руководителю области в те времена было не принято. Пятнадцатого октября 1957 года меня избрали в Анне на районной сессии пред-РИКа, и я распрощался со своими земляками. Но память о месте, где я стал «на крыло», сохранил навсегда. Так же, как и любовь к удивительно простым и добрым моим землякам-эртильцам.

БУДНИ ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

*Фотоочерк о строительстве
сахарного завода в 1930-х годах.
(Из фондов Эртильского
краеведческого музея)*

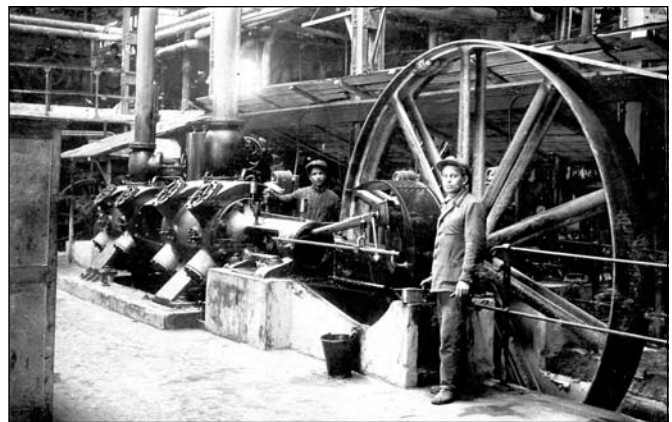
Растет заводская труба

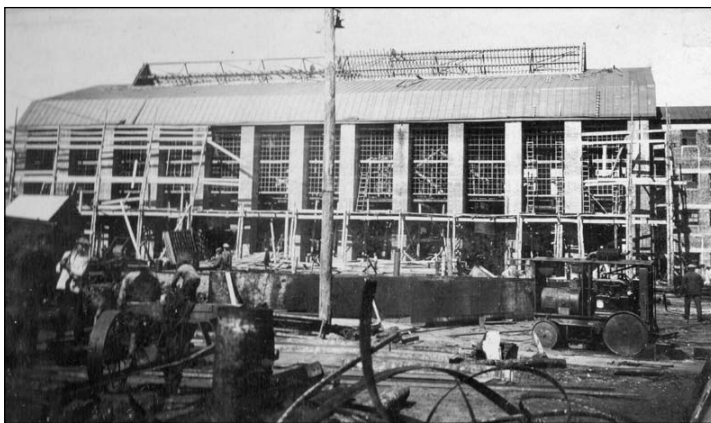
Земляные работы: все вручную

Разгрузка труб

Монтаж оборудования

Главный корпус завода

Зреет в поле урожай

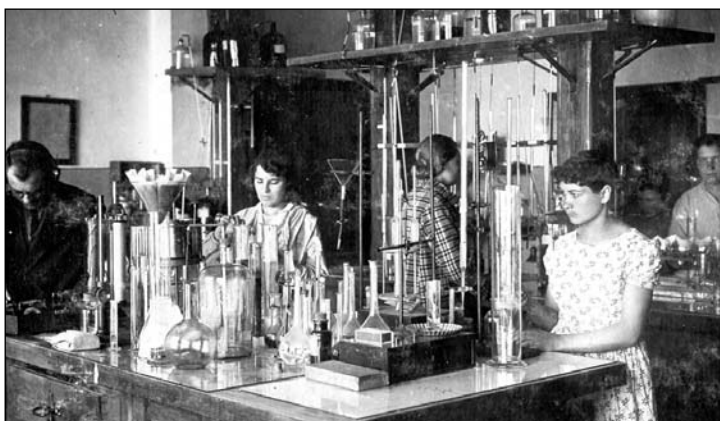
Транспортировка сладких корней

Столовая для детишек

Пруд у завода

В заводской лаборатории

Есть эртильский сахар!

Василий Песков

ДЕЗЕРТИР

Очерк

Очерк знаменитого журналиста, нашего земляка Василия Пескова был написан и опубликован в «Комсомольской правде» в начале 1960-х годов. Эта история, имеющая документальную основу и случившаяся в Эртильском районе, вызвала небывалый читательский интерес. Впоследствии очерк «Дезертир» был включен в книгу «Шаги по росе», за которую автор был удостоен Ленинской премии.

В воронежской «Коммуне» я прочитал заметку под названием «Заживо погребенный». В сорок втором году человек дезертировал из армии. Двадцать лет человек прятался на чердаке, совсем недавно спустился на землю и назвал свое имя. Тонких Николай. Невероятный, удивительный случай. Я немедленно выехал в Воронежскую область...

Степное село Битюг-Матреновка. Гуси на зеленых широких улицах. Трактор тянет по улице ярко-красный комбайн для уборки свеклы. Белые мазанки. Белое двухэтажное здание школы — окна еще в известке. Ведра с краской у школы, доски, груды белого кирпича.

— Тут он работает, — сказал директор.

Я присел на доски. Шесть человек убирают кирпич, пятеро носят доски, трое сгребают мусор, трое готовят парты. Наверно, тот высокий, в фуфайке? Но высокий макает палец в желтую краску и ставит веселую метку на щеку девушке-маляру. Смех, суматоха. Нет, это не он...

Сели перекусить. Кружком — девчонки, кружком — ребята и еще один круг — люди постарше. Кладут на желтые доски красные помидоры, кидают в сторону яичную скорлупу. Один человек не сел в круг. Достал из мешочка хлеб, сало, огурцы. Раза два бросил взгляд в мою сторону. Отвернулся. Потом лег на спину, положил под голову руки и стал глядеть на низкие осенние облака.

Я подошел ближе к рабочим, поздоровался. Он первый из всех торопливо ответил «здравствуйте!» и принялся за кирпичи.

— Тонких? — кивнул я прорабу.

— Да, старается, но устает. Час работает, а потом ляжет, руки под голову, как неживой...

Вечером я разыскал хату на самом краю села. Дверь открыла женщина лет семидесяти. Руки в муке, на столе тесто для пирогов. Хозяйка не рада гостю, но голос искательный.

— Сейчас позову Николая...

Николай, как потом оказалось, первым увидел гостя — и сразу в сарай. Че-

ловеку в его положении всякий разговор неприятен и тягостен. Но гость сидит на скамейке, достал сигареты, закурит предлагает — надо поддерживать разговор.

Разговор односложный: «да», «нет», «конечно», «жалею»... Руки сложены на коленях, землисто-розовое лицо вздрагивает. Бесцветные глаза слезятся.

Приходит отец. На стену рядом с иконами вешает вожжи:

— Ну что, Николай, теперь молчать нечего. Теперь отвечать надо...

— Небось опять в газету, — сердито бросает мать и уходит доить корову.

Николай курит одну за другой сигареты. Говорить ему по-прежнему трудно, но слово за словом я узнаю трагедию человека-труса. Сначала боялся смерти. Потом боялся кары. Потом боялся жизни.

В сорок втором, когда полыхал Воронеж, когда немцы рванулись к Волге, с холщовыми сумками за плечами из Битюг-Матреновки в Липецк шла группа ребят. Невеселое было шествие. Дома остались невесты, матери, а немцы вот-вот нагрянут. Парни спешили к месту, где люди получали винтовки, и потом садились в теплушки и отправлялись к Волге. Каждый понимал, что ждет его, и оттого руки еще крепче сжимали винтовку.

А он испугался. Он бросил друзей, глухими дорогами пошел назад, к дому. В подсолнухах дождался полуночи и, озираясь, постучал в хату у Битюга.

— Мама, открой...

Мать сжала его в объятиях.

— Сынок... Живой, здоровый. Никому не отдам... Один раз живем...

Так начались эти страшные двадцать лет жизни возле печной трубы. От Волги шли письма. Между прочим, ребята писали: «Колька Тонких куда-то исчез...» В Битюг-Матреновке возле хаты у речки кое-кто по ночам видел странную тень. Пошел слух по селу: дезертир...

Однажды утром в селе услышали горькие причитания. Плакала мать Николая. В черном платке она стояла в

конце огорода у могильного холмика. Белел свежий дубовый крест, горела свечка в руке.

— Коля, голубчик.

Собрались люди.

— Прибежал хворый. Метался в жару... Ни полслова, ни слова... Умер. Колюшка!..

Сидя на чердаке, сын слушал материнские причитания, в узкую щель видел людей в конце огорода, столпившихся над «его могилой».

С неделю поговорили, погоревали в селе. У матери постеснялись спросить: почему не на кладбище схоронила? Трудный был год. Горе редкий дом обходило, поэтому быстро забыли одинокий холмик на огороде. И только «успешный» в чердачную щель каждый день видел свою могилу...

Страшные двадцать лет. Семь тысяч дней, похожих как близнецы. Наперечет известные звуки: это мать доит корову, это сестра повесила на стенку портфель, это скребется мышь, это червяк точит стропила... При каждом новом и незнакомом звуке человек у трубы вздрагивал, сжимался в комок.

На чердаке в сорок втором мать раскинула полушубок. Двадцать лет человек пролежал на старой овчине.

Я прошу Николая вместе полезть на чердак. Он нехотя поднимается. Шаткая лестница. Двадцать лет изо дня в день по утрам на чердак поднималось ведерко и сверток с харчами. С чердака мать снимала ведро с нечистотами. Полумрак. Фонариком освещаю снопы соломы, липкую паутину. Вот полушубок с вытертой шерстью, вот щель в крыше...

Чем жил человек? Он признается: все было заполнено страхом. Всего боялся. Чужие шаги, незнакомый голос, автомобиль завернул почему-то к реке — дезертир припадал к щели: за мной или нет?

Никто, кроме матери, отца и сестер, не знал о чердачном жильце. Иногда к нему поднимался соседский кот. Круглые глаза горели зелеными фонарями. Увидав человека, фонари пропадали. А

человеку много ночей от страха снились кошмары.

В потемках начал слепнуть. От голубого неба, если заглянуть в щелку, болели глаза. Зато слух, как у зверя, обострился.

Не помнит, в какую по счету весну, услышал он возле хаты сдержанный шепот. Их было двое. Шептались всю ночь. И всю ночь он просидел на коленях, приложив ухо к щели. Весь день потом колотилось сердце от страха и любопытства: придут — не придут?

Двое не знали, как чутко на чердаке слушают их поцелуи. Им нравились заросли лозняка и ромашек у крайнего дома, и они приходили все лето, почти каждую ночь. И каждую ночь он сидел на коленях у щели. Потом двое перестали ходить. Он ждал неделю и не сдержался, спросил:

— Тут двое ходили...

— Поженились, — сказала мать. — На Покров свадьба.

В то утро вместе с едой мать подала ему крест и сказала: надо молиться.

Зимой, ночами, когда от мороза глухо трескался лед на реке, человек не выдерживал, спускался в хату, на печку. Однажды в такую ночь постучался потерявший дорогу геодезист. Пока мать объяснялась через закрытую дверь, сын кошкой метнулся по лестнице и всю ночь продрожал, синевя от холода.

Летом, в темные часы между зорями, человек спускался к земле. Озираясь, он обходил вокруг хаты, трогал руками подсолнухи, прикладывал ладони к остывающим после дневной жары тыквам. Уснувшие кузнечики шарахались из-под ног. Человек думал: «Это они меня боятся». Он сливался с ночью, а чуть светало — скрипела лестница на чердак. И снова, лежа на вонючей овчине, человек наблюдал, как медленно белый червяк грызет стропила: «Я завидовал тем ребятам, которые не вернулись. Я думал: им хорошо, лежат спокойно, им носят цветы, их помнят. А я... Зачем?.. Много раз трогал руками веревку. Минута, и все. Кому я нужен? Но жутко — живем один раз...»

Утром на чердак заглядывал робкий и пыльный луч. Ладонь тянулась к теплой полоске света. Текли слезы, человек начинал вдруг рыдать... В чердачном люке появлялось лицо матери.

— Услышат... Люди услышат, сынок. Помолись...

Человек умолкал.

Как-то ночью открыл старый сундук. Перебирая в коробке железные бляхи и пуговицы, обнаружил два рыболовных крючка. Сколько воспоминаний разбудили два рыболовных крючка! На чердаке он закрыл глаза и нажимал пальцем на острие, пока не показалась капелька светлой крови. Забывшись, он увидел себя мальчишкой, белоголовым и резвым. Босой, он бежит на Битюг. Ноги обжигает роса. Он остановится на секунду: надо разбудить Ваську. Судочками они вдвоем идут к Битюгу. Колхозный сад по пути. Хрустят на зубах холодные яблоки. Сторож дядя Матвей кладет кизяки в костер, греет чай.

— Ловить?.. Ну-ну... Вон там у обрыва сазаны бьют...

В то утро с Васькой Ивановым, глядя на поплавки, они говорили о самолетах. Вместе с Васькой в сорок втором шли в Липецк. Васька после войны вернулся, как говорит сестренка, с двумя орденами. У Васьки — жена, четверо ребятишек. Васька теперь комбайнер, зовут его, конечно, Василь Никитич... Человек открывает глаза и видит вытертый полушубок, паутину и маленький пыльный луч солнца. В тот день он жадно ждал темноты. Завернув в тряпицу крючки, выполз на луг, подкрался к лошади, выдернул пучок волос из хвоста. Три дня не спеша, с наслаждением плел леску, прилаживал крючок. Ногтями разгреб землю на огороде и ощупью, разминая комочки земли, набрал в ладонь червяков. Он тщательно готовился. Как полководец, он не спешил начинать сражение, пока не убедится, что все пойдет хорошо. Он загадал: если на леске четное число узлов — значит не все потеряно. Число было четным. Он бодро спустился по лестнице и, слившись с ночью, пошел к Битюгу.

Он не узнал Битюга.

Дрожащими руками, цепенея от непонятного чувства, размотал леску, неловко забросил в темную воду и стал ждать. Ослабевшие глаза не видели поплавок. Подтянув леску, обнаружил поплавок у самого берега, его прибило течением. Он снова забросил. Глаза опять не видели поплавок, только звезды, как чешуя, рябили в глаза. Он бросил удочку и тихо поплелся к дому...

Часто думал: спущусь к людям, расскажу все. Боялся. Уже не кары за трусость боялся: он знал — народ простил его трусость, боялся жизни. Все пугало: и громкий человеческий смех, и песни во время покосов над Битюгом, и грохот комбайна, на котором ездил по спелой ржи Васька. «Что скажу людям? Что буду делать? Профессии никакой. Я даже говорить разучился». Мысленно он прикидывал для себя работу в колхозе: «Навоз вывозить... не смогу. Ослаб, еле поднимаюсь по лестнице...»

Огромная жизнь проплывала за чердаком большими белыми самолетами, красным комбайном Васьки, смехом мальчишек, плеском рыбы на Битюге. Сестра приносила домой звучные и непонятные слова: «целина», «спутник», «телевизор», «космонавты», «ракета», «атомный ледокол»... Это была уже совсем незнакомая жизнь. Два шага от дома при солнце, и все — он будет частицей жизни. Боялся. Вспомнил, как однажды выбирали из подвала картошку. В темноте на картошке выросли длинные белые нити. На солнце нити пожухли и превратились в серую пыль. Он часто вспоминал белые нити. Его знали восемнадцатилетним парнем, теперь ему тридцать восемь. Он ослаб и разучился говорить. За двадцать лет он прочел задачник по арифметике для третьего класса и каждый год по многу раз перечитывал книжки по географии, «про пустыню, про Крым, про Германию, про слонов, про Ленинград, про оленей и белых медведей». Он не знает ни одной песни, и петь ему не хотелось. Он не знает ни улыбок, ни поцелуев, не

знает настоящего вкуса хлеба, потому что вкус этот знают только те, кто работает. Он ненавидел себя. Он завидовал тем, кто не вернулся от Волги. Двадцать лет он видел свою могилу. Могила сровнялась с землей. Он знал: люди его забыли...

Он курит сигарету за сигаретой. Желтые руки сложены на коленях, глаза слезятся и смотрят под ноги. Отец чинит старую сбрюю, мать опять принялась за тесто.

— Анна Александровна, вы понимаете, что произошло с вашим сыном?

— А что? Он никого не убил... Бог не всем одинаково отмерил...

У матери было семь дочерей и один сын. Мать хотела счастья своему Кольке. И вот оно, это счастье... «Не пожелаю самому злому врагу», — говорит сын.

В семье хорошо помнят конец войны. Вернулся отец. Сын слышал: он обнимает мать, сестер, потом все утихло и закрипела лестница на чердак. Обняв сына, старый солдат с медалью на гимнастерке заплакал. Не от счастья заплакал солдат.

— Слезай... Люди умеют прощать...

Сын промолчал. Вмешалась мать:

— Замолчи! Все Богом дано, от судьбы не уйдешь...

Родитель бушевал с неделю, грозился сам пойти в сельсовет, но так и не хватило мужества у солдата. Смирился, спрятал в сундук медаль и стал подавать на чердак хлеб и чашку со щами. Шестнадцать лет кормил дезертира! Взбунтовался совсем недавно:

— Что ж получается! Ты отца должен кормить, а я до сих пор ведро принимаю... Слезай!

Сын ткнул отца сапогом, и тот загремел с лестницы... А через два дня огородами к сельсовету прошел голый, никому не знакомый человек.

— Чей, откуда?..

Молчит. Потом сказал:

— Тонких сын...

Никто не помнил сына Тонких. Потом вспомнили о могиле. Позвали мать.

— Нет, не мой. Мой умер...

Потом выяснилось: странный человек действительно Николай Тонких...

Вот и вся трагическая и жалкая судьба дезертира. Он живет теперь среди нас. Он ходит в кино, и мечтает о женьтибе, и сам зарабатывает свой хлеб. Он устает на работе, избегает людей. Спит он по-прежнему на чердаке. «Никак не привыкну к избе...» Вечерами, перед тем как полезть на чердак, долго стоит во дворе, провожает закат.

Трусость в тяжкий для Родины час требует наказания. Но у кого поднялась бы сейчас рука на жалкого человека,

пережившего семь тысяч дней страха, наказавшего себя сверх всякой меры! Он и теперь говорит: «Живем один раз». Но он сам понимает, как беспощадны для него эти слова. Двадцать золотых лет зачеркнуто в жизни. И теперь что за жизнь? Не всякий подает руку. А когда идет по селу, острый слух ловит шепот:

— Дезертир...

Презрение людей — самое тяжкое наказание для человека. А живем один раз...

*1962 год,
с. Битюг-Матреновка
Воронежской области*

Валентина Чермашенцева

КНИГИ О МАЛОЙ РОДИНЕ

(Эртильская библиотека имени А.С. Пушкина
издает свои манускрипты)

Повседневная деятельность библиотек должна строиться с учетом реалий времени и вместе с тем формировать у своих посетителей адекватное восприятие действительности и влиять на их гражданскую позицию. С расширением коммуникативных возможностей сети Интернет и средств мобильной связи книга перестала быть доминирующим носителем информации. Повсеместно отмечается ослабление интереса к чтению и приобретению книг, к посещению библиотек.

В меняющемся мире районные и сельские библиотеки обязаны искать новые формы работы с населением. Помимо традиционных забот о сохранении и пополнении книжных фондов, формировании каталогов, картотек и библиографических указателей межпоселенческая библиотека Эртильского района все более практикует проведение в своих стенах различного рода встреч читателей с интересными людьми, презентаций новых книг и других акций, дающих пищу для ума и души. Востребованным и перспективным направлением последнего десятилетия стала самостоятельная информационно-издательская деятельность библиотеки.

Мы озабочены духовным и интеллектуальным развитием наших реальных и потенциальных читателей, особенно юношества. Поэтому взяли на себя миссию сохранения памяти. Земля эртильская богата людьми интересными, самоотверженными, щедрыми на добрые дела, память о которых должна сохраняться как пример для новых поколений.

В 2007 году сотрудники библиотеки на основе собранных и систематизированных материалов издали первую книгу «Памятники и воинские захоронения на территории Эртильского муниципального района». Со временем интересное начинание стало целой издательской серией «Живая память». В настоящее время в библиотеке имеется уже четвертое издание этой книги. К 70-летию Великой Победы многие памятники и воинские захоронения были реставрированы, заменены, перенесены, появились новые, в частности на территории первой городской школы, поэтому каждое последующее издание дополнялось новыми сведениями. В 2015 году информация о памятниках и воинских захоронениях была выложена на сайт Министерства обороны России «Подвиг народа» в разделе «Память народа». В этой же серии имеется несколько из-

даний сборников «Запечатленная память», содержащих описание мемориальных досок, увековечивших память об эртильцах и событиях, в честь которых они установлены, «Почетные жители города Эртиль» с биографиями земляков, удостоенных этого почетного звания.

В этой же серии выпущены две брошюры «Эртильский район в лицах». Их герои — люди, которые защищали Родину в лихую годину, ковали победу своим трудом в тылу, поднимали хозяйство Эртильского района в годы послевоенной разрухи, самоотверженно трудились на полях и фермах района. Немаловажно и то, что помимо профессиональных достижений эти труженики являли образцы человечности, благородства и трудолюбия. Презентации брошюр в межпоселенческой библиотеке и в ее Щучинском филиале стали праздником не только для родных и близких тех, о ком рассказывалось в этих изданиях, но и для горожан и односельчан, которые пришли на эти встречи и дополнили своими рассказами образы героев очерков. Наши библиотекари стремились донести до сознания присутствовавших на презентациях юношей и девушек, что жизнь каждого поколения самоценна, а добрые дела всегда найдут свое продолжение.

Книга «Мы все войны минувшей дети» знакомит читателей с эртильцами, которым присвоен официальный статус несовершеннолетних узников концентрационных лагерей, созданных фашистами в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза. Война и оккупация отняли у них детство, право на учебу и даже на саму жизнь. Но они выстояли, а значит — победили! В библиотеке многие герои этой книги не раз встречались со старшеклассниками. «Война нас не ожесточила. Просто мы рано повзрослели. Росли самостоятельными. Мы были молоды, и у нас все было впереди. Мне и моим сверстникам не повезло. Детство у нас отняла война. Не совсем богатая юность. Перестроечная старость. Многовато, конечно, для одного поколения, но это и есть судьба», — этими словами закончила однажды встречу со школьниками бывшая узница концентрационного лагеря в селе Семидесятное Хохольского района

Воронежской области Зинаида Степановна Черенкова.

Библиотечные издания серии «Вспоминем всех героев имена...» об эртильцах — Героях Советского Союза и кавалерах ордена Славы, об участниках Парада Победы, о Героях Социалистического Труда и о подвиге морского летчика Ю.И. Чурилова, которому высокое звание Героя Советского Союза было присвоено в 1984 году. Их содержание вызывает чувство гордости за своих земляков. Готовя это издание, библиотекари работали в тесном контакте с сотрудниками Эртильского краеведческого музея, ветеранами производства и многими семьями эртильцев, чьи воспоминания и фотографии из семейных альбомов послужили существенным дополнением. Объединив эти издания, а также статьи разных авторов из районной газеты за многие годы, документальные материалы школьных музеев, воспоминания участников Великой Отечественной войны, мы к 70-летию Победы создали книгу «И пусть поколения знают» объемом в 348 страниц. Большой труд явился итогом совместной работы библиотекарей с Эртильским районным Советом ветеранов, краеведческим музеем и жителями района, которым дорога память о земляках-участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. Мы посчитали важным успеть рассказать о тех, кто не раз смотрел смерти в глаза и вынес тяжкие испытания на фронте и в тылу, при их жизни, постарались донести эти знания до нынешнего молодого поколения эртильцев.

В серии «Страницы краеведения» издана брошюра «Ветераны труда свеклосовхоза «Красноармейский»». Вступительная статья кратко знакомит читателя с богатой историей свеклосовхоза «Красноармейский» — одного из ведущих некогда хозяйств района. За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны орденами и медалями отметили 224 человека, в послевоенные годы шести работникам было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, а еще 155 человек награждены правительственными орденами и медалями. В этом издании содержатся биобиблиографические сведения о пятидесяти ветеранах труда свеклосовхоза.

Книга «Трудовая доблесть эртильцев» содержит информацию о 230 уроженцах и жителях Эртильского района, награжденных за труд орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Трудовой Славы. Многие эртильцы приобрели это издание в личные библиотеки.

Издание «Их именами названы улицы города Эртиля» знакомит читателей с земляками, в честь которых названы городские улицы.

Брошюра «Эртильский район: остановленное время» посвящена 75-летию Эртильского района. В ней содержатся комментарии фотографий, запечатлевших яркие события в жизни эртильцев в разные годы. Это открытие новых зданий школ, пожарной части, памятника, вручение правительственных наград, пуск газа. Все фотографии представлены из личных альбомов эртильцев.

Сотрудничество с краеведом Ю.В. Бычковым способствовало появлению сборника кроссвордов «По родному краю». Автор постарался использовать максимально возможное число личностей, которые известны и популярны в Эртильском районе.

В серии «Земля родная» изданы брошюры об истории сел и деревень Александровского, Битюг-Матреновского, Большедобринского, Буравцовского, Ростошинского, Самовецкого, Щученско-Песковского сельских поселений Эртильского муниципального района. Нашими соавторами стали учителя истории сельских школ и главы администраций сельских поселений, которым интересна и дорога история их малой родины. В феврале этого года электронной почтой в наш адрес обратилась Екатерина Сапрыкина: «...Живу я за Уралом, но предки мои родом из эртильских мест: Ершовки, Прокуроровки и Большой Добринки... Такие книги объединяют нас».

Библиотечные издания «Календарь памятных дат», «Дайджест», «Творчество», «Культура», «Страницы православия» интересны тем, кому захочется больше узнать о людях творческих, об этнографическом музее под открытым небом «Деревенька XVII—XX веков», о событиях в районе за прошедший год и тех, которые предстоит отметить в текущем году, об истории храмов на территории Эртильского района.

Издательское направление «Эртиль литературный» тоже стало достаточно плодотворным. В 2007 году мы начали работу по изданию сборника стихов местных поэтов. Финансирование этого проекта обеспечила администрация городского поселения. В процессе работы в нашем «самиздате» появилось шесть брошюр с названием «Тебе, мой край, пишу...», каждая из которых посвящена творчеству отдельного автора. Брошюры «Пусть пишут юноши стихи», «Пускай поют поэты на все свои земные голоса» объединили творчество еще семи авторов. Все они стали частями сборника стихов «Эртиль поэтический». Издание сборника, в который вошли стихи 12 поэтов-земляков, состоялось в Год книги в Воронежской области.

В 2013 году к 75-летию Эртильского района библиотекарями совместно с участниками литературного объединения «Эртильская волна» был подготовлен к изданию второй выпуск сборника стихов «Эртиль поэтический». В разные годы библиотекой были изданы несколько сборников стихов и прозы В.Апелалова и В.Коневец, книга Д.Полуктовой «Судьба-судьбинushка», сборник стихов «Проба пера» и другие, которые пользуются спросом у наших читателей. Ежегодно издаются альманахи «Эртильской волны», сборники стихов и прозы победителей районных литературных конкурсов, проводимых библиотекой. Поэтический сборник «В моем сердце прописан» был издан к 115-летию города Эртиль, сборник «Давайте скажем о Победе и вспомним хоть немного о войне...» — к 70-летию Великой Победы.

Библиотека успешно участвует в областных литературных конкурсах. Молодой библиотекарь Алла Перелетова в прошлом году в областном литературном конкурсе «Кольцовский край» в номинации «За лучшее произведение для авторов не старше 25 лет» получила третью премию.

Наш новый проект «Эртильский прилив», реализуемый в этом году, направлен на создание литературного юношеского клуба. Участие в его работе будет способствовать раскрытию творческих дарований у юношей и девушек, которые, мы надеемся, со временем пополнят ряды взрослого литературного объединения «Эртильская волна».

Пополняя книжный фонд собственными изданиями, мы наполняем современным содержанием прежние формы краеведческой работы, активизируем познавательный интерес к изучению истории своего района у наших читателей и расширяем их знания по его истории, формируем интерес к чтению книг по краеведению. Наша издательская продукция пользуется спросом у школьников, студентов, учителей и всех тех, кого интересует прошлое и настоящее малой

родины. Рекомендательные списки библиотечных изданий позволяют им быстро найти нужную им информацию. Информация о наших изданиях размещена и на сайте библиотеки. Издание книг помогает нам также решать целый ряд вопросов в работе с читателями: воспитание чувства любви к своей малой родине, изучение и продолжение местных традиций, распространение краеведческих знаний, формирование и развитие у них информационных потребностей.

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

ISSN 0130-8165.

Безгонорарное издание.

*Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.*

*Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в
ООО «Тамбовский полиграфический союз».*

Подписано в печать 08.06.16. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Тираж 700 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тамбовский полиграфический союз»:
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А.

Тел. 8 (4752) 53-26-27

E-mail: info@tps68.ru

www.tps68.ru